

СЕРГЕЙ РАССОХИН

**Ведущий благотворитель в издании тиража
Григорий Иванович Прозукин**

ГОРЕ И СЛАВА ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**Автор у Святынь Боевой Славы,
где обязаны бывать все писатели Отчизны**

**Россия
Союз российских писателей
Медиахолдинг «Истоки»**

Орел – 2016

Сергей Рассохин, вошедший в отечественную литературу по стопам отца в 1992 году, заметно отличен от него стилистикой, манерой и предназначением своей историко-документальной прозы. Работоспособность, подвижничество, ежедневный труд водителя, участие не только в текстовом содержании, но и в художественном оформлении при соавторском создании более 33 книг, раскрывают читателям масштаб миропонимания писателя на фоне попыток изжить профессию интернетизацией книгоиздания.

В данном сборнике члена Союза российских писателей, которого четыре года подряд лишают стипендии губернатора «за неактивную деятельность, не имеющую ничего общего с литературой» – очевиден международно-значимый диапазон произведений. В работах отличника ВМФ СССР, принятого в состав организации "Флоту Быть!" видна высоконравственная и монументальная цель художника, гражданина и публициста, идущего по суше, небесам и океанам ради справедливой и повсеместной гуманизации Человечества.

***Председатель Совета ветеранов
Краснознамённого Черноморского Флота в Москве,
участник многих военно-морских походов
и манёвров кораблей ВМФ стран СЭВ, капитан I ранга
ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ВАСИЛЬЕВ***

ББК 63.3(2)622
Р 24

© Рассохин С.В., 2016
© Рассохин В.В., 2016

ОТ ЗАРИ – ДО ЗАРИ

Участь земледельцев-кормильцев России всегда была трагичной и суровой – от монархии до федерации. В XXI веке, поднимая плугом пласты земли вслед за пращурами, выходя с небывалой техникой на неподнятую целину, мы цепляем в них железное эхо войны. Молча скорбим над останками бойцов и офицеров. Вместе со школьниками облагораживаем мемориалы. Удивляемся силе воли и духа крестьян, отпахавших жизнь на лошадях и быках, никогда не видевших и не мечтавших о тракторах, сеялках, культиваторах, удобрениях. Об этом часто напоминают в книгах и журналах писатели Рассохины, однако "что было" после революции и Гражданской, при коллективизации-индустриализации – непечатый край для сегодняшних исследователей...

Старатели, давшие присягу единожды, знали, что у Победы скорбное лицо, ибо всесоюзную многодетность подкосила смертоносная всеобщая мобилизация. Не год и не два после разгрома Германии и Японии – матери, сёстры, жёны, возлюбленные, дочери, племянницы выходили в слезах за околицу, не верили похоронкам, военкоматам, госпиталям, НКВД, сохраняя в сердце живительное тепло надежды...

Больно, что ныне привыкли к терминам: "неперспективность деревень", "аграрная дыра", "нерентабельность растениеводства и животноводства". В периоды сева и страды повышаются тарифы на запчасти и ГСМ. Над неимущими, пожилыми и заслужившими почёт россиянами довлеют заезжие младореформаторы и инвесторы. Прибыль и часть урожаев с нашей земли-матушки безнаказанно уходят за границу. Зацвело сорняком явление – "живём одним днём".

Крестьянство с его выстраданным производством от зари до зари – было и будет державообразующим звеном, несмотря на любые формы международных санкций. Вот почему не осознающим, что плуг важнее пули, что возделываемые культуры и племенные стада не живут без любви и заботы, автор "Книги про бойца" А.Т.Твардовский заповедывал на века:

*Науку мы оспаривать не будем,
Науке слава, и науке – честь.
Но пусть она почтенным сельским людям
Не указывает, с чем им кашу есть!*

**Генеральный директор ООО "Элита"
ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛЕНКОВ**

ВЛЮБЛЁННЫЙ В ИСТОРИЮ

Недельная командировка в партизанский край

Рассохин Сергей Викторович родился 8 августа 1971 года, в городе Первого Салюта – Орле. Окончив десятилетку, работал экспедитором, грузчиком, помощником шеф-повара, прошёл практику разно-рабочего от Учебного комбината на заводе УВМ. В 1989–1992 гг. служил в рядах ВМФ СССР. За отличие при исполнении долга перед Родиной был рекомендован командованием на внеконкурсное поступление в любой вуз страны на выбор. Демобилизовавшись, заочно учился в институте, параллельно трудясь шофёром, автослесарем, менеджером.

С 1992-го по 2015 год, в соавторстве с отцом, членом СП СССР В.В. Рассохиним, Сергей участвовал в создании, оформлении и распространении книг: «Шапка Мономаха» (в 2-х изд.), «Последняя дуэль» (К 200-летию А.С.Пушкина), «Небесные снайперы» (в 2-х изд.), «ТОК», «Сказка об Иване-Свидетеле» (2-е изд.), «Лишний гражданин». Его вклад в литературу и документальную патриотику Орловщины известен по работам «Мы Вас любим, фронтовики!» (в 3-х изд.), «Шамиль в Калуге», «Страна непуганых идиотов», «Победившие смерть» (в 2-х изд.), «Сердце над облаками» (К 65-летию Победы). Целеустремлённость и творческое трудолюбие автора отразились в произведениях «Посмертный обыск», «Золотая кувшинка», «По ухабам Отечества», «Щедринарий», «Штурмующий небо» (в 3-х изд.), «Наш Лермонтов» (К 200-летию со дня рождения), «Небопроходцы» (К 120-

летию Н.Н. Поликарпова и к 110-летию В.П. Чкалова).

Оформив множество публикаций для СМИ РФ и стран СНГ, молодой литератор дебютировал в 2002 году книгой «Тихие Гавайи?» (К 60-летию Военно-Морских кампаний Японии и США на Тихом океане). К 70-летию освобождения Орловщины от оккупантов в издательстве «Картуш» вышла в свет его многоплановая книга «На воде некуда бежать», оформленная автором.

Прозаик и публицист, художник-дизайнер, отвечающий за транспорт при книгопроизводстве, Сергей – постоянный представитель, фотокорреспондент типографий «Фолиант» и «Новое время», участник съёмок документальных фильмов и видеороликов о замечательных земляках, а также о Героях Вооружённых Сил Отечества. В ноябре 2013 года автор многих очерков о Второй Мировой войне принят в Союз российских писателей. Награждён за труд памятными медалями «70 лет Танковой Гвардии», «900 лет подвигу священномученика Кукши», «70 лет Великой Победы», «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николая во граде Мценске».

В Год 70-летия Победы, Русской литературы и 72-летия освобождения Орловщины от германских агрессоров Рассохин-младший, в соавторстве с Виктором Васильевичем Рассохинным создали и выпустили три книги: «Небопроходцы», «Штурмующий небо» (новая версия) и «Память крепче брони». К очередной годовщине освобождения Орла от захватчиков издан иллюстрированный журнал «Орловский Военный Вестник», полностью состоящий из военно-исторических исследований отца и сына. На 110-летие подводного флота РФ автор многих очерков о ВМС ведущих держав был принят в организацию «Флоту Быть!» и награждён грамотой за участие в конкурсе «Усталая подлодка». К 70-летию окончания Второй Мировой вышел в свет спецвыпуск «Орловского военвестника» – «Ради справедливости всюду».

Находясь в постоянных командировках по Орловщине и России, писатель подчёркивает, что многократные встречи с соотечественниками, беседы с представителями всех профессий являются сокровищницей созидательности народа, кладезем образов и характеров. Анализ архивов и мемуаров служит Сергею Викторовичу «ключом» к пониманию трагедий и радостей народов СССР, победивших фашизм и милитаризм 70 лет назад...

**Наталья Владимировна Фролова,
ведущий специалист электронной
библиотечной системы
ЦБС имени Пушкина, Первосалютный город
Воинской Славы Орёл**

«РОЗА ВЕТРОВ» БОРИСА ХЛЮСТИНА

Десятки тысяч рыбаков Орловской и Курской областей, рыбаки Железногорска, автолавки, туристы и участники парусных регат со всей России, не раз и не два проезжали через село Копёнки зимой, весной, летом, осенью. Разбросано оно жизнью и временем по берегу Железногорского озера, в нескольких километрах от плотины на Свапе. Если ехать со стороны Железногорска и свернуть влево не доезжая до неё, попадёшь в аккурат на развалины помещичьей усадьбы владельцев земли и лесов, конезаводчиков Хлюстиных. Мало кто знает (тем более помнит), сколько тайн хранят останки барской усадьбы, с полвека претендующей на статус госпамятника...

Выдающийся представитель дворянского рода Хлюстиных — Борис Павлович Хлюстин родился на хуторе Дуброва Кромского уезда, в феврале 1884 года. У будущего героя морских баталий, видного стратега Императорского Флота и строителя Рабоче-Крестьянских Морских Сил СССР были воистину редкие предки. Они имели владения и усадьбу в Медыни, поблизости от имения супруги «солнца русской поэзии» А.С. Пушкина, дружили с родом Гончаровых. Один из предков моряка — Семён задумывал брачный союз с сестрой Натали — Екатериной. Вмешался горячий гений Пушкин: венчание не состоялось из-за ссоры поэта и жениха, вплоть до её разрешения на пистолетах...

Усадьба помещиков Хлюстиных в ожидании патриотов

Семён прожил 34 года, но оставил дочь Веру, завещав ей земли в Тросне и поблизости. Сестра Семёна, Анастасия, могла стать женою польского сочинителя Адама Мицкевича. Поэта опередил французский граф, дипломат и журналист де Сикур, с которым она укатила в Париж. Брату и сестре Хлюстиным приходился родным дядей беспримерный участник множества дуэлей и скандалов Фёдор Толстой («Американец»), воспетый в стихах П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным, их окружением.

Ещё один из Хлюстиных — Иван Николаевич, широко известен на поприще балетного искусства. Будучи танцором и балетмейстером, он ставил классический балет в Большом театре Москвы и парижском «Гранд-Опера», вывел в свет Анну Павлову.

Практик и стратег ВМФ
Б.П. Хлюстин

Наследник славных дел рода Борис, вместе с братьями Дмитрием и Николаем, обучался дома, в сельце Копёнки. Отсюда, с берегов Свапы и Белого Немёда, отправятся они служить верой и правдой России и царю-батюшке.

В 1901-м — Борис гардемарин, с февраля 1904-го — мичман. В 20 лет его срочно командируют в Порт-Артур, где «стоял под парами» Квантунский Флотский Экипаж. В первую неделю февраля Борис зачисляется на броненосец «Ретвизан» вахтенным офицером. Недолго ему доведётся радоваться и гордиться мощью родного обновлённого Флота: 31 октября он чудом не погиб от

взрыва японской мины на палубе миноносца «Сильный». Там, на рейде далёкого Порт-Артура, Борис получил «вечную память» — осколок разорвал ему лобную часть, граничащую с виском, на два сантиметра в ширину и пять сантиметров в длину. Видимо, его защитил Господь, охранявший разум и тело моряка до его передачи на руки санитарам крейсера «Паллада»...

Молодой организм победил, хотя швы ещё не были сняты. При трагедии Русского Флота в Порт-Артуре и Чемульпо, обстоятельства войны вывели Бориса в число блестящих патриотов-храбрецов уже на борту миноносца «Статный». Экипаж корабля, вахтенным начальником коего служил мичман Хлюстин, осуществил ночной прорыв, разорвав блокаду японских броненосцев, чем спас штандарты, полковые знамёна, архивы и документы русской армии. Команде «Статного» удалось доставить их без потерь в китайский порт Чифу. Моряки спасли боевое знамя Квантунского Флотского Экипажа, которому предстоит стать военно-морской реликвией у алтаря петербургского храма Христа Спасителя — Спаса-на-воде.

За героизм, проявленный экипажем миноносца, государь Николай II поощрил верноподданных воинов грамотой. В наградной на имя «Нашего Мичмана Бориса Хлюстина» от седьмого дня февраля 1905 года самодержец Всея Руси пожаловал его Кавалером Императорского Ордена Нашего Святого Равноапостольного Князя Владимира IV степени с мечами и бантом. В том же году, несмотря на предатель-

ства и поражения, понесённые монархией в Русско-Японской войне, смелый и решительный офицер награждается Орденами Святой Анны III степени с мечами и бантом и Святой Анны IV степени с гравировкой «За храбрость».

Потеряв многих сослуживцев в сражениях с флотоводцами Японии, Борис переходит на миноносец «Скорый». Затем, в 1907-08 гг., он служил на эсминцах «Выносливый» и «Сибирский стрелок». За четыре года до Первой Мировой войны Хлюстин ходил на линкоре «Андрей Первозванный» старшим штурманом, а также отличился в должности

Награды контр-адмирала

флаг-штурмана бригады линкоров и минной дивизии Балтфлота. Свою службу на кораблях навигатор совмещал с учёбой в Николаевской Морской Академии (Гидрографический отдел), которую окончил с отличием по первому разряду.

Спустя пару лет лейтенант Б.П. Хлюстин — капитан II ранга, ведёт курс среди юнг и гардемарин Морского корпуса.

За успехи в преподавании морского дела и воспитании новых кадров Императорского Флота командование награждает его Орденами Святого Станислава II степени и Святой Анны II степени.

Большевистская революция, затронувшая каждого смертного в России, не сломила убеждений Бориса Павловича, его понимания предназначения офицерской службы и чести. Судьба отечественного Флота была его жизнью, его альма-матер, путеводной звездой в круговороте стихии. Исчезнуть в «девятом вале» Гражданской войны, эмигрировать, уходить в отставку, разводить спирт водой, стреляться — претило капитану по духу, вере, характеру, знаниям.

Да, он помнил войну по заповеди адмирала С.О. Макарова. Сокрушаясь из-за уничтожения царского Флота, Хлюстин переходит на преподавательскую деятельность в ВВМУ им. М.В. Фрунзе. В Петрограде один из лучших штурманов страны провёл тысячи часов с курсантами, обучая их навигации и кораблевождению на посту флагмана кафедры.

В период величайших трагедий в руководящем составе РККА, ВМФ, ВВС, ГВФ, ОСОАВИХИМа, военвузов и наркоматов — годы сталинских репрессий — Хлюстин, по счастью для себя и семьи, избежал клейма «враг народа». Он несказанно переживал, ибо знал многих высших офицеров ВМФ лично. Конечно, он ходатайствовал за них по инстанциям, но приостановить гонения на Флот не мог, поскольку сам,

Учебное судно ВМФ «Профессор Хлюстин»

наверняка, был в шаге от глубоководной воронки ГУЛАГа, в «кабельтове» от бездны доносов НКВД...

Вместо них семья Хлюстиных и сотни тысяч семей угодили в иной ужас, порождённый иноземными агрессорами — в 900 дней и ночей блокады Ленинграда. Не глядя на голод, холод, бом-

бёжки и артобстрелы, 58-летний профессор Хлюстин учил кораблевождению офицеров КБФ, позже руководил кафедрой девиации ВВМУ им. М.В. Фрунзе и кафедрой кораблевождения ВВМПУ МВД СССР. Учитель военно-морской науки долго работал над специализированными учебниками для личного состава ВМУЗ. Опытному штурману и наставнику удалось выпустить несколько пособий по вождению и эксплуатации кораблей. Однако не все его выпускники знали, что уважаемый преподаватель награждался орденом Красной Звезды, дважды орденами Красного Знамени, орденом Ленина за стойкость в блокаду, множеством медалей и Почётными грамотами. Не все смогли проститься с ним на Волковском кладбище Ленинграда в 1949-м, но многие вздрогнули и подняли за него «наркомовскую чарку», когда спустили на воду учебный корабль ВМУ «Профессор Хлюстин»...

* * *

...По сурово-морозной февральской вьюге выбирались мы из колыбельных мест контр-адмирала, через Высокое, на Тросну и Орёл. При тормозили на взгорье, у памятника знаменитым священникам Амфитеатовым, с которого, было дело, отбивали буквы пираты XX века.

И вот — XXI-й... Стало до жути зябко, грустно и обидно за предков. Таких «Копёнок» и «Высоких» по России — только не ленись, раскапывай! Жаль, что голосовать (неважно, за кого) — нынче легче, чем реставрировать.

Февраль 2012 г.,

Орёл — Железногорск — Копёнки — Высокое — Орёл

P.S. Усадьба не восстановлена и поныне (2015), хотя на водах озера ежегодно надувает паруса Международная парусная регата

ПОД АНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ

Яркая и одновременно трагичная история Российского Флота насчитывает более триста лет. Его рождение и становление на воду Петром I за короткий срок вывело нашу Родину в число главных морских держав мира. Неимоверным трудом всего народа, ценой гибели и увечий «простых смертных» были достигнуты не только качество на верфях России, мореходность судов и их передовая вооружённость. Основательно изучив кораблестроительный, мореплавательский, захватническо-боевой опыт Голландии, Великобритании, Италии, Франции, Турции и Скандинавии, русские разработали собственную школу победоносной войны на море.

У Азова и Керчи, в устье Невы, у Выборга и Гангута, у Гренгама и о-ва Эзель, во всех сражениях с турками и шведами были рождены и заложены традиции Русского Флота – высокая боеготовность, крепкая дисциплина, отличное владение оружием, отвага и героизм, уверенность в своих силах, верность Отчизне и её военно-морскому флагу.

Мероприятия в честь 100-летия Русско-Японской войны стартовали в городе-герое Тула в конце января. До открытия выставки «Военная слава России» в музее им. Н.П. Крылова, в городе почти месяц уже ведётся оборонно-массовая работа с привлечением широких слоёв общественности. В залах музея жителям и гостям Родины Левши, великих писателей, учёных, оружейников, воинов и артистов представлены экспонаты о Куликовской битве и сражении под Полтавой. Много интересного и забытого поведают экскурсоводы о морских баталиях Петра I и героях Отечественной войны 1812 года.

Экспозиция графики и акварели приверженца верещагинской школы живописцев Николая Самокиша посвящена событиям Русско-Японской войны. Плодовитый художник увековечил сражения в Китае и позднее не раз навещался на Приокский конезавод, для зарисовок лошадей с натуры. А вот баталист от Бога Василий Верещагин, писавший правду о войне и мечтавший изобразить японский Императорский флот в действии, погиб с частью экипажа броненосца «Петропавловск» и адмиралом Степаном Макаровым в первые дни противостояния эскадрам Муцухито под флагом флотоводца Хэйхатири Того. Ключевой экспонат выставки – проект памятника Всеволоду Фёдоровичу Рудневу, командиру легендарного крейсера «Варяг». Сам бюст при орденах авторства его земляка Арнольда Чернопятова установлен в селе Савино Заокского района, на могиле контр-адмирала. По соседству – музеи А.Т. Болотова, В.Д. Поленова, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново...

Ранним утром 9 февраля 2004 года здесь состоялся торжественный митинг, собравший и сплотивший многих россиян. В нём приняли

участие Губернатор Тульской области Василий Александрович Стародубцев его заместители, ветераны ВМФ, священнослужители Русской Православной Церкви, Российского Дворянского Соборания и его Морской секции, гости из Москвы, Санкт-Петербурга, нахимовцы и армейский оркестр. Ожидали приезда мэра Москвы Ю.Лужкова и полпреда Президента РФ в ЦФО Г.Полтавченко, приглашенных в Савино ранее. Но из-за теракта в метро и всестоличного траура их познавательная поездка не состоялась, наложив на событие суровый отпечаток действительности...

В выступлениях Губернатора, зам.начальника Главморштаба ВМФ России вице-адмирала О.В.Бурцева, наследниц величия своих предков – Л.Б.Головниной и Г.В.Корниловой звучали слова о патриотизме, героике Руси, о целенаправленном унижении всего русского потенциальным врагами извне. После богослужения, отпевания погибших и усопших в осквернённой в 30-х гг. церквушке, местное духовенство отметило большое благородство, отечестволюбие, значение и назначение бессмертного подвига моряков, волею судьбы и приказа оказавшихся далеко от Родины. Милицейское оцепление не отодвинуло горячих аплодисментов и засуетившихся теле-фото-репортёров. Гости вручили Администрации Тульской области памятные издания и подарки...

Всего за семь месяцев, здесь, на вечной «якорной стоянке» В.Ф.Руднева построили красавец-музей его имени. Благодаря личному вниманию В.А.Стародубцева из облбюджета выделили двадцать миллионов рублей, несмотря на экономические неурядицы, переживаемые регионом и его уважаемыми тружениками. Лучшие художники, архитекторы, реставраторы, строители, краеведы и водители приложили максимум сил, изобретательности, трудовой смекалки, чтобы увековечить память о подвиге «Варяга» и «Корейца» на высшем международном уровне. Мемориал стал первостепенным по значимости местом паломничества, переняв эстафету от музея В.Ф.Руднева в деревне Русятино, созданного местным краеведом А.И.Трошиным и офицером облвоенкомата Ю.И.Черновым при содействии Центрального военноморского и Тульского областного краеведческого музеев. Он закрепил уважение и почёт земляков-современников к своим историческим корням, дополнил собою памятник командиру «Варяга» в Новомосковске, неподалёку от которого, близ деревушки Яцкой, располагалось живописное родовое имение Рудневых. Думаю, к юбилейной дате стоило пригласить ветеранов Объединённого, Хасирского и авианосного флотов Японии, военморатташе стран НАТО и бывшего СЭВ, дабы они помнили и чтили не только Пёрл-Харбор, Мидуэй, войну в Атлантике, Гуадалканал, Лейте, высадку в Нормандии, штурмы Иводзимы и Окинавы, «камикадзе» в небесах, на суше и на море...

После перерезания традиционной красной ленточки на пороге музея, от имени Орловщины я выступил перед собравшимися в его

великолепных, выполненных в морском стиле стенах со словами благодарности. Как автор документально-исторических работ о ВМС России, Германии, Японии, Англии, США и Голландии, я рассказал о том, как тяжело переживали у нас гибель экипажа АПРК «Курск», сказал о дружбе с командованием Северного флота и опеке подшефного Орловщины АПРК «Орёл». Напомнил об обезглавливании флагманов ВМФ СССР в период античеловеческих репрессий сталинского коммунизма и зачитал слушателям письмо из Хотынца от Берты Ивановны Соиной, чей дядя служил на крейсере I ранга «Паллада»...

Память живущих о прошлом – сама по себе Святыня, как бы не пытались её очернить близбогемные околокультурные негодяи. Запрещено забывать, что традиции Царского флота были многократно умножены под флагами Э.С.Панцержанского, П.Е.Дыбенко, Р.А.Муклевича, Г.П.Киреева, М.В.Викторова, Ф.Ф.Раскольниковца, Н.Г.Кузнецова, Л.М.Галлера, В.А.Алафузова, И.С.Юмашева, А.Г.Головки, И.С.Исакова, В.Ф.Трибуца, Ф.С.Октябрьского и С.Г.Горшкова, ценой жизни и смерти тысяч советских моряков. Это они – Герои ВМФ СССР – потопили свыше 2 500 вражеских кораблей и судов в 1941-45 гг. Немцы, итальянцы, японцы знали, что русские моряки не сдаются и боялись атакующей «чёрной смерти» не меньше «Катюш». 513 офицеров, старшин, матросов стали Героями Советского Союза, семь из них – Дважды, 350 000 военных моряков были награждены орденами и медалями. А сколько тысяч подвигов морпехов, артиллеристов, подводников, катерников, зенитчиков, морских авиаторов, героев снабжения ВМФ всем необходимым – остались за порогом безымянной неизвестности! После войны только в Севастополе минёры обезвредили свыше 1.115 тысяч мин, бомб, снарядов...

Рассказывая аудитории об откликах родственников, чьи предки не по своей вине угодили в Дальневосточный молох, присутствующей элите я подарил широкоиллюстрированный очерк «Живь «Варягь»!», опубликованный в «Орёл-Курьере» и других российских изданиях. Все знают, кто победил в той ненужной войне 1904-05 гг. XX столетия. Помнят о Порт-Артуре, Цусиме, Чемульпо и об «отколе» Южного Сахалина в пользу Империи Восходящего Солнца, давно мечтавшей называть его целиком – Карафуто. До сих пор не подписан российско-японский договор о Мире. Курильская гряда и по сей день служит волнорезом преткновения в военных и политико-экономических отношениях Японии и России...

Инженер-кораблестроитель, член Российского Дворянского Соборания капитан II ранга Игорь Козловский, учёный секретарь объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» Елена Васильева, потомственный дворянин, пострадавший от репрессий, председатель Правления «Общественного фонда для создания в Москве Храма, Музея и др. сооружений в память о жертвах

политрепрессий» Сергей Зуев, краевед-маринист Вячеслав Боть, зам.начальника Департамента Культуры Надежда Калугина, организатор Юрий Лончаков и многие другие – говорили о вечном, насущном, земном. По всей стране, но более всего в Туле и Владивостоке, пройдут митинги, лекции, вечера памяти и отпевания. Будут раскрыты новые и забытые факты. Тридцатый «Варяг» в истории ВМФ России посетит Инчхон вместе с большим и малым противолодочными кораблями «Адмирал Трибуц» и «Кореец».

Как и наши земляки, несущие вахту на АПРК «Орёл», на этих кораблях служат многие туляки. Некоторые из них остаются на ТОФе по контракту. Тульский регион шефствует над ракетным крейсером, крещённым столь почётным и ответственным именем. Гвардейцы салютуют героизму предков на месте сражения, пускают по волнам церемониальные венки, в увольнительных посетят Инчхон. Участвующие в походе ветераны и общественные деятели возложат венки от своего имени, от имени Президента РФ и его полпреда в ДФО, венки от народов России. В Сеул на Иле-76 доставят 20-тонный монумент из гранита по эскизам Сергея Присекина.

Во владивостокском музее им.В.К.Арсеньева действует выставка под знаком 100-летия Русско-Японской войны, унесшей тысячи жизней по обе стороны океана и фронта. Любители истории, краеведы, энтузиасты и жертвователи собрали массу документов, предметов флотского быта и фотографий, представили общественности журнал «Летопись войны с Японией». Рядом – картина пошедшего по стопам отца Юрия Репина: «Тюренчен. В славной смерти вечная жизнь».

В савинском музее-мемориале тоже появились уникальные новинки – личные вещи В.Ф.Руднева (дар его старшего сына Николая Руднева-Варяжского Русятинскому музею). Посетители впервые увидят стакан с подстаканником и ложку адмирала, поднятые воинственными самураями в 1906 году и переданные Рудневу в Санкт-Петербурге. Налётом недоговора и неизвестности остались покрыты многие личные вещи и архив Рудневых, «экспроприированные» безграмотными разрушителями после октябрьской революции. В числе их – золотой кортик, подаренный лидеру «Варяга» в Орловской губернии по возвращении из Чемульпо через Одессу и Севастополь, и японский орден Восходящего Солнца 2-й степени, вручённый Всеволоду Фёдоровичу от имени Микадо, реставратора Японии Муцухито...

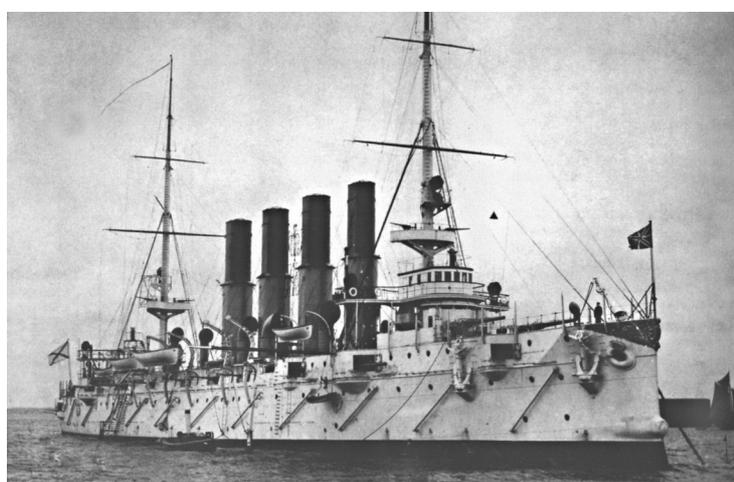
9 февраля в Тульском академическом театре драмы состоялась премьера исторического представления с участием губернаторского оркестра, государственного хора, танц-коллектива «Визави», артистов филармонии и дружины «Крепость». Тульские дизайнеры-полиграфисты издали красочные буклеты, приглашения, конверты и открытки в честь «Варяга» и «Корейца», а всемирно известные кондитеры испек-

ли «Визитный» пряник с оттиском крейсера. Вечером зазвучал «Марш наследников «Варяга» Вячеслава Сладкова.

Увы, уставшие от саморекламы центр-телеканалы проявили недальновидность, оказавшись неучтиво слабыми в освещении Военно-Морской Славы России в рамках спонтанно-урывистых репортажей во-круг увиденного и услышанного мною События. Они забыли завещание адмирала Степана Осиповича Макарова, выдающегося моряка России: «Помни войну!»

Неужели хранители традиций Хэйхатиго Того, Сотокити Уриу, Исороку Ямамото и Нобутаке Кондо в лице «Киодо Цусин», «Джапан Таймс», «Иомиури» и «Майнити симбун» и через 100 лет окажутся более внимательны к наследию предков???

*9 февраля 2004 г., Орёл - Тула - Савино - Поленово - Орёл,
«Путевые заметки».*

НИКОЛАЕВСКИЙ ДЕСАНТ

Довоенная Орловщина дала на пользу и обороне Родины Великую Рать пехотинцев, авиаторов, танкистов, моряков, артиллеристов, военных водителей, партизан, представителей всех воинских профессий.

Неповторимо складывалась их трудовая и боевая судьба под именем-флагом вождя «всех времён и народов» И.В.Сталина. Одним из фрагментов незабвенной эпохи и по сей день служит биография шаблыкинца Николая Александровича Скворцова.¹

Он родился за 19 лет до Священной войны в приграничном с Брянщиной сельце Юшково в семье русских крестьян. Земляк легендарных (в будущем) воинов И.В. Воронова, И.А. Леонова, С.Д. Филина, А.Т. Шурупова, И.С. Кузнецова помогал родным по хозяйству. Хорошо учился в близлежащей начшколе, затем, наравне со взрослыми, трудился в местном колхозе. Когда началась Вторая Мировая, юноша, как и многие орловцы, самостоятельно искал лучшей доли – работал на пилораме и лесоскладе одной из шахт Донецкой области.

Жизнерадостного Колю призвали в состав ВМФ в 1941-м. Его ввели в штат Потийской ВМБ (303-й стрелковый взвод), позднее – в арт-дивизион базы.

С осени 1943-го отдельный 384-й батальон морпехов КЧФ, в 1-й стрелковой роте которого воевал пулемётчик Скворцов, громил агрессоров под Бердянском, на Кинбурнской косе, под Херсоном – у посёлков Широкая Балка и Богоявленское. Здесь молодой моряк проявил себя храбрым и смекалистым воином, истинным боевым товарищем, знающим цену взаимовыручки и боеприпасов.

Впоследствии фронтовая путь-дорожка свела краснофлотца с выдающимся десантником КЧФ, старшим лейтенантом К.Ф.Ольшанским. Поговорка «таких людей больше не будет» полноценно относится к Константину Фёдоровичу, слава о ратных подвигах которого гремела по всей 28-й армии 3-го Украинского фронта, хотя не все знали его в лицо. Красавец-харьковчанин, бывший автослесарь прослыл «морским волком», преподавал спецпредметы в электромеханической школе Учебного отряда КЧФ с 1937 года. По окончании курсов младкомсостава, младший лейтенант Ольшанский отличился беспримерной отвагой при обороне Севастополя. С января 1943-го 28-летний лидер автоматной роты отдельного 384-го батальона морской пехоты оборонял Ейск, позже истреблял врагов в ходе освобождения Жданова (Мариуполя).

Под его начало и попал наш земляк – в отряд из 55 моряков-добровольцев, 12 связистов и сапёров, именуемый гитлеровцами «Чёрная смерть».

Глубокой ночью 26 марта 1944-го, десантники, ведомые

¹ Газетно-журнальный вариант в авторском сокращении, февраль 2015 г., Р.С.В.

К.Ф. Ольшанским и А.Н. Андреевым, прошли на вёслах вверх по Южному Бугу 15 км, отчалив из Богоявленского в направлении порта Николаев. Им удалось проплыть незамеченными, хотя берега реки находились под охраной немцев на расстоянии свыше семи километров.

В дымке рассвета морпехи убрали часть фашистского дозора, чем обеспечили захват элеватора и ряда зданий Николаева с моря. Теперь семь рыбацких баркасов им были не нужны: главной задачей десанта командование 28-й армии считало срыв угона мирных жителей в Германию, намеченного противником как раз на 26 марта.

48 часов «ольшанцы» сдерживали 18 атак неприятеля. Три батальона немцев с шестиствольными миномётами и лёгкими пушками, с дымовыми шашками и огнемётами, пытались уничтожить русский десант, сбросить героев вторжения в море. За эти двое суток ада «Чёрная смерть» забрала на тот свет свыше 700 гитлеровцев, ценой гибели 56 лучших бойцов отряда.

Гордость КЧФ Н.А. Скворцов

Защитник и освободитель Крыма
К.Ф. Ольшанский

Пулемётчик Николай Скворцов беспощадно расстреливал немецкие цепи из офицеров и солдат, взвешенно берёт боеприпасы. Он лично отбил несколько атак, засев в одной из бывших контор порта, был ранен, но не приостановил возмездия над оккупантами...

К полудню они ввели в бой танки с полком пехоты, пушками и миномётами, пошли на штурм смельчаков в четырнадцатый (!) раз. Николай прицельно-кинжальным огнём скошил многих автоматчиков, но один из них швырнул гранату в здание, буквально ему под ноги.

Оказавшийся рядом однополчанин Саша Лютый подхватил пулемёт у потерявшего сознание Скворцова, с ходу застрелив санитаря и офицера. Черноморец успел перебинтовать товарища, а после пробежал под пулями около 50 метров за фляжкой немецкого санитаря.

Чужая вода не спасла Николая – он умер от ран в объятьях друга...

Сверхчеловеческая ярость охватила Лютого – он вёл безостановочный огонь из пулемёта по врагам, наседавшим от железнодорожной ветки. Когда вышел боезапас, Александр бросал в них гранаты, но угодил под град пуль и выпал из окна...

Огнёмётные танки зажгли их последний оплот. После боя никто не сможет объяснить чуда – тело Александра Сергеевича Лютого не обгорело, в отличие от останков его погибших соратников.

Живым и мёртвым участникам Николаевского десанта за месяц до Победы Родина воздала Честь присвоением звания Героя Советского Союза. Мастера лихих атак и кровопролитной обороны упокоились в Братской могиле в Николаеве в Сквере Героев-десантников. Будет воздвигнут памятник, а проводнику морпехов К.Ф. Ольшанского А.Н. Андрееву вручат «Звезду» Героя в 1965 году.

Февраль 2015 г., Орёл – Шаблыкино – Юшково – Орёл

«ДЖИПОВАЯ» КОЛЕЯ ВИТАЛИЯ ГРАЧЁВА

Всё дальше от нас те трагично-опалённые годы. И вот... спустя 70 лет после Великой Победы даже историки не знают автоконструктора военных вездеходов Виталия Андреевича Грачёва. Увы, энциклопедии по истории ВОВ и новейшая БСЭ также не содержат аннотаций о двукратном лауреате Сталинской премии...

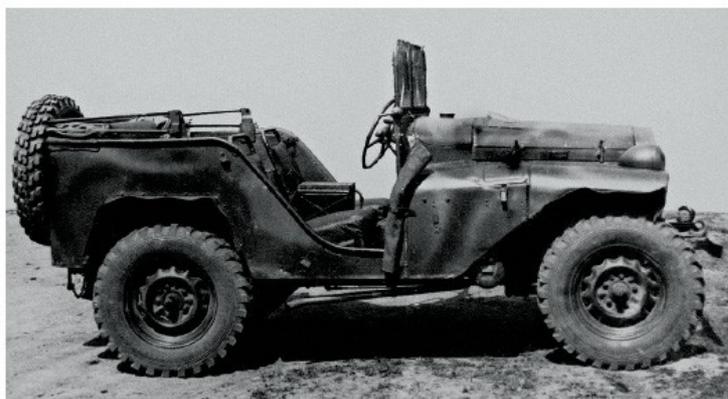

Трагедия ГАЗа – его директор С.С. Дьяконов

С начала производства на Горьковском автозаводе молодой специалист попадает в сплочённый коллектив конструкторов, которым руководил один из пионеров советского автостроения Андрей Александрович Липгарт. Редкостный сподвижник и организатор, Липгарт, будучи под началом директора ГАЗа Сергея Сергеевича Дьяконова, сплотил команду технически грамотных, перспективных единомышленников, что было по тому «бумообразному» времени архисложным делом.

«Коробка передач» выпуска 1937–1938 гг. в своём сверхзамасленном зацеплении «муфт» и «шестерён» через «диск сцепления» «троек», «маховик» ГУЛАГа и «коленвал» репрессий «отщёлкивала» жизнь каждого гражданина или гражданки СССР.

По сфальсифицированному обвинению на ГАЗе арестовываются и приговариваются к расстрелу Дьяконов и Смолин, организаторы научного руководства производством, пришедшие на смену системе «баска» – голому административному зажиму служащих и рабочих...

Внедорожник фронтов – ГАЗ-64 (1941 г.)

Им инкриминировали «вредительство» из-за поломки пресса «Гамильтон». Обвиняли в поломке вала турбины на заводской тепло-электроцентрали и в «саботажничестве» производства со стороны литейки и инструментального цеха.

Только Провидение или высшая сила спасла Виталия Грачёва и его учителя Андрея Липгарта, которого могли изжить «за шпионаж в пользу США», ибо глава КБ долгие месяцы изучал автодело в Новом Свете. Грачёв пытался добиться правды и снятия обвинений в Москве, но был разжалован в мастера. Как и в случаях с Я. Алкснисом, В. Чкаловым, Н. Поликарповым и многими другими, за него вступился нарком тяжпрома Серго Орджоникидзе. Член Политбюро, вступивший на путь жёсткого противостояния с самим Сталиным, товарищ Серго лично знал почти всю техническую интеллигенцию и передовиков производств.

Покоритель бездорожья
Виталий Грачёв

Ещё 17 апреля 1935 года, присутствуя при выходе в свет 100-тысячной легковушки «ГАЗ-А», он отдал должное воле и трудовой вахте автозаводчан за постройку 32 200 грузовиков и 16 100 легковых машин в 1934 году. Глядя никелированный радиатор «Русского Форда-А» с цифрами «100 000», ветеран партии вдохновлял «газовцев» на рост качества и количества производства. Он достигнет выпуска 44 700 грузовиков и 18 900 легковушек всего лишь за один 1935 год...

В эти и последующие «чёрные» годы Грачёв принимает детальное участие в разработке и доконвейерной доводке не только лицензионных машин первой ступени, но и в судьбе целой серии автомобилей, в том числе и знаменитой «Эмки».

Накануне войны автор системы регулирования давления в шинах, имея за плечами положительный задел от «проходимцев» «ГАЗ-ТК», «ГАЗ-21», «ГАЗ-61», спроектировал простую, неприхотливую машину «ГАЗ-64». Побив рекорд от проекта до образца за полтора месяца, Грачёв создал выгодную в производстве машину – командирскую, штабную, связную, медсанбатовскую, интендантскую. Мини-тягач буксировал лёгкие противотанковые пушки, походные кухни, прицепы с малагабаритными грузами.

Полноприводная «Эмка» ГАЗ-61-40.
За рулём – создатель и испытатель

Автоконструкторы ГАЗа Виталий Грачёв и
Андрей Липгарт

На «джипах» Виталия Андреевича ездила элита Вооружённых сил СССР независимо от рода войск. Они несли разведывательные функции и оставались на фронтах после массовых поставок американских «Виллисов», причём были более устойчивы на трактах и бездорожье

На базе «ГАЗ-ААА» воевал пушечный «БА-10», испытаны амфибия «ГАЗ-011» и первая в мире самоходная колёсная пушка «ГАЗ-68». На «грачёвском» шасси завод снабжал фронты броневиками «БА-64» и «БА-64Б».

После войны В.А. Грачёв работал главконструктором Днепропетровского завода. В 1954-м благодаря Г.К. Жукову при ЗИЛе открыли СКБ по вездеходам. Появляются «ЗИЛ-135Л» и снегоход «ЗИЛ-167». Обе машины проектировались Грачёвым в сжатые сроки, причём параллельно «Дед» преподавал теорию «покорения бездорожья» в основанной им же школе на должности ректора...

Труженик войны ГАЗ-67Б (реставратор – Юрий
Лисягин)

В детищах Грачёва широко использовались нетрадиционные материалы и пластик, применялись авиатехнологии, гребные валы для амфибий ВДВ и ВМФ. Ракетоносец «ЗИЛ-135К» остаётся непревзойдённым в мире. Знал ли А. Вознесенский, посвящая ему стихи, что им создано 88 запатентованных жизнью конструкций? Что рекорды тактико-технических показателей останутся рекордами «Товарищества В.А. Грачёва»?!

Своей целеустремлённой мыслью и верой в успех он нарушил правила первостепенности гусеничного хода, реализовал многоколёсный привод. Его пытливый ум, смекалка, незаурядность отразились в экстравездеходе «Шнек» и суперамфибии «Синяя птица» – спасательных аппаратах для труднейших условий. Он прошёл сквозь «шпы», блокирование и разблокирование дифференциалов госструктур, и тем более горестно и обидно, что его труды и боеспособные единицы раскатились многоколёсной трагедией после разрушения СССР и блока стран СЭВ...

*Август 2014 г.
Орёл – Нижний Новгород – Орёл*

Вездеход, созданный в СКБ ЗИЛа под руководством В.А. Грачёва, получивший обозначение ПЭУ-Г (позже ШН-67)

Эту машину, построенную в единственном экземпляре, следует считать переходной моделью от поисково-эвакуационных амфибий первого поколения ПЭУ-1 к основной модели ЗИЛ-4906/49061, известной, как «Синяя птица»

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ В КООРДИНАТАХ БЕССМЕРТИЯ

Будущий адмирал Флота Советского Союза, его признанный Герой, видный общественный и партийный деятель **Николай Герасимович Кузнецов** родился в печальный для России год — год русско-японского кровопролития на Дальнем Востоке.

Кто из селян и гостей деревушки Медведки, стоявшей на берегу притока Северной Двины — Ухтомки, мог предсказать, что 11(24) июля вышел в мир крупнейший флотоводец и военно-морской стратег XX века? Конечно, никто из обременённых тяжким крестьянским бытом, живших в землях нынешнего Котласского района Архангельской области, ни в одном из снов не мог увидеть того, что даст простым смертным большевистский переворот...

Двенадцати лет отроду, утратив отца, Коля идёт пешком в самобытный и суровый на нравы Архангельск. Его судьба, очевидно, сложилась бы традиционно для поморских юношей, но октябрьская революция, затем и Гражданская война перевернули и убили всё, что называлось и понималось под исконно русскими традициями.

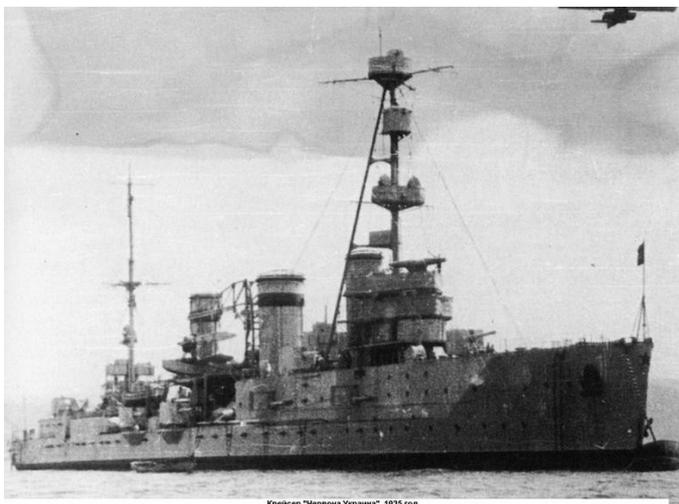
Всенародная подоплёка разрушительного созидания, провозглашённого политавантюристами, злостными карьеристами и фанатами «народной свободы» привлекла паренька в местные Советы в 1919-м году. Видя и чувствуя значительные перемены, происходящие в жизнеустройстве общества, осознавая себя частицей пролетариата, Николай, обманув приёмную военкомиссию, приписывает себе два года и добровольно зачисляется матросом на Северо-Двинскую военфлотилию.

Нехватка знаний и профессионализма преследовали сына Герасима ежеминутно от подъёма до отбоя, в снах и размышлениях о своём жизненном пути, о предназначении человека. Он вступает в комсомол и выбирает целью жизни — Море, поступает в подготовительную школу ВМФ, посещает курсы военно-морского училища и зачисляется в нём на спецкурс, которые успешно заканчивает в 1921-23 годах. В составе флотской петроградской делегации Николай выезжал в Москву на похороны В. Ленина, где твёрдо решил вступить в ряды ВКП(б).

В 1926 году молодой моряк переводится на корабли Морских Сил Чёрного моря и попадает на борт крейсера «Червона Украина» на

должность вахтенного начальника. Черноморский флот, утративший огромное число плавединиц после разгрома П. Врангеля, отплытия остатков его войск и многотысячного крымского расстрела офицерства — получил очень способного командира и артиллериста, согласно характеристике училища им. М.В. Фрунзе:

«Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан. Говорит коротко, толково, командирским языком. Сжато, связано и грамотно излагает мысль письменно...

Лёгкий крейсер «Червона Украина»

Общее развитие хорошее. Специальная подготовка отличная, политическая подготовка хорошая, отношение к службе отличное... »

«Червона Украина» становится альма-матер Кузнецова. Он учится сам, учит и воспитывает подчинённых, ищет пути строительства лучших взаимоотношений с коллективом, без которых невозможна служба на кораб-

лях. Дух товарищества, революционная закваска, оставшаяся на устах со времён легендарного броненосца «Потёмкин», атмосфера чисто советского энтузиазма и подъёма общенародного сплочения сил служили делу защиты морских рубежей Отечества. Волю, инициативность, порядочность и дисциплину Кузнецова замечает командование. Учитывая его растущий авторитет и будущность, беззаветную влюблённость в море, стремление к нововведениям, его направляют учиться в Военно-морскую академию.

Конец 20-х — 30-е годы — время жарких дискуссий по кораблестроению, предназначению и роли ВМС в среде Вооружённых Сил передовых держав мира. Речь идёт не только о самостоятельности, инфраструктуре, промышленном обеспечении и запасах природного сырья, но и корабельном приоритете в будущих войнах в классах: линкоры, авианосцы, крейсера, субмарины и эсминцы. В 1932 году крестьянский парень, прошедший суровую юность, схватывая знания на лету, с отличием окончил академию, где до него учились — Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, писатель В.И. Даль, художник В.В. Верещагин, композитор Н.А. Римский-Корсаков. Николай и его сокурсники гордились деяниями и заслугами этих людей, положивших жизнь и талант на алтарь Отчизны...

Выпускник, подававший большие надежды, был награждён именным оружием и направлен старшим помощником командира крейсера

«Красный Кавказ». Через год Николай Герасимович — лидер в своих «пенатах». Он командует «Червоной Украиной», разрабатывает кадровый вопрос, теорию манёвров и боевого использования кораблей, изучает иностранную и специфическую литературу по военно-морской тематике.

Крутая и беспощадная эпоха бросала Н.Г. Кузнецова на самые ответственные посты и точки, «штормила» его судьбу, словно в реву-щих сороковых широтах, с добавлением силы ветров, дующих у мыса Горн. В 1934-м, будучи военно-морским атташе и главным военно-морским советником в республиканской Испании, он вплотную увидел звериное лицо фашизма, применив свой флотоводческий дар при проведении многих операций, в том числе при доставке вооружения и самолётов, предназначенных для подавления режима Франко. «Комаро Николас» называли его интернационалисты. Его организаторскими способностями и братским расположением к испанцам восхищалась Долорес Ибаррури, сын которой, Рубен, будет сражаться на русской земле, командуя пулемётным взводом...

С оскалом японской военщины Кузнецову придётся столкнуться на озере Хасан. Действия тогдашнего командующего молодым Тихоокеанским флотом были взвешены, решительны и эффективны. Главком не страдал «звёздностью», был доступен и внимателен, постоянно следил за манёврами и боевыми операциями германских, итальянских, французских, английских и японских адмиралов — Дёница и Редера, Сансонетти и Рикарди, Жансуля и Годфруа, Каннингхэма и Тови, Нагано и Ямамото...

Он всегда считал, что фактор внезапности можно упредить, частично смягчить его ураганную силу, если заблаговременно чётко отладить систему оповещения, единство взаимодействия армии, авиации и флота, а также стремился укрепить оборонительную линию баз и береговых коммуникаций, настаивал на внедрении разведавангарда на порядочном удалении от последних. Поиск новых форм в использовании надводных кораблей, подводок, авиации, радиолокации и средств обороны в случае возникновения военных конфликтов или тяжёлых боевых действий, переходящих в прямую агрессию, — был стратегической линией в деятельности высокоодарённого аналитика.

Период 1937-38 и последующих годов заклеимён гнусностью кровавых и моральных преступлений тоталитаризма. Под эгидой «борьбы с врагами СССР» только в названные годы страна лишится сорока четырёх тысяч человек из состава сухопутных войск, ВМФ, ВВС, вузов и ОСОАВИАХИМа. Цифры ГОРЯ НАРОДА наверняка занижены историками и наркоматчиками эпохи стука, затем их сыновьями-дочерьми. Боли сердца и разума в их материалах вы не увидите по причине: «Давно это было»...

В это страшно-смутное, непредсказуемое время капитан II ранга

Кузнецов, не жалея себя, трудится заместителем главкома ТОФа, объезжает эскадры и штабы, много времени работает с личным составом кораблей, морской авиации и служб обеспечения флота. Невыносимо трудно представить новому поколению, в какой обстановке приходилось работать: командующему Балтийским флотом адмиралу В.Ф. Трибуцу; командующему Черноморским флотом вице-адмиралу В.Ф. Октябрьскому; командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И.С. Юмашеву; командующему Северным флотом контр-адмиралу А.Г. Головкин... Прошли «галсы возмужания» в высших партийных инстанциях начальник Главморштаба, позднее репрессированный адмирал Л.М. Галлер, товарищи В.И. Зоф и В.А. Алафузов.

Были расстреляны выдающиеся флагманы, строители и флагманы флотов Советской России, либо умерли в ссылках, на этапах и в тюрьмах, пострадали вместе с семьями Э.С. Панцержанский, Р.А. Мулевич, В.М. Орлов, М.В. Викторов, К.И. Душенов, П.Е. Дыбенко, Г.С. Окунев, И.М. Лудри, И.К. Кожанов, Ф.Ф. Раскольников, Г.П. Киреев, Б.Е. Алякрицкий, Г.Г. Виноградский, А.В. Васильев, Н.В. Алякринский, Г.П. Галкин и многие другие. Ничуть не легче дышалось командующим и политработникам Пинской, Дунайской, Азовской, Каспийской, Волжской, Амурской и других малых речных и озёрных флотилий. При этом — Вермахт, Люфтваффе и Кригсмарине усиленно и качественно вооружались, цenia голову любого специалиста дороже золота.

Разумеется, тысячи Кузнецовых бесправно существовали в остром страхе, пугаясь малейшего шума от всепогодного движения всесезонного «чёрного воронья», закреплённого прерогативой законных «троек». В 1939 году, после убийства наркомов ВМФ П.А. Смирнова и М.П. Фриновского, чиновников, весьма далёких от проблем флота, на пост народного комиссара флота СССР назначается бывший главком ТОФа Николай Герасимович Кузнецов. Самому молодому из всех командующих ВМС в мире, 36-летнему флагману было присуще щемящее чувство тоски и боли за судьбу Родины, живущей накануне войны. Он сменил Фриновского, большого «лоцмана» по составлению политических досье на офицеров, старшин, курсантов и матросов, итак отлично профильтрованных перед службой на флоте. Душа моряка и корабля понимались новым командующим через единство чести, благородства и достоинства, завещанное историческими традициями волевых и справедливых адмиралов парусного и броненосного флотов.

Новый нарком, памятуя о шефе Абвера, адмирале В. Канарисе, уделял большое внимание заграничной агентуре отечественной разведки. Так, получая донесения от военно-морского атташе в Берлине Воронцова, ссылавшегося на данные советско-подданого еврея Бозера, он сделал для себя пророческий вывод: Бозер-Бозером, — осторожность генштабистов, ещё веривших в договор о ненападении, —

осторожностью, а флот — зеркало воинской доблести, о б я з а н спать начеку. Зная, что человек с трубкой суров, зорек и всепроникающ, что с ослушниками он расправляется, не моргнув глазом, Кузнецов, на свой страх и риск, сделал упреждающий шаг, переведя флоты в боеготовность № 2 18-19 июня 1941 года. Оперативная настороженность и желание, хотя бы минимально подстраховаться на момент «казуса-белли», подкреплялись ещё раньше жёстким приказом от 5 июня: «Обнаруженные недочёты фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить мне как о чрезвычайном происшествии. Выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»...

Как корабельный колокол ударяет сознание мысль: что было бы, напиши какой-нибудь «умница» донос на Кузнецова? Возможно, говоря флотским языком, «обрезали не только нос, но и корму», несмотря на запрет в законе судовождения. Или, другими словами, вообще поставили крест на «внеплановом» патриотическом «крейсерстве» адмирала...

Многое передумал народный комиссар, видевший до этого в прессе и в жизни, как летят головы маршалов, генералов и флагманов, дипломатов и политработников флотов, деятелей искусства, науки, и культуры. Он знал про цепь загадочных самоубийств и «пропаж» из домов и квартир преподавателей, академиков, финансистов и директоров, красивых студенток и наркомов. И всё же — за 4 часа 10 минут до нападения гитлеровских полчищ по всей Госгранице СССР, он решился привести флот в полную боевую готовность. Великую ответственность взял на себя Николай Герасимович, подписав шифрограммы всем флотам Союза ССР. Все — от офицера до матроса — поняли, ЧТО означали его слова:

***«Немедленно перейти на оперативную готовность № 1.
21 июня, 23. 50 мин. Кузнецов»***

Шифровка шла две минуты. Её значимость сказалась сразу же: внезапные атаки врага повсеместно наткнулись на огневую мощь флота. Упреждающие мероприятия, проведённые в начале июня, не позволили агрессору применить тактику диверсионной борьбы с советскими кораблями.

Успешное отражение превосходящих сил противника в первый день войны позволило сохранить в строю все корабли и подлодки, исключило шансы разрушения военно-морских баз. Потерь не было. А могло быть иначе, не будь кузнецовского сверхоперативного вмешательства! Заслуга в этом наркома ВМФ очевидна и не подлежит забвению. Если бы на всех участках обороны, будь то застава, армейская часть, танковое соединение или автобат, авиация на аэродромах, командиры различных рангов вплоть до Кремля проявили предусматри-

тельную инициативу, подобную поступку морского стратега, не было бы уничтожено 1200 самолётов (из них только на земле 800!); не было бы захвата техники и массового пленения, а Красная Армия не отступала бы по всему фронту...

Жёсткая принципиальность адмирала неоднократно ставила его судьбу под знак вопроса, пугавший родню, добропорядочных друзей, коллег и знакомых. Его высоко ценил Франклин Рузвельт и командующий ВМС США адмирал Эрнест Кинг, с которым он имел серьёзные беседы. Самоуверенный Уинстон Черчилль считал Кузнецова природённым моряком, выделяя его при встречах на Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств-союзников. Сложные отношения сложились у него с И. Сталиным, и — особенно — с Г. Жуковым. А. Гитлер негодовал до конца жизни, вспоминая, под чьим руководством впервые бомбился Берлин, подвиги Маринеско и Гаджиева, ставшие всегерманской трагедией. Японцы познакомились с Кузнецовым ещё до войны, когда военно-морской атташе в Берлине контр-адмирал Т. Ямагути останавливался проездом в Москве. В скором будущем, ближайший соратник главкома императорских ВМС Японии И. Ямамото, погибнет смертью храбрых в авиационно-корабельной сече у Мидуэя, оставшись на борту затонувшего «Хирю»...

Кузнецову бы доверить не крейсер «Червона Украина», а тяжёлый авианосец «Красная Россия» или «Ленин». Но и тут — злая ирония жизни систематически унижаемого наркома: как ни защищал он перспективность авианосцев, видя успехи Японии, Англии и США, этих кораблей не существовало ни на стапелях, ни на воде. «Авианосное дело» осталось на «мёртвом» якоре — к мнению заслуженного авторитета отнесутся с арктической холодностью по всему «трапу» великодержавной и партийной иерархии...

В год Всеобщей Победы стран Антигитлеровской коалиции над «Осевым» триумvirатом Николай Герасимович награждается Золотой Звездой Героя Советского Союза. Прослужив главкомом ВМФ ещё год, он понимает, что недолюбование верхов обрастает тралом интриг. Его постепенно понижают в должностях, назначая куратором Управления Высших военно-морских учзаведений, затем — заместителем главкома войсками Дальнего Востока по ВМС.

Анализируя плавание в Океане Бесправия, Кузнецов, будучи сам человеком-архивом и крупной исторической личностью, имеет мужество сесть за мемуарные книги «На далёком меридиане», «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе». Наиболее значимыми из них, на авторский взгляд, являются «Крутые повороты» («Из записок адмирала»), так и не вышедшие полновесной бесцензурной книгой.

Военно-морской министр в последние годы жизни Сталина, за-

тем 1-й замминистра обороны СССР — главком ВМС, член партии с 1939 по 55-й год за серьёзные разногласия с Н. Хрущёвым оказался в отставке.

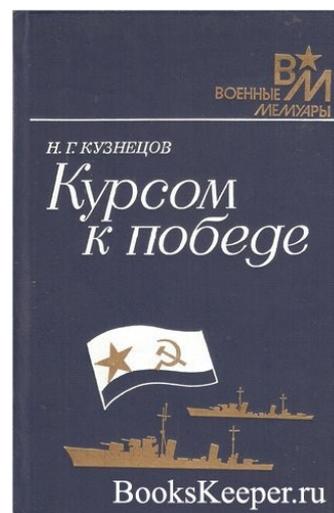
Авианесущая гордость России
«Адмирал Кузнецов»

Прежде чем оставить этот бранный мир в 1974 году, моряк завещал потомкам: «Бывает, командиру приходится действовать круто, говорить резко, но и тогда в его словах и поступках не должно быть и тени высокомерия, безразличия к людям. Этого никогда и никому не прощают».

Печально, что власть поняла Истину лишь в 1988 году, восстановив Николая

Герасимовича Кузнецова в звании Адмирала Флота Советского Союза с тягостной приставкой от имени Родины — (посмертно)...

*Июль 2004 г. Орёл—Москва—Подольск—Орёл.
«По ухабам Отечества», «Путевые заметки».*

ПОЧЕМУ ЗАБЫТ АКАДЕМИК КОНРАД?

В среде бездарностей, лелеющих мечту причаститься ко всему великому в искусстве, науке, культуре, в технике и религии витает обывательская точка зрения об интеллигенции. С позицией «Учёный (писатель, художник, врач, музыкант, мастер) – это лентяй, который убивает время работой», было и остаётся важным бороться всегда, ибо опыт учит нас заново перечитывать старую Книгу Жизни, когда выходит новая.

Представленная работа о крупнейшем востоковеде России Н.И. Конраде не имеет рецензии на его труды и лит-теле-пасквили, пришедшие много позже. Употреблять чужие слова для самолюбования и увековечивания в титрах нового поколения прилипал ко святому – автор не видит смысла по причине того, что учение – штудировка правил. А вот опыт – изучение их исключений.

Коротко изложу некоторые вехи биографии Николая Иосифовича, более подробно остановившись на тех параграфах, о которых так и не узнала ни одна из его знакомых провинциалок, независимо от собственного ума, красоты и происхождения в ореоле тургеневской «стихопрозы», исключившей понятие «надрыв пупка крестьянина».

Уходящий XIX век дал России большое число талантов, как и будущих госбандитов. 13 марта 1891 г. семья Конрад, проживающая в Риге, в кругу друзей-служащих железной дороги, отметила важное событие – рождение сына. Скоротечно, как составы, шло время. Николай, проявив себя достаточно смышлёным ребёнком, вскоре окончил местную гимназию. Родителями была замечена его усидчивая тяга к гуманитарным предметам, и, с их благословения, юноша оставляет Ригу, чтобы поступить в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета.

Шёл 1912 год, судьбоносный для будущего востоковеда. Никогда не знаешь, в какое время живёшь – в довоенное или послевоенное. Мир лихорадило не только от последствий Русско-Японской войны, но и от красно-марксистских бунтов. Конрад успешно экзаменуется как в Петербургском университете, так и на японском отделении Практической восточной академии. В результате, при поддержке авторитетного учителя А.М. Позднеева, Николая командируют в земли столь заманчивой Родины Хризантем, пугающей своей многовековой самоизоляцией.

Ещё до заступления на стезю научной деятельности его интересовало всё: древняя история расы Ямато, искусство, театр, события, связанные с ранением царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда и взаимоотношения военатташе Ц. Нокото, Р. Ясиро и Т. Хиросэ, в разные годы служившими в Северной Пальмире. Кто-кто, а они, досконально изучившие русский язык и флотскую элиту Николая II, знали немало о русских звёздах кораблестроения и авиации. Николай Иосифович

не вдавался в прения по поводу бездарности правящей верхушки. Он подчёркивал единственную, по его мнению, правильную версию: Россия проиграла Японии в лице Х. Того по мотивам полного незнания своего врага от корней нации до её оперативного вооружения по программе Муцухито (реализация дальних походов Соединённого Флота).

В ходе поездки по живописным и местами весьма бедным префектурам, родилась и вышла в свет стартовая работа Н.И. Конрада «Современная начальная школа в Японии» (1913 г.). Кто бы мог подумать, что другой учитель в это же время (если ещё был жив) напутствовал на верный путь сына – будущего главкома Императорских ВМС Японии И. Ямамото! Воистину жизнь как депеша: полна ошибок и так коротка.

Разумеется, молодой знаток азбуки слогов Катакана и Хирагана ясно понимал дилемму «оригинал неверен по отношению к переводу» или «переводчик сдаёт слова по счёту, а не по весу». По протекции Русско-Японского Общества он систематически посещает Корею и Японию. Неоднократно бывал в Китае, изучив работы И.К. Россохина о Маньчжурии и её войске, в «осьми знамёнах состоящего». Знакомился о местным укладом жизни, быта и с наследием буддизма и синтоизма, подмятых неравноправными Ансэйскими договорами и шантажом посланников США Т. Харриса и М. Перри. А главное – Николай проводил много времени в беседах с современниками и «живыми сокровищами» – носителями фольклора и традиций воинственных и трудолюбивых народов Юго-Восточной Азии. Познание устоев бытия, легенд и сказаний, жертвенности междоусобиц феодальных времён, живое общение, а также изучение подлинников классиков, посещение театров, понимание труда гейш и рикш способствовали расширению границ миропонимания Конрада, вследствие чего ему присуждается степень магистра азиатской филологии.

В горестные 1917-18 годы, торпедировавшие, либо выбросившие за рубеж осколки монархии, интеллекта, дворянства, Веры и Мысли нации, Николай Иосифович глубоко переживает смуту, тяжело болеет. По морозам и слякоти зимы 1918-го он переезжает в грозный Орёл по месту жительства родителей, осевших здесь с 1915 года. Не стремясь понять причины поражения самодержавия и гнусность братоубийства на всех фронтах Центра России, Средней Азии и Приморья, учёный обрёл бессонницу из-за переживаний за судьбу начатого им дела, за жизнь и творчество плеяды выдающихся востоковедов начала века – Е.Д. Поливанова, Н.А. Невского, М.Н. Рамминга и братьев Плетнеров. Он знал: всё сказанное ныне об исследователе Арктики, последователе Седова и Русанова адмирале Колчаке – ложь (Троцкий умел лично править всероссийский печатный станок). Принимая активное участие в организации Университета пролетариев в 1919-м, он мучил себя мыслями «как, где, что» с его друзьями– коллегами С.Г. Елисее-

вым, О.О. Розенбергом и многими другими сподвижниками, знавшими цену труду, времени, мыслям. Почти все рано уйдут из жизни. Будут репрессированы вместе с семьями. Покинут Отечество, чтобы жалко существовать (нищенствовать) на чужбине, о чём слёзно напоминала мембрана патефона с записями из «Печального репертуара Александра Вертинского»...

При «закладке фундамента» Орловского пединститута Конраду пришлось решать массу организационно-материальных задач. Сказывались нехватка кадров и финансов, оборудования и достаточно ёмкой (в его понятии) библиотеки, фондов исторического наследия и богатства цивилизации. Привыкшим к стремительности Интернета может показаться смешным, что Конрад курсировал между Орлом и Москвой по вопросам жизнеобеспечения «храма науки» вплоть до карандашей и гвоздей. Ему удалось разыскать и привлечь на орловскую «ниву» великолепных единомышленников, ошибочно поверивших в гуманизм коммунизма, в предназначении которого мог сомневаться и сам ректор университета...

Ведя курс истории культуры и философии, Николай Иосифович, несмотря на значение вопросов об отоплении комнат и обуви для преподавателей, продолжал интенсивно заниматься научными изысканиями и переводами восточной классики. Так, в вышедших в Орле «Записках Орловского государственного университета» (1921 г.) представлялся труд мудреца Камо-Тёмэя «Записки из кельи» в искусном переводе Конрада. Через уникальный лаконизм японского трёхстишия «хокку» и пятистишия «танка» пылкий ум стремится познать рифмованный полёт почти непереводаемых мастеров лирики, словесной живописи и боли народа – Кёрая, Басё, Иссё, Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Оницура, Бонтё, Рёта, Тиё, Какэя, Бусона, Сико, Кито, Гёдая, Исса и трагично ушедшего автора «Памяти адмирала Макарова» молодого Исикава Такубоку.

В следующем году Николай Иосифович покидает Орёл по ряду профессиональных и личных причин. Однако позже он часто посещал вторую Родину. Навещал родню матери, вспоминал Марию Артемьеву, выступал перед повзрослевшими учениками.

Прибыв в суету революционной разрухи и «мировых» речей в Петроград, молодой учёный возглавил кафедру японского языка.

«Я впервые услышала его голос в 1928 г., в стенах аудитории Восточного отделения Историко-филологического факультета, – вспоминает своего «сэнсея» кандидат исторических наук Ф.А. Тодер. – Николая Иосифовича окружали мы – недавние школьники, слыхом не слыхавшие о таком предмете, как история, знавшие лишь о «борьбе классов» и о том, что надо искоренять в себе все «буржуазные предрассудки».

Крепко связанный с аудиторией, Конрад уделял большое личное внимание безграмотным студентам, севшим за парты после демоби-

лизации из армии и флота, по направлению партячеек фабрик и заводов. Болезненно-рваное, эмоционально-взрывоопасное было время. Но Учитель твёрдо держал курс «Учиться, учиться и учиться», провозглашённый беспримерным разрушителем-революционером.

В Ленинграде Николай Иосифович защитил учёную степень доктора филологических наук по специальности «японский язык и литература», закрепив за собой звание первопроходца в истории русского японоведения. Последующие годы жизни видного учёного, как и всей выпотрошенной страны, омрачены наиподлейшим клеймом СССР – эрой репрессий, борьбой со «вражьём», не существовавшим таковым с рождения. Трафарет обвинения лицемерно фокусировался на личностях, как «шпион японской разведки»; «агент империалистических сил»; «контрреволюционер-народоволец» (т.е. «кулак»); «эсэр и меньшевик»; «антиправительственный троцкистский агитатор»; «сочувствующий белому движению и попам» (и чёрт ЧК-ОГПУ знает, «какие» ещё т.д. и т.п.)...

В 1938-м «вороном» году Конрада арестовали, накинув ему «железную маску» на три года. О чём думал, мечтал, чем изнурял себя фаворит российского востоковедения, для которого ничего не стоило обучить взвод русско-дальневосточной контрразведки задолго до появления печально известной группы Рихарда Зорге? Что мог создать в этом периоде и ЧТО КОНКРЕТНО СОЗДАЛ вообще, без учёта архивных сносок потомков разного рода «симановских» и «вышинских»? Памятуя о Большом Терроре в Царстве Лжи, очевидно, что на рождённое в заключении наложили вето. Ещё вернее, что рукописные произведения тысяч «конрадов» изымались, ликвидировались, либо оставлялись за пудовой дверью и платными слугами режима под грифом «Совершенно секретно до 3000 года»*. Закономерно задаёшься вопросом: «Каким образом бывший капитан артиллерии А. Солженицын спас в течение десятилетий жёлтый чемодан с рукописью «Архипелага ГУЛАГ»??? Без занудности и самозванства, КТО утверждал издание детского писателя А. Рыбакова? Какой «Крош» счёл «Детей Арбата» настолько своевременными и актуальными, что до сих пор не издан коллективный сборник лагерных писателей-журналистов 30-х???

Вопросы, дилеммы, вопросы без ответов навсегда. По теории вероятности привлечём логику и учтём, что полное эпистолярное издание наследия не столь Конрада, как российских индивидуумов в рамках книгопечатной, даже брошюрной серии «Труд выдающихся людей» нереально фактически. В понятии известной категории лиц ОНО (НАСЛЕДИЕ) опасно вечно, согласно ершистой фразе Оноре де Бальзака.

* Идеолог КПСС М. Суслов заявил, что роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» выйдет через 200–250 лет, что нарушили перестройка и кинорежиссёр Ф.С. Бондарчук.

Образно глаголя, бесцензурно-фискальной правды мы не дождемся от власти, причём вынужден констатировать: обозначенная проблема распространяется на все страны...

Больно, что кроме Конрада суровый удар судьбы и сталинской опричнины примут на себя семьи авторитетнейших людей науки – Ландау, Фока, Вавилова, Королёва, Кондратюка, Лангемака, Калинина, Поликарпова и других мучеников «культовой эпохи», «зацепившей прицепом» того же Солженицына, Лихачёва, Сахарова, Бродского и других.

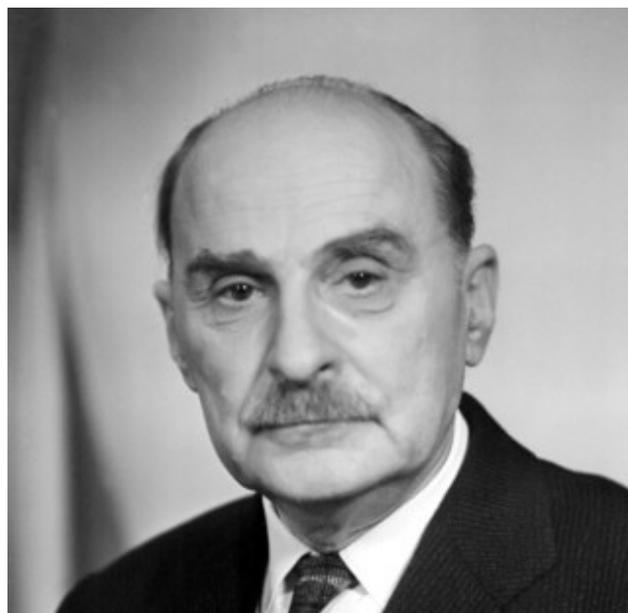
В этих тисках член-корреспондент Академии наук СССР Николай Иосифович Конрад нашёл силу духа и воли, проявил мудрость не ударять заправилам власти по глазам, которым «всё божья роса». Он с головой уходит в иероглифические лабиринты манускриптов и собственных мыслей, обдуманно погружаясь в специфику. В её диапазон входили японоведение и история, театр и синология, лингвистика и философия, переводы, краеведение и литературоведение, становление и воспитание «конрадовской» школы учеников. Продолжением труда «Японская литература в образцах и очерках» (1927 г.), а также «Японский театр» (1929 г.), появляется новаторская работа «Синтаксис японского национального литературного языка», изданная в Москве в 1937 году. Значительно важны его переводы святых в Японии книг «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари», романа Нацумэ «Сердце» и многих других произведений классиков с Японских островов.

В годы Великой Отечественной самурайская Япония с трудом удерживала нейтралитет с СССР – случались провокации на границе, задержание судов и команд в портах, их затопление палубно-базовой авиацией и субмаринами Передового флота Хирохито. Руководство Советской России нарушит пакт о нейтралитете после Тегеранских и Потсдамских соглашений глав правительств Антигитлеровской коалиции. Конрад в эти годы по-своему пытался примирить державы, опубликовав «веер» статей о дружбе А. Чехова и В. Белинского с японскими писателями. Позже найдут массового читателя работы «О национальном языке в Китае и Японии», «О перспективах развития советского языкознания», «Толстой в Японии», издаётся двухтомный словарь под его редакцией, состоявший из 100 тысяч слов.

Помимо цикла статей о театрах Кабуки и Ноо, драме «Йокёку» Конрад участвовал в создании 10-томной «Всемирной истории», вёл обширную международную переписку (в частности, с английским историком А. Тойнби). Мечтал написать небольшую книгу о монахе-востоковеде, которого он посетил в Оптиной пустыни в 1922 году. Золотым венцом его колоссальных трудов является интереснейший однотомник «Запад и Восток» с идеей общности развития Человечества. Особняком, предметом более детального исследования стоят заслуги Конрада в области издания академической серии «Литературные памятники»...

Знаток Маньчжурии и Китая
Илларион Россохин

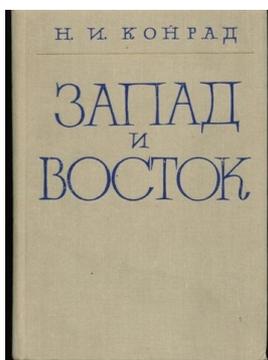
Сокровище востоковедения –
Н.И. Конрад

Японоведа Е.Д. Поливанова
расстреляли 77 лет назад...

Коллега Н.И. Конрада
С.Г. Елисеев

Гуманное наследие учёного

«Японское солнце»
советского академика

Николай Иосифович ушёл от нас 30 сентября 1970 года в Москве, но цель и смысл его жизни и творческо-подвижнической деятельности бессмертны. На гражданской панихиде присутствовали лучшие умы страны, иностранцы, поседевшие ученики и студентки первых выпусков востоковеда, простецкого, добродушного в быту человека. Выступавшие друзья, академики Д.С. Лихачёв и В.М. Жирмунский не умолчали о «бочке дёгтя», пролитой на изыскания учёного «вундеркиндами» журнала «Иностранная литература». Ещё живой, но уже слабый герой повествования методично отмечал, что прессовая травля неприемлема с точки зрения человеческой морали и простой порядочности...

Да, умели у нас треножить, а если и отпускали в галоп, так чтоб голова отлетела. Встречаясь в Орле, Москве, Риге, Владивостоке и Спасском-Лутовиново с представителями Страны Восходящего Солнца на Международной конференции «Пушкин и Тургенев», с потомками рода Толстых в Никольско-Вяземском, я рассказал им об явлении «пытливой мысли – эшафот», говорил о специфике режимного зажима инакомыслия по сценарию секрет-саги «Жизнь и смерть выдуманной оппозиции». Признанные авторитеты от Канады и Хоккайдо, от Европы до Австралии были несказанно и наглядно удручены давлением авторитаризма лжегениев, поставивших на кон перекрытие свободы творчества профессионалам. Заметьте, живым, а не ушедшим на покой асам своего дела, будь то журналист, писатель, автогонщик, певица или начальник рыбоохраны.

Выходит, флаги не будут в гости к нам??? Будут! Но убитый на дуэли гений предупреждал: «Беда стране, где раб и лжец одни приближены к престолу».

Сожалею о недалёкости сограждан, не понявших как своего, так и чужого языка хотя бы в переводе. И о каких стягах может вообще идти речь, когда сюсюкающе ворочаются личные дела репрессированного академика, награждённого двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и высочайшей наградой для иностранца – японским «Орденом Восходящего Солнца»?

Светило ли оно, грело ли душу, или радовало глаз владельца – не так важно. Главное – с 1945 года его лучи проникали в застенки, не подчиняясь вождям, конвоирам, закону и «паханам»...

Обидно одно: никто из орловцев не предложил до сих пор назвать университет именем отца-основателя. Нельзя культивировать всё культурно-орловское наследие тургеневским, предавая забвению иные авторитеты «третьей литературной столицы»!

ТРИУМФ И ФИНАЛ «БИСМАРКА»

История военного кораблестроения и захватническо-реваншистского мореплавания изобилует фактами, доказывающими обязательное наказание колонизаторских сил, вышедших со стапелей под знаком достижения мирового господства в океанах и на море. Сжатая биография флагманского линейного корабля «Бисмарк» – гордости судостроения гитлеровского Рейха и Кригсмарине, хотя и отображена в ряде энциклопедий ВМС мира, не раскрыла серию нюансов, предшествовавших его гибели. Рискнём поднять якоря и запустить энергетические установки выпуска 1938–39 гг., чтобы уяснить события, состыковавшиеся в цепь злого рока для нацистского супердредноута и его экипажа.

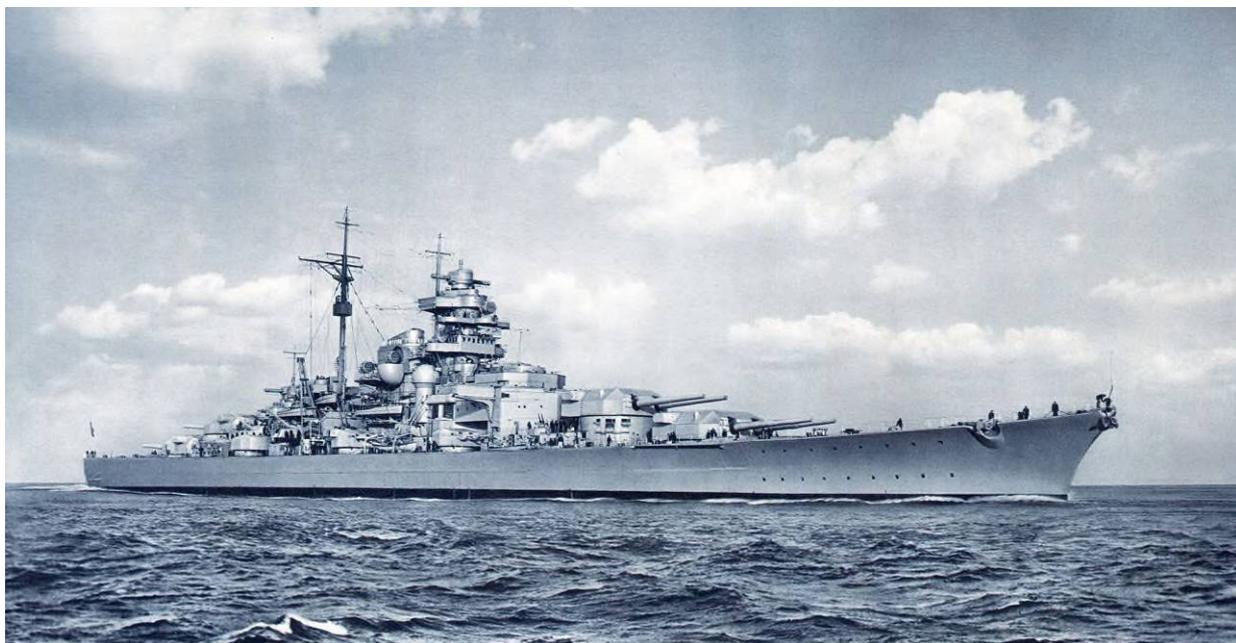
Эрих Редер –
лидер Кригсмарине

В 1941 году британской разведке, как и разведке ВМС США, раскрывшей японские шифры накануне войны, крупно повезло. Но, если американцы не смогли понять коварность японцев в «коде ветров» – «Хигаси но кадзэ амэ» и предупредить разгром Пёрл-Харбора, то их союзники оказались на высоте, завладев «святая святых» немцев – шифровальной машиной «Энигма». Благодаря сенсационному приобретению, англичане обладали секретными сведениями высшей государственной значимости для Фатерланда. Дешифруя сообщения по «Энигме», джентльмены смогли определить замыслы главкома Кригсмарине гросс-адмирала Э. Редера и командующего надводными

силами Германии адмирала Г. Лютьенса с точностью до мелочей. Детище инженера А. Шербиуса подняли с борта затопленной немецкой субмарины вместе с кодовыми книгами ещё весной. По самым скромным подсчетам, роковая ошибка германских подводников, не уничтоживших «Энигму» с документацией, обошлась Германии в 28 000 моряков, погибших в Битве за Атлантику из 39 000 человек, входивших в плавсостав подводного флота.

Всё это узнается очень не скоро. Согласно блокированию Англии от внешнего мира и догмам антиконвойной войны, по личному указанию А. Гитлера была разработана операция «Рейнбург». План операции предусматривал мощный удар по английским транспортным караванам в Атлантике при взаимодействии мастодонта «Бисмарк» с тяжёлым крейсером «Принц Ойген» и огневой поддержке линейных

крейсеров «Гнейзенау» и «Шарнхорст». В силы снабжения входили пять танкеров и два вспомогательных судна. К удовольствию адмиралов и бывшего командующего флотом адмирала В. Маршалля, авангард боевых кораблей совсем недавно пережил авральный ремонт.

«Бисмарк» – первый раз в море

В то время «Флот Открытого Моря» дислоцировался в стратегическом порту Франции – Бресте, куда немецкие рейдеры вошли после позорного для страны поражения. Альбионцы, уделявшие большое внимание этим суперкорсарам посредством бдительной воздушной разведки и рассадника резидентов-агентов на побережье, прознали о «месте прописки» и предприняли ряд серьёзных бомбардировок. В одном из налётов устаревший биплан-торпедоносец «Фэйри Суордфиш» повредил «Гнейзенау», омрачив предположительные финальные перестановки.

В начале мая 1941-го «Бисмарк» и «Принц Ойген» перебазировались в Гдыню, откуда 18 мая хорошим ходом вышли в море. Через два дня разведка и шведский крейсер «Готланд» донесли об обнаружении противника. Командующий флотом «владычицы морей» в метрополии адмирал Д. Тови понимал, к чему может привести даже кратковременная потеря вражеской армады из поля зрения. Он отдал приказ, чтобы с рассвета 21 мая самолёты-разведчики во что бы то ни стало разыскали врага, одновременно начав стягивание крупных сил Королевского флота.

В сумеречной мгле утра одинокий «охотник» — «Спитфайр» обнаружил «Бисмарк» и «Принц Ойген» в районе Карсфьерде. Однако под прикрытием густого тумана любимцам фюрера и Редера вновь удалось безнаказанно выйти в море. Ночь спрятала их своим покро-

вом до вошедшей в историю утренней зари...

Обеспокоенный неизвестностью Тови бросил на патрулирование Датского пролива крейсера «Суффолк» и «Норфолк». Вслед за ними для подкрепления были высланы – новейший линкор «Принс оф Уэлс» с национальным фаворитом Гранд Флита – тяжёлым линейным крейсером «Худ» в сопровождении шести эсминцев.

Суровый адмирал Г. Лютенс, прошедший нервную школу на торпедных катерах, крейсере «Карлсруэ» и «одиночное плавание» в недрах штаба ВМФ, где он занимал перед войной пост командующего разведсилами, был поражён вечерней встречей с английской эскадрой, но в конфликт с ней не вступил.

В рассветной дымке 24 мая, около 06.00 утра, «Худ» под флагом командующего вице-адмирала, участника многих походов сэра Л. Холланда, допустил опасное сближение курсов, попав под жесточайший обстрел артиллерии всех калибров. Неслыханная трагедия, словно взрыв сотни тонн сдетонировавшей в артпогребах взрывчатки – до глубины души поразила Великобританию и, позднее, весь мир...

Олицетворение мощи и венец конструкторской мысли великой морской державы водоизмещением свыше 46.000 тонн, длиной 262 метра и шириной 32, общей мощностью энергетической установки – 141.000 л.с. и скоростью 31 узел, дальностью плавания 4.000 миль, превратился в удобную мишень. Не спасло красавец-линейный крейсер вооружение: восемь 381-мм орудий, двенадцать 140-мм стволов, восемь 102-мм и четыре 47-мм пушки. Броня на бортах и башнях, превышающая 300 мм, корёжилась и лопалась от попадания бомбардиров с «Бисмарка». Корабль, обслуживаемый экипажем из 1.300 человек, не выдержав жуткого шквала прицельно летящих снарядов, взорвался. Вода, тоннами хлынувшая в пробоины, со стремительной быстротой потянула людей и крейсер ко дну...

И сегодня, спустя более полувека, становится тяжело при упоминании о том, что в живых осталось ТРИ ЧЕЛОВЕКА! Не стало сэра Лэнсэбота Холланда, любившего пошутить с подданными «Владыками моря» Его Величества Георга VI под редкую рюмку добротного старого виски. Ликованию триумфаторов под морской свастикой не было предела, и мало кто задумался о возвращении зла на круги своя...

Крепко досталось и линкору «Принс оф Уэлс», на борту которого, помимо экипажа, находились корабельные верфи, где он «родился». Повреждённый тяжёлыми бронебойными снарядами, «Принц Уэльский», вместе с «Норфолком» и «Суффолком» следовал за уклоняющимися от боя кораблями Лютенса, чей флагманский «Бисмарк» также получил опасно-чреватое для любого корабля повреждение топливной цистерны.

Искушённый штормами и канонадой главного калибра, обрадованный победой Гюнтер Лютенс уходил от преследования. Заботясь

о вверенных ему надводных силах, опытный адмирал решил «раздвоиться». Приказав «Принцу Ойгену» держать курс к побережью Франции, он резко развернулся навстречу четырём скоростным крейсерам контр-адмирала Кертиса и авианосцу «Викториес». Хладнокровная самоуверенность уроженца Висбадена и «морского волка» в одном лице фокусировалась вокруг сокрушительной огневой мощи сверхдредноута и огромного потенциала паротурбинной установки мощностью 150.000 л. с., разгонявших «Бисмарк» до 30-узловой скорости. Увы, надежды адмирала, со скрипом «накручивающего мили» по палубе и апартаментам линкора, не оправдались.

Адмирал ВМС Великобритании Джон Тови

Около 22.00 корабли контр-адмирала Кертиса, выполнявшие приказ Джона Тови «не жалеть машин и идти с «Бисмарком» на сближение при одновременном охранении авианосца «Викториес», – смогли занять выгодные позиции. От палубы «Викториеса» со свистом оторвались шесть «Фульмаров» и девять тихоходных торпедоносцев «Фэйри Суордфиш». Пройдя ожесточённый поток свинца, летевший из стволов 16-ти 105-мм зениток, 20-ти 20-мм и 16-ти 37-мм автоматов, самоотверженные английские лётчики с великим трудом добились одного попадания в крестоносную цель. Поздней ночью упорный Лютьенс пытался атаковать английские крейсера, но противник оказался мобильней, своевременно ретировавшись. Этой же ночью англичане, наученные катастрофичностью близких арtdуэлей, едва не потеряли то, что энергично искали несколько дней –

координаты местонахождения «Бисмарка»...

Смертный приговор команде и кораблю «подписали», сами того не зная, его хозяева – адмирал Гюнтер Лютьенс, желавший потопить «Принс оф Уэлс» любой ценой, командир «Бисмарка» Эрнст Линдемманн и один из представителей лётной элиты Люфтваффе, сын которого служил на линкоре. Фатальную роль при обнаружении не затерявшейся иголки, а 250-метрового бронированного колосса сыграли две секретные радиogramмы названных высокопоставленных личностей «Третьего Рейха», которые оперативно перехватила английская разведка.

В первой из них, Лютьенс, проигнорировав закон радиомолчания в ситуации, в которой он оказался, сообщал о победе над «Худом», недостатке топлива, благополучном отходе «Принца Ойгена» к Азорским островам и планируемом курсе «Бисмарка» в северный

порт Франции – Брест. Сломить шифр радиограммы противника англичане, при всём эмоциональном и профессиональном нажиме, не смогли. Суть в том, что «Бисмарк» выступил маяком против себя, ибо был тут же запеленгован. Его координаты сразу же пошли по флоту союзников.

Во второй радиограмме, срочно переданной из Афин отцом одного из офицеров «Бисмарка», узнавшим о Датском бое из рупора виртуоза словесных баталий Й. Геббельса, англичанам раскрылось большее. Расшифровав эту сентиментальную в условиях войны депешу, закодированную дипломатическим шифром, а также обобщив полученные данные с донесением экипажа «Каталины» из 209-й эскадрильи Берегового командования ВВС, они вывели против «Бисмарка» превосходящие силы флота с авианосцем «Арк Ройял». Сброшенные при атаке «Суордфишей» торпеды достигли желанной цели: взрыв в кормовой части линкора, обладавшего шириной 36 метров и осадкой около 10 метров, вывел из строя винты и руль.

Потеряв скорость хода до 14 узлов, экипаж пытался маневрировать от атак миноносцев, но в конце концов попал в оцепление подошедших главных сил британцев. Около тысячи снарядов среднего и крупного калибра, большое количество торпед превратили линкор в факел, 53 000-тонный в водоизмещении дуршлаг бронированного железа, еле державшегося на воде. В огне погиб Гюнтер Лютьенс, офицеры штаба Кригсмарине, сотни матросов и четыре гидроплана.

Военно-морской флагман Дойчланда стал смертельной ловушкой для 1600 человек экипажа, оказавшихся волею Второй Мировой войны на его борту. 27 мая 1941 года в 10.36 утра «Бисмарк» перевернулся и затонул с большей частью команды, последний раз мелькнув перед глазами очевидцев огромной свастикой, нарисованной на палубе ближе к носу и корме. В 450-ти милях к юго-западу от Бреста англичане сознательно притормаживали спасательную операцию, мстя выжившим немцам за «Худ» переохлаждением в ледяной воде...

Таким горьким для обеих сторон опытом война доказала сражающимся державам, что она н и к о г д а не прощает ошибок, потери важнейшей информации, халатности и недисциплинированности, недооценки сил противника и заносчивой, неуёмной гордости обладателей самых совершенных видов оружия. Разведка и становившаяся первостепенной по значимости в войне на море палубная авиация в очередной раз преподнесли жестокий урок командованию флотов, предостерегая ценой тысяч жертв: «непотопляемых» кораблей и судов не бывает...

Потеря «Бисмарка», а в последующем и других кораблей, океанских и прибрежных субмарин, заставила немцев быть более осмотрительными в Атлантике по напутствию авторитетного строителя Германского флота гросс-адмирала Эриха Редера: «Нашему над-

водному флоту не остаётся ничего другого, как только демонстрировать, что он может доблестно умирать». Знал бы стратег, что «Энигма» под оком Черчилля!

Рейхканцлер № 1 Отто Бисмарк как-то предупреждал соотечественников о невозможности и глупости войны Германии с крупнейшими морскими и сухопутными государствами. По странному стечению обстоятельств мстителями за «Бисмарк» окажутся военно-морские самураи Страны Восходящего Солнца.

Финал агрессии – оплот Кригсмарине на дне

О судьбе кораблей Дальневосточного флота Великобритании наш следующий рассказ из боевой истории ВМС США и стран Британского Содружества на неохватных просторах и коммуникациях Тихого океана.

Автор книги КЧФ
с ветераном А.М. Дороховым

КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ НИКОЛАЯ ДУБКОВСКОГО

*«Светят сполохи огневые,
Моряков увлекая в бой...
Бейся, сердце родной России
Нашей доблестью штормовой!»*

Александр Жаров

В будущем году морская пехота России будет широко праздновать значительно-исторический юбилей – 75-летие, хотя её первые подразделения родились ещё в 1705 году.

Отрадно, что в бессмертной когорте Героев Великой Отечественной войны, среди выдающихся представителей ВМФ со всей страны, стоят наши замечательные земляки Н.А. Дубковский, В.А. Лаврищев, Н.А. Скворцов, И.А. Тесленко и многие другие достойные сыновья обширной тогда Орловщины.

...Никто из Дубковских и змиёвцев не мог представить, что их сын и знакомый, обыкновенный крестьянин, прошедший начшколу и механизаторство в колхозе, окажется в составе ВМФ в 1940-м году.

Николая призвали в учебный отряд ЧФ при школе младших специалистов связи. За год до начала реализации плана «Барбаросса» – крепкий 20-летний орловец проявил отличие и усердие в военподготовке, выучившись на пулемётчика. Заповеди об изучении воендела, о воинской дисциплине, сам Устав службы подразумевали, что без инициативности и сознательности солдат и матросов успех в войне нереален, что при её неизбежности караются распущенность, пассивность, отсутствие бдительности. Старшие офицеры-преподаватели и флотская молодёжь знали: победа будет за тем, кто крепче духом и любовью к Родине, за теми, кто не допускает расхлябанности и эгоизма. Без девизов и бравых песен не обходилось, но предвоенному поколению было ясно – побеждает обладающий лучшей техникой, умеющий владеть ею безупречно в мирном времени...

В рядах 7-й бригады морпехов (БМП) Дубковский и товарищи переживают весь негласный ужас «блицкрига» близ вотчины Русского Флота – Севастополя. В тяжелейших кровопролитных боях, при эвакуации населения города на Кавказ, Николая Андреевича дважды ранило, он на глазах потерял многих сослуживцев. Участник небывалого противостояния людей, оружия и моторов, морпех В.Ф. Елисеев в книге «Первая и вторая обороны Севастополя: правда и ложь», вышедшей в Городе-Герое в 2011-м году, пишет:

«Никому не удаётся вытравить из памяти народной, что Севастополь является бессмертно героическим. О нём так думают не только бывшие граждане СССР, но и жители земного шара. В народной памяти Севастополь сохранился как непреклонный и высокоорганизованный в борьбе с превосходящими силами врага. Его оборона оказала влияние на умы человечества: с фашизмом можно и нужно бороться. Каждый патриот и здравомыслящий человек должен бороться с очернителями истории обороны Севастополя. Искажается история не только обороны славного города, Великой Отечественной войны, славянства. Искажение всей истории славян не прекращается»...

Морпех Николай Дубковский

Сражавшийся под началом Героев обороны – командира и комиссара 7-й БМП Е.И. Жидилова и Н.Е. Ехлакова, матрос Н.А. Дубковский, после излечения в госпитале, бил агрессоров на «Малой Земле», в феврале 1943-го. Встречался ли воин с заместителем начальника Политуправления Южного фронта, начальником Политотдела 18-й Армии Л.И. Брежневым – не суть важно. Уже через месяц после боёв за Новороссийскую Твердыню, его, как наводчика противотанкового ружья, направляют в 386-й отдельный батальон морской пехоты. Подразделению Дубковского поставят архисложную задачу – штурмовать первым рубеж обороны врага в ходе Керченско-Эльтигенской операции.

Чтобы выбить противника с Керченского полуострова, войскам Северо-Кавказского фронта, силам ЧФ и Азовской военфлотилии требовалось нейтрализовать 85-тысячную группировку. Все подходы и проливы к полуострову были нашпигованы минами, к патрулированию побережья привлекались не юнцы, а асы Люфтваффе.

Штурмовой батальон Николая десантировался с кораблей Новороссийской ВМБ у посёлка Эльтиген. Высадка проходила в ночь на 1-е ноября с бортов 116 плаведилиц под охраной 13 торпедных катеров. 318-я стрелковая дивизия 18-й Армии и два батальона ЧФ поддерживали морские авиаторы и лётчики-штурмовики из авиадивизии 4-й Воздушной Армии. 140 орудий береговой и полевой артиллерии вели непрерывный прицельный огонь по вражеским укреплениям.

Тяжёлое положение богатырей усугубилось сильным штормом в проливе. Из-за ветра, качки и волн атакующие остались без боеприпасов, снаряжения и провианта. Непогодь сковала силы снабжения, тогда как отважный 386-й батальон с потерями укреплялся на суше под

шквальным огнём контратакующих немцев.

В ходе штурма Николай уничтожил пять огневых точек, найдя выгодную позицию для стрельбы. Его рота захватила участок противотанкового рва. Вместе с напарником, умело действуя противотанковым ружьём в течение 12 атак неприятеля, защитник Отечества Дубковский не покинул поле боя, будучи раненым.

За сутки бесстрашные советские десантники смогли овладеть территорией до двух километров в глубину и до пяти – в ширину. Обороняясь, рота морпехов орловца, находясь в противотанковом рве, отбила 15(!) атак фашистов. 2-го ноября захватчики подтянули резервы и атаковали 18 раз, начав подавление русского десанта. В смертельных схватках под беспощадным свинцовым ливнем огня всех калибров, 1-я стрелковая рота под лидерством лейтенанта П.Г. Дейкало остановила шесть танков крестоносцев навсегда. В том памятно-адском бою раненый Николай Андреевич уничтожил два бронемонстра несколькими выстрелами подряд из противотанкового ружья...

За верность Родине и снайперство, проявленные в Эльтингенском десанте, краснофлотец Н.А. Дубковский 17 ноября 1943 года объявляется Героем Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР. Однако была и обратная сторона медали – немцы заблокировали и окружили десант «Чёрной смерти». До 7-го декабря – прорыва из окружения – морпехи дрались 36 дней и ночей, наконец, вырвавшись на южную окраину Керчи. В целях поддержки их выхода – в бой бросили отряды 83-й БМП.

Оккупанты контратаковали большими и свежими силами, поэтому наших десантников эвакуировали 10-11 декабря с помощью «братвы» Азовской флотилии. При этом ратный труд морпехов отнюдь не сочли безуспешным, ибо участники Эльтингенского десанта взяли на себя сковывание крупных сил немцев, что и привело к победе коллег северо-восточнее Керчи. Важную роль в операции и последующем освобождении Крыма исполнили как подчинённые, так и их командующие: генерал-полковник И.Е. Петров, вице-адмирал Л.А. Владимирский, контр-адмирал С.Г. Горшков.

Неоднократно раненный, бывалый в огнях и на водах, старшина I статьи Н.А. Дубковский демобилизовался из доблестного КЧФ спустя год после Великой Победы. Всю войну он мечтал вернуться домой, укрепить семью, заняться земледелием за рычагами или рулём трактора. Это было вторым рождением – возвращение к родному очагу, ключевой Неручи, на Родину Н. Лескова и И. Вольнова – через шесть лет грандиозных сражений и малых боёв.

Бывший посёлок Эльтинген вскоре переименуют в Героическое. Боевые заслуги моряка Н.А. Дубковского по праву увековечатся в наименовании парка, обелиска и мемориальной доски, торжественно открытых в послевоенной Змиёвке. Видится, славному земляку часто

приносились памятью эпизоды страшной войны, сродни со стихами Григория Поженяна – поэта, любимого военными и гражданскими моряками:

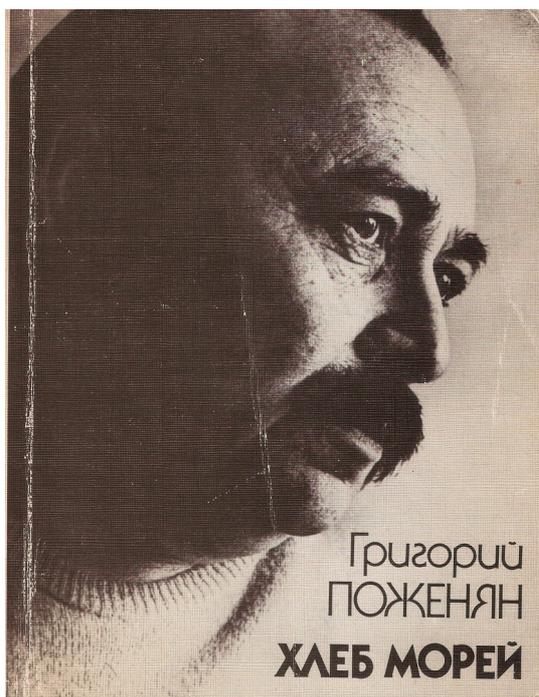

Память крепче
роическое)

брони (п. Ге-

*И пока просыпались горны утром пасмурным и суровым,
Море виделось мне то чёрным, то – от красных огней – багровым.*

Февраль 2013 г., Орёл – Керчь – Змиёвка – Орёл.

ПОДВОДНЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ «К-17»

«Войну начинают не военные, а политики»

Генерал У. Уэстморланд

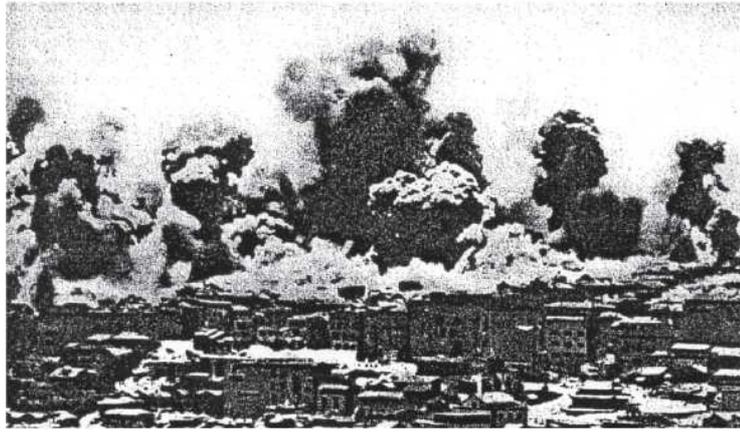
Вопреки сложившимся категорическим мнениям и трактовкам историков, Вторая мировая война стартовала не в 1939-м в Европе, а в 1931 году в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. Императорская Япония, ущемлённая многовековой самоизоляцией от внешнего мира, стремительно вооружившись его технико-промышленными технологиями, ступила с оружием на материк.

В целях обескровить колониальное могущество, захватить историческо-природные богатства Голландской Индии, Французского Индокитая, Великобритании, Португалии, приостановить геополитические поползновения на Китай, Германию и Советскую Россию, Страна Восходящего Солнца применяла всевозможные механизмы для оправдания войны под девизом: «Азия – азиатам!». Дальность действия самурайской захватнической мысли не имела границ, о чём не раз предупреждал в статьях журналист-международник (он же советский разведчик) Рихард Зорге.

Успех военщины на первом этапе континентальной экспансии олицетворялся не только «мозговитостью» японских штабов армии, авиации, флота или контрразведки. Триумф милитаристов клеймился бесчисленным количеством преступлений против мирного населения, попавшего под свинец, огонь, тротил и меч агрессоров. Только в Шанхае и Нанкине за два дня(!) от рук «сопроцветающих» реваншистов погибло свыше полумиллиона человек. Разве Будда и каноны синтоизма призывали к убиению гражданского населения?!

Дипломатическо-политические круги и правительство США, осознавая фашистскую доктрину и устремлённость амбициозной расы, включили рычаги подавления «банзайства» в виде нефтяного эмбарго и ультиматума с жёстким требованием «очистить весь Китай», что было для Японии неприемлемым. По всем префектурам Родины Хризантем прокатились волны негодования по поводу замораживания США японских банковских активов за рубежом. В том же 1941 году самоуверенная Америка спровоцирует Японию на мощный удар и едва не утратит стратегическую базу ВМС на Гавайях – Пёрл-Харбор...

Вокруг событий, развернувшихся на параллелях и меридианах Великого океана – бездна неясностей, загадок и противоречий, доказывающих недолгость планетарного сосуществования народов без войн. Дабы уяснить непривычное понятие «всем режимам выгодна война», настоящей публикацией попробуем разгадать ребус 73-летней давности...

Китай. Японская авиация нанесла мощный удар по Чунцину

Видя натянутую, словно тетива, обстановку после предъявленного ультиматума, зная, что в Токио будет взрывной резонанс, США «в целях защиты» берут под контроль Голландскую Гвиану. Далёкая Голландия, одна из маститых родоначальниц мореплавания, несмотря на лондонскую эмиграцию пожилой королевы Вильгельмины, имела в колониальных владениях серьёзный флот. ВМС под именем и стягом Её Величества Хелены Паулины Марии располагали крейсерами «Де Руйтер», «Ява», однотипным по оснастке «Тромпом». В состав сил входили эсминцы «Пит Хейн», «Ван Гент», «Эвертсен», «Кортенер», «Витте де Вит», «Банкерт», 18 подлодок типов «К» и «О». Общее командование Королевскими ВМС в Ост-Индии осуществлял опытный адмирал К. Хелфриг. Немаловажным, хотя и малочисленным звеном была и авиация в количестве 200 самолётов. Её представляли истребители «Брюстер» и «Кертисс», бомбёры «Мартин», гидропланы «Фоккер», патрульные летающие лодки «Консолидэйтед».

Высокопоставленные армейско-флотские чины, кабинет министров и МИД Японии очень болезненно отреагировали на «голландское ухаживание» со стороны Нового Света, состоявшееся 24 ноября 1941 года. Посланники Империи в Вашингтоне К. Номура и С. Курусу были предупреждены о возможном уничтожении документов, секрет-шифров, кодов. Надежд на мирное урегулирование международных дилемм, к сожалению Ф.Д. Рузвельта и окружавшей его военно-монопольной элиты, увы, не оставалось. Японская коварность аукнется в «коде ветров» – «Хигаси но кадзэ амэ»...

Вице-адмирал Тюити Нагумо – главком при разгроме Пёрл-Харбора

Через три дня авианосно-ударное соединение «Кидо Бутай», пополнив запасы топлива и провианта, приняв на борт лучших пилотов, отозванных из других авиадивизий Объединённого флота, покинуло воды у о-ва Итуруп, взяв курс на о. Оаху. Послание Рузвельта Императору Хирохито, в котором он просил «Сына Неба» ответить народам Филиппин, сотен о-ов Голландской Индии, Малайи и Таиланда «не собираются ли японские войска нанести удар», по-видимому, «з а т е р я л о с ь».

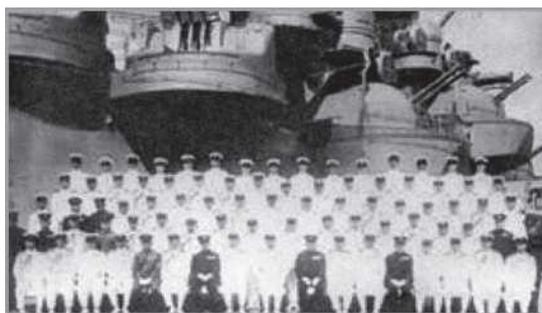

Президент США
Франклин
Рузвельт объявил
войну Японии

Спустя сутки после выхода кораблей вице-адмирала Т. Нагумо в Тихий океан, голландская субмарина «К-17» под командованием капитан-лейтенанта Безансона неожиданно обнаружила «Кидо Бутай» в 280 милях к северо-востоку от Тонкинского залива. Рейдеры шли противолодочным зигзагом, под охраной крейсеров и эсминцев тремя колоннами по курсу – 088°, что прямо указывало на Пёрл-Харбор, до которого им оставалось 800 миль. Безансон, понимая опасность грозящую союзникам, срочно уведомил шифротелеграммой штаб Королевского ВМФ на Дальнем Востоке, в подчинении которому находились и голландцы.

Радиограмму перехватил и дешифровал «Отдел М» Дальневосточного флота Великобритании в Сингапуре. О её сути немедленно осведомили командующего этим флотом адмирала Тома Филиппса и его оперативный штаб.

Копии информационной «бомбы», означавшей начало войны на Тихом океане, экстренным порядком легли на столы майора Десмонда Мортон и генерала Уильяма Донована – глав союзных разведок в Лондоне и Вашингтоне. Буквой воен-времени и закона оба были обязаны доложить У. Черчиллю и Ф. Рузвельту, что и сделали. Получалось, «вероломное и внезапное» нападение ВМС Императорской Японии на Америку (т.е. Пёрл-Харбор) было таковым только для миллионов, не посвящённых в гостайны? Подобные трактовки событий не были новыми, ибо дублировали не-

Элита ВМС Страны Восходящего Солнца

существовавшую внезапность по всей Госгранице СССР 22 июня 1941 года. Ведь сталинскую клику предупреждали о сроках реализации «Барбароссы» минимум за год до вторжения. Если не доверяли «Рамзаю» (группе Р. Зорге), то могли бы перепроверить информацию главы МИД Японии И. Мацуока, который назвал И.В. Сталину точную дату войны – **22 июня** – ещё во время своего визита в Москву в апреле того же года...

«Янки» в общенациональном, а не золотомиллиардном масштабе, воевать не хотели. Рузвельт довольно долго пробыл в президентском кресле и был так же любим, как и ненавидим. В «стране грёз» изменялись политические настроения и нравственные устои, расплодилось агентство Абвера и Дзехокеку. Появились новые (в т.ч. коммунистские и фашистские) партии и движения, действовали расисты и изоляционисты. «Звёздно-полосатые» «защищались» от театров военных действий в Европе, Африке и в Евразии Атлантическим и Тихим океанами. На Штаты по-разному давила Великобритания, будучи крайне заинтересованной в вовлечении союзников в войну как в Атлантике и Средиземноморье, так и в бассейнах-акваториях Индийского и Тихого океанов. Обе державы, их многомиллионное население, уже пережили трагедии от действий Вооружённых Сил Германии, Италии, Японии. Чтобы оправдаться в глазах настоящего и будущего, главы этих стран в роли «консерваторов-демократов» никак не могли начать войну первыми. По сути, они подталкивали злобный триумvirат «Берлин-Рим-Токио» нападать «вероломно» первым...

Во власти названных политиков оставалось более недели для разработки и осуществления контрмер против бороздившего океан, сохранявшего радиомолчание соединения Тюити Нагумо. Вместо того, чтобы привести в боеготовность № 1 флотских и армейцев Гавайского военokruga, вместо предупреждения Азиатского флота США и Дальневосточных ВМС Англии и Голландии, их подопечные додумались до преступления, которому не подобрать слов для комментариев.

Обращение королевы Голландии Вильгельмины к народу

По плану сверхсекретной операции «Субенд» было решено убрать «нежелательных свидетелей». Тайный английский агент К. Робин, отлично знакомый с экипажем «К-17», проник на её борт, пронёс и спрятал в кислородные ёмкости две небольших трубки цианида и ящик взрывчатки, фальшиво и подло промаркированный «под виски». Мало того, цианидные трубочки и взрывчатка имели часовые механизмы, но официально были представлены

команде субмарины капитан-лейтенанта Безансона как «подарки к Рождеству» от имени королевы Вильгельмины и английского адмирала подводных сил, сэра Макса Хортонa.

— Я стал свидетелем уничтожения «К-17» и всего её экипажа, с которым успел за несколько дней познакомиться, — рассказывает тот самый убийца К. Робин — он же бывший офицер английской развед-

службы Кристофер Крейтон. Сетуя, что война превратила его в злодея и закоренелого убийцу тысяч людей, понимая, что он предстанет перед Господом вместе с СС и Гестапо в судный день, «британский Скор-цени» вспоминал эпизод своей грязной карьеры так:

Кристофер Крейтон

«Наш самолёт содрогнулся, когда океан вздыбился огромным фонтаном. Взметнулись вверх куски человеческих тел, щепки от ящиков, солёнка и разбитое вдребезги оборудование. Казалось, морское чудовище проглотило подлодку, пережевало людей и механизмы, а затем, поперхнувшись, выплюнуло всё.

Я думал о том, что голландские матери и отцы будут оплакивать гибель своих молодых сыновей. У меня из головы не выходила одна мысль: что они сказали бы или сделали, узнав правду. А правда была в том, что отважных подводников принесли в жертву, поскольку высшие власти Британии и Америки сомневались, смогут ли эти парни держать язык за зубами».

Знал ли о трагедии соотечественников флагман голландских моряков контр-адмирал Карел Доорман? Нет, не знал, как и многие другие уроженцы Нидерландов, погибшие с ним за вековые завоевания монархии в морских боях с японцами в Яванском море в феврале 1942 года.

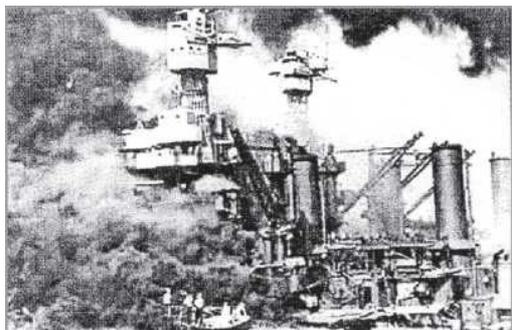
Парадоксальная запутанность и скрытность случая с подлодкой «К-17» заключается ещё и в том, что при походе авианосно-корабельного соединения Т. Нагумо к Гавайям был выбран удалённый северный маршрут, а не центральный или южный. Следовательно, экипаж субмарины Безансона никак не мог видеть ударный отряд, чей ход и дозаправка проходили в чрезвычайной секретности с использованием ложного радиобмена в метрополии и полного радиомолчания в пути. Центральный маршрут, ведущий на восток и позднее вдоль Гавайского архипелага, как и южный, ведущий к Гавайям с юга через Маршалловы о-ва, прорабатывались штабом Объединённого флота, но факт остаётся фактом: 28 ноября 1941 года «Кидо Бутай» не мог находиться в 280 милях от Тонкинского залива, или в 518 кило-

Командующий ВМС Голландии в Ост-Индии Карел Доорман

метрах 560 метрах от его вод. Очевидно, экипаж *Безансона* повстречал силы вторжения (или часть эскадр) из состава флотов Н. Кондо, Д. Одзава, И. Такахаси, возможно, выполнявших демонстративно ложный манёвр, ибо известно, что налёт на Пёрл-Харбор маскировался якобы переброской японских десантов в Индокитай.

Однако преступление, совершённое англичанами, не имеет сроков давности. Позднее откровение посетило К. Крейтона при его встрече с другом, капитаном III ранга Яном Ланкастером Флемингом,

Почерневший рассвет

начавшем карьеру в Лондоне в службе разведки ВМФ Англии в должности профессионала по особым поручениям при контр-адмирале Джоне Х. Годфри. К изумлению Крейтона, Флеминг оказался его контролёром в операции «Субенд» с позывными морзянки НК6 (буквы и цифры секрет-кода не имели разделения, как в сигнале «SOS»!). Ян и нажал на кнопку уничтожения голландских подводников, причём в 1941-м он не был

знаком с Кристофером. Отпаивая впавшего в истерику Крейтона бренди, Флеминг рассказал, что он заметал следы после операции. Будущий автор книг о Джеймсе Бонде, Флеминг поведал сослуживцу о его встрече с королевой Вильгельминой, жившей в изгнании близ Ридинга. Он же сфальсифицировал архив субмарины «К-17», хранившийся в штабе ВМС в Сингапуре или Сурабайте.

Без вмешательства США и катастрофы Германии под Москвой – Япония смело могла открыть второй фронт против СССР на Дальнем Востоке. Империя была в состоянии бомбардировать его промышленный и аграрно-сырьевой тыл с огромными человеческими ресурсами. Аналогичная участь готовилась народам Индии, Океании, Новой Зеландии, на протяжении десятков тысяч миль от Южной Африки до Австралии, от Курил до Аляски, вплоть до арктических и антарктических вод...

Голландские подводники, действовавшие по Кодексу Морской Чести из благоразумных побуждений, пали жертвами величайшей политавантюры на высшем госуровне. Первые Герои Тихоокеанского ТВД без орденов и медалей канули со своей тайной правдой на дно, подписав себе смертный приговор истинным выполнением приказов и злосчастной радиограммой.

Они остались в вечном круговороте Мирового Океана, но до сих пор неизвестны поимённо, как первые погибшие в Кампаниях ВМС и

Автор-стратег налёта на Пёрл-Харбор адмирал Исо-року Ямамото

ВВС Японии и США на Тихом океане. Вода им пухом...

«Подводная лодка «К-17» не вернулась из своего первого похода и судьба её неизвестна. Она могла стать жертвой японской субмарины «И-66», которая донесла о потоплении подлодки примерно в то время, когда пропала лодка «К-17», – это всё, что зафиксировано публично в послевоенном резюме аса подводной войны ВМС США, кептена У. Дж. Холмса...

Супердредноут «Ямато». Длина – 263 м. Экипаж – 3332 матроса и офицера.
Вес снаряда – 1500 кг, дальность выстрела – 42 км

ГОРДОСТЬ КАЗАХСТАНА ЖАРДЕМ СУПИГАЛИЕВ

30 января в Должанском районе Орловской области вспомнят воинов-красноармейцев из Казахстана, защищавших эти края в годы Великой Отечественной войны. В этом номере мы расскажем нашим читателям историю одного из таких доблестных сынов Отечества, полного кавалера орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева, павшего в боях за Орловщину.

Фанатичные самураи и орден Красной Звезды

Не счесть героических подвигов советских воинов, чья ратная судьба и слава ещё ожидают полного раскрытия перед послевоенными поколениями. Ярчайшим примером воинской доблести, самопожертвования и любви к Родине является боевой путь стрелка 109-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии рядового Жардема Супигалиева, уроженца села Жетибайское Урдинского района Западно-Казахстанской области.

В 1938 году, после окончания школы, будущий Герой трёх войн, не предвидя, «что» выпадет на его солдатскую долю, призывается в РККА Урдинским РВК. Первоначально Жардем служил в Белоруссии под началом Г.К. Жукова, затем под его же командованием отличился в сражении у реки Халхин-Гол, в Монголии. Затяжные кровопролитные бои с фанатичными самураями длились три месяца. В них храбрец Супигалиев завоевал первую выстраданную награду – орден Красной Звезды.

Три войны прошёл Жардем Супигалиев

Автор с сыном Героя Казахстана

Во время вторжения немцев и последующей оккупации Отчизны агрессорами, Супигалиев в первых рядах 88-й стрелковой дивизии участвовал в Битве за Москву. Фронтовая судьба вновь свела его с генералом Г.К. Жуковым, приказавшим создать спецподразделение из

«халхин-гольцев».

На линии огня у деревни Калиновка

Участники сверхтрагичной обороны Смоленска Жардем и его однопольчане били врага на Родине Советской Гвардии – под Ельней. Тогда его полк истребил в одной из яростных атак около 50 солдат и офицеров Вермахта. Беспремерные смельчаки остановили семь танков, подавили огонь и расчёты трёх дзотов и десяти пулемётных гнёзд. За стойкость, решимость и находчивость командование полка награждает Супигалиева орденом Отечественной войны II степени. Помимо обороны Смоленска, Ельни, Москвы, Гвардейский полк Жардема сражался под Ленинградом, затем Сталинградом. В Битвах за города Ленина и Сталина меткий стрелок заслужил орден Отечественной войны I степени и орден Славы II степени.

С января 1943-го истребительное отделение особого назначения, где воевал отважный казах, на линии огня Орловско-Курской дуги. В ужасающем аде кровопролития в небе, на воде и земле подразделение Жардема 12 раз отбивало атаки фашистских танков и пехоты. В жесточайших схватках защитники Родины подожгли и подбили девять танков, расстреляли около 30 оккупантов, уничтожили два дзота с расчётами.

В бою 27 января у деревни Калиновка Должанского района Орловщины немцы бросили на горстку русских богатырей четыре танка из состава танковой колонны. Истекавший кровью Жардем и трое его однопольчан обвязались противотанковыми гранатами и – ценой своей жизни – заблокировали головные бронемшины, чем застопорили дальнейшее продвижение крестonosной колонны.

Так героически погиб славный сын Казахстана, бесстрашный воин, патриот Жардем Супигалиев. Его посмертно наградят орденами Славы и Отечественной войны I степени. Но истинное горе по 29-летнему сыну, мужу, отцу было выплакано слезами родни и жены Натары после получения «похоронки» Жетибайским сельсоветом...

Сын об отце

Об «огнях-пожарищах» и судьбе отца поведал авторам строк его сын Бекес (Бекарыстан) Жардемович, искавший могилу папы 59 лет после войны. Куда только не обращался Супигалиев-младший – в Минобороны РФ, в комитеты ветеранов Казахстана и России, к СМИ разных стран (не стало СССР), в Центральный архив Минобороны России...

Мы случайно встретились с Бекесом за сутки до празднования 65-летия Победы, у фасада администрации Орловской области. Почётный гость региона шёл на приём к губернатору, возглавившему орг-

комитет «Победа». Спешил, сильно волновался. Мельком показал последнее фото отца. Договорились встретиться позже. Борис Сергеевич (так он попросил себя называть для упрощения) пригласил нас в номер гостиницы «Русь».

Бекес Жардемович, ветеран МВД, долго рассказывал как впервые побывал с детьми и внуком на могиле их боевого предка, упокоившегося в селе Родники Должанского района. Вспоминал, как был тронут многолетним вниманием местных жителей, про зелёный забор, памятник и мемориальную доску. Сын фронтовика проследил при упоминании о средней школе имени Жардема Супигалиева. Показал фотографию, где он вместе с сыном – внуком героя, подполковником и командиром войсковой части Республиканской гвардии Исатаем Жардемовым. На снимке – отец и сын стоят у памятника отцу и деду. Надпись на доске гласит: «Супигалиев Жардем, казах, 1914 года рождения, Западно-Казахстанская область, Джанибекский район, красноармеец. Погиб 27 января 1943 года, захоронен – Орловская область, Должанский район, село Родники».

– Началась эта история давно, ещё по линии МГО СССР, – говорит прямой потомок героя, протягивая документы. – Вот переписка с главами администрации Должанского района В.А. Семёновым и А.И. Писаревым – они заказывали плиту в мраморном исполнении для увековечения памяти моего отца. А это – справка из Центрального архива Минобороны России. Читаю выборочно:

«...в алфавитной книге учёта безвозвратных потерь личного состава 190 сп 74 сд за 1943 г. значится: «рядовой Супагалиев Жардем» (фамилия, имя – так в документе). Других сведений нет...

Сведения о наградах Орденов Славы трёх степеней имеются... Других документов полка, необходимых для наведения справки за указанный период на хранении в ЦАМО нет»...

Седой казахстанец замолкает и, слегка прикрыв веки, погружается в скрижали воспоминаний. Берём, с его одобрительного кивка, один из документов и удивляемся:

– От генерала армии, Героя Советского Союза В.Д. Говорова?

Читаем письмо Председателя Центрального совета ветеранов войны, труда и Вооружённых сил Российской Федерации:

«Семье Супигалиева Жардем!

Ваш муж, отец, защищая нашу Родину, героически погиб в селе Калиновке Должанского района, на Курско-Орловской дуге в великом Сражении. За это Сражение ему присвоено звание Героя как солдата, награждённого тремя орденами Славы.

С искренним уважением и с добрыми пожеланиями семьям погибших за Родину – В. Д. Говоров.»

Герой Советского Союза

Действительно, четыре ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», полное кавалерство орденов Славы и Отечественной войны Жардема Супигалиева приравниваются к званию Героя Советского Союза. Храбрейшие из удальцов, многократно совершавшие подвиги во имя Отчизны, удостоивались чести быть трижды награждёнными орденами Славы. О победивших смерть Героях отлично помнят и в издательстве «Казахстан», опубликовавшем галерею славных орденосцев Ж. Супигалиева, В. Пинчука, Д. Унчибаева, П. Бальбота, А. Заику, С. Сердюкова, М. Тютюнникова, В. Осипова, С. Ешбаева.

Да, память о них нетленна и переживёт века! Вопреки забвению, взаимосвязь поколений России и Казахстана, взаимовыручка патриотов из комитетов ветеранов войны открыли ещё одно незабвенное имя, спустя более 60 лет после величайшей трагедии Человечества XX века. На Мемориале Славы на Родине Жардема Супигалиева в Уральске накануне Дня Победы земляки и гости увидели барельеф с его изображением.

– Для меня Орёл и Орловщина очень дороги, ибо отец погиб в святой земле великорусской. Раз моего отца похоронили по чести и установили памятник, я всю жизнь буду помнить человеческое отношение, – говорит Бекес Жардемович, перед отъездом в родной Актау. – Если не вы, писатели, то кто же может посвящать нас в героические дела наших солдат и офицеров, кто будет искать и воскрешать их имена, а не кричать о патриотизме к юбилейно-памятным датам?!

На том и распрощались, обменявшись адресами и книгой в подарок. Отличное пожелание! Будем жить, творя, забвению вопреки...

Май 2010 г., Орёл – Долгое – Орёл

Президент Казахстана
Нурсултан Абишевич Назарбаев
читит Боевую Славу предков

ТРАГЕДИЯ И СЛАВА МИДУЭЯ

Исторический очерк навеян событиями, происходившими в годы Второй Мировой войны в Тихом океане. Материал об океанском противостоянии собирался годами. Здесь тогда развернулись сражения между Вооружёнными Силами Японии, США и их союзников. Военные действия начались в декабре 1941 года, когда японская авиация нанесла сокрушительный удар по Гавайям (ВМБ ВМС США Пёрл-Харбор).

ИЛЛЮЗИЯ ПУТИ

Первая июньская неделя 1942 года вошла в историю Императорской Японии трагической страницей, несмотря на захватническо-триумфальные успехи её армии и флота. Прошло столько лет, и о дате 4–6 июня 1942-го упоминается сдержанно и кратко. Напомню, что Мидуэй входит в ещё не опубликованную антологию «Жертвоприношения XX века» так же, как Нанкин, Шанхай, Герника, Брест, Таранто, Севастополь, Пёрл-Харбор, а позднее – Эль-Аламейн, Сталинград, Орловско-Курская дуга...

Немногие знали об этом крошечном острове, ища его на карте после Пёрл-Харбора, Сан-Франциско, Гонолулу и Гонконга. Президент США, бывший зам. министра ВМС, Ф.Д. Рузвельт в послании Конгрессу 8 декабря 1941 года отметил его сразу же и печально: «Сегодня утром японские силы атаковали остров Мидуэй». 48 штатов перевернула всеобщая мобилизация... Главком понимал, что враг коварен, жесток и неумолим. Прикованный к инвалидной коляске, любитель океанской рыбалки, президент внёс оптимизм в души сограждан: «С верой в наши Вооружённые Силы, с несомненной решимостью нашего народа, мы неизменно восторжествуем. И да поможет в этом Господь Бог!»

Вскоре его пророчество реализовалось на Тихоокеанском театре военных действий – в мидуэйских водах и небе. Коралловый атолл площадью 5,2 кв. километра входит в северо-западную группу Гавайских островов. Климат тропический, пассатный. Население – коренные жители, военнослужащие с семьями, обслуживающий персонал, знающий гавайский и английский языки. В гарнизоне насчитывалось свыше 3600 человек. Остров имел стратегическое значение, находясь почти на середине линии Йокогама-Гонолулу протяжённостью в 3150 миль. Когда-то здесь проплывал на лайнере «Чичибу Мару» А. Вертинский, вспоминая стихи Г. Иванова...

Береговая оборона укреплялась мощными артбатарейями. На Мидуэе расположились казармы, электростанция, самолётный ангар, топливные цистерны и вспомогательные сооружения. Имелись базовые и палубные самолёты разных типов. В 22-й авиа-

группе корпуса морской пехоты было 55 самолётов. В 221-й эскадрилье истребителей насчитывалось 28 «Уайлдкэтов» и «Брюстер Буффало». В состав 240-й эскадрильи пикировщиков входили 34 «Даунтлесса» и «Виндикейтера». Шесть «Дэвастейтеров» представляли 8-ю эскадрилью торпедоносцев. Эскадрилья летающих лодок «Каталина» обладала 32 машинами двух модификаций. В 7-й авиаармии находилось 17 «крепостей» Б-17 и четыре двухмоторных Б-26. Таким образом на Мидуэе базировалось около 120 самолётов в основном устаревших конструкций. Надежда на новейшие «Уайлдкэты» была невелика, ибо в случае воздушного боя ветераны ново-светской авиации уступали в скорости и манёвренности вездесущим авианосным истребителям «Мицубиси-Зеро». Для подкрепления предусматривалось перегнать единицы Б-17 с пострадавших ранее Гавайев. Они могли быть задействованы только с горизонтального бомбометания и большой высоты. Шанс попадания в эсминцы, линкоры, крейсера и авианосцы оставался маловероятным.

Новый командующий Тихоокеанским флотом, сменивший Х. Киммеля, адмирал Ч. Нимиц, командующий подводными силами контр-адмирал Б. Инглиш, военно-морская элита, находившаяся в Пёрл-Харборе, знали, что судьбу предстоящего сражения разрешит авианосная сеча с большим количеством самолётов, а также сил поддержки – эсминцев и субмарин. Большое внимание уделялось танкерному снабжению и разработке ударов береговой авиации по кораблям «красно-солнечного» противника.

Ещё в середине мая адмирал Ч. Нимиц был уведомлён разведкой о возможном десантировании японцев на Алеуты. Отвлекающий замысел ясен: пригвоздить заносчивых янки и выбросить их с Мидуэя раз и навсегда. Главком Императорского Объединённого Флота адмирал И. Ямамото вместо виски пил чай, встречаясь с морскими авторитетами О. Нагано, Н. Кондо, Т. Ониси, Д. Одзава, С. Ямадзаки и М. Угаки...

Оперативная разведка, наученная разгромом в Жемчужной гавани и на аэродромах острова Оаху, пережив шок и стопор действий в начале декабря 1941-го, теперь работала более углублённо. Вашингтонский спрос был велик, ибо Ф. Рузвельт объявил войну до конца. Только что заступивший на должность командующего ВМС США Э. Кинг, которому ещё предстоит встретиться с наркомом ВМФ СССР адмиралом Н. Кузнецовым, отправляя меморандум Комитету начальников штабов союзников, ежедневно взывал к тому же...

Японское командование, следуя выработанной стратегии под кличем тигра, по-самурайски решало гамму уравнений, способствующих проведению операций в Тихом океане. Оно искало вторую точку

опоры, чтобы поговорить с Америкой на более близком расстоянии. Наследники традиций Х. Того планировали отсечь от неё и Англии огромные сырьевые источники и, помня о нефтеэмбарго, включили в «блицкриг по-токийски» Австралию, Новую Зеландию, Океанию и Южную Африку. Ставка на атолл Мидуэй и его захват обеспечивали воплощение давней мечты – своей военно-морской базы в центре Великого океана.

Не сразу морская и армейская знать определилась в выборе иллюзорного пути. Однако реваншизм не жалел душ сограждан, «белых варваров», рабов и, конечно, моторов.

Несмотря на успехи Японии на суше и на море, стало выясняться, что второй этап войны переходит в длительную стадию и вместе с тем ставит перед Вооружёнными Силами вопросы оборонительного характера. Продвижение вперёд связывалось с укреплением на завоёванных территориях. «Демократы» и «консерваторы» после ошеломляющих ударов не упали навзничь. Стиснув зубы и пересилив скорбную боль, союзники изготавились к сопротивлению, укрепили уязвимые места. Распрявление противника было фактом, а уцелевшие авианосцы, не попавшие под внезапность, удручали тех, кто заранее представил их затонувшими...

Западный вариант экспансии разработал капитан I ранга К. Куро-сима, служивший в оперативном отделе штаба Объединённого Флота. Основная мысль пронизательного оперативника, поддержанного самими И. Ямамото, сводилась к уничтожению английского флота и захвату его форпостов, а также к установлению более крепких связей с военщиной стран «Оси» и их сателлитами. Планом предусматривались вторжения на Цейлон, контроль над Индийским океаном, закрепление за собой Голландской Восточной Индии и Малайи, с выходом на соединение с воюще-лязгающим монстром Рейха на Ближнем Востоке. Оружейный союз потомков Токугава и Барбароссы мог стать умопомрачительной явью.

Расхождение во мнениях и точках зрения объединяла общая цель – наступление. Изучение планов вменялось в обязанности сослуживцам, чтобы с элементами дополнений они могли как можно скорее перейти в реальность. Обсуждение новой попытки перекроить мир вызвало оживлённый резонанс в политической и военной среде Родины Хризантем под флагом диктатуры Х. Тодзио и «миротворчества» Сына Неба – императора Хирохито.

Квинтэссенцию дискуссионных перипетий лаконично выразил участник Цусимского сражения, любимец морских авиаторов, адмирал И. Ямамото, десятки раз прокрутивший в своём сознании «за» и «против» очередного натиска. Формулировка вымученных мыслей заслуживает цитирования и ныне: *«Итоговый анализ обстановки показал, что успех или провал нашей стратегии в районе Тихого*

океана будет зависеть от того, удастся ли нам разгромить флот Соединённых Штатов, особенно его авианосные оперативные соединения. Морской генеральный штаб настаивает на необходимости прервать коммуникации между Соединёнными Штатами и Австралией. Этого хотят добиться путём установления контроля над некоторыми важными районами. Однако прямой и наиболее эффективный путь к достижению этой цели состоит в уничтожении авианосных сил противника, без которых эти коммуникационные линии при любых обстоятельствах не могут быть сохранены.

Мы полагаем, – подчеркнул выпускник Гарварда И. Ямамото, – что путём проведения операции по захвату о. Мидуэй нам удастся вынудить авианосные силы противника принять решающее сражение, в котором мы уничтожим их. (Авантюрная самоуверенность и дальность действия захватнической мысли паразитичны, хотя «гоп» был промолвлен не перед рекой Синано, а перед длительным и опасным плаванием даже в мирное время. – Р.С.В.). Если противник и не примет вызова, мы беспрепятственно расширим периметр обороны о. Мидуэй и западной части Алеутских островов».

После апрельской бомбардировки Токио и других городов группой Б-25 подполковника Д. Дулиттла начальник Морского генштаба адмирал О. Нагано издал приказ № 18. В сжатой форме от имени Хирохито документ утверждал проведение операции. Избранные не удивились, ознакомившись с ним 5 мая 1942 года: «Во взаимодействии с сухопутными силами осуществить оккупацию о. Мидуэй и ключевых пунктов в западной части Алеутских островов».

Оперативная игра, прошедшая накануне императорского указа на флагманском линкоре «Ямато», показала множество сильных и слабых сторон, обнажила реалии флота. Его силы были огромны и вбирали в себя более 200 кораблей и судов. Сюда входили 11 линкоров, 8 авианосцев, 22 крейсера, 65 эсминцев и 21 подводная лодка. Авиамощь измерялась арсеналом 700 самолётов трёх типов. Своё отношение к Мидуэйской операции продолжали высказывать «академисты» – контр-адмирал Т. Ямагути, капитаны II ранга М. Футида и М. Гэнда, вице-адмирал Н. Кондо, начальник его штаба контр-адмирал К. Сираиси и многие другие...

В День 70-летия флота Страны Восходящего Солнца морякам было не до праздника – начинался новый виток агрессии, колонизаторский поход во имя «процветания» по кодексу «Бусидо». 27 мая флагман ударного соединения «Акаги» снялся с якоря, дав понять взаимодействующим корсарам, что мирная передышка подошла к концу. Японский хитроумный циферблат показал шесть утра, и мало кому пришло в голову, что начался последний отсчёт жизни по обе стороны

океана. Эйфория от мечтаний была высока, она освещалась фейерверком первых побед, медленно ведущих к гибели. «Да здравствует Император!» – гремело над волнами, и никто не хотел думать о завещании...

СКРЕЩИВАНИЕ МЕЧЕЙ

Американское командование подозревало о намерениях японцев ещё до выхода соединения с о. Хасира-дзима. Сопоставление сил во второй фазе войны, сложно-специфичной, названной «второстепенным» театром военных действий, вынуждает к их полному восстановлению, поскольку московская идеология учила не проявлять интереса к Большой океанской войне по причине её «малой жертвенности». Ответственность за политику неуважения союзников лежит на «рулевых» Советской России и её народе, до сих пор не знающем о гибели 300 тысяч американцев, о пропаже 20 тысяч янки в ГУЛАГе, наконец, о вековом долге – 722 млн. долларов, не уплаченных за Ленд-лиз 1 июля 2001-го по соглашению от 1972 года.

Потери ВМС США в Пёрл-Харборе и в сражении в Коралловом море не возместились, ибо корабли, в отличие от самолётов, строятся годами, иногда—десятилетиями. Чтобы задержать ослабление сил, увеличить активность и укрепить моральное состояние, было решено возобновить деятельность в водах Австралии и Океании. Исходя из первых уроков-баталий между авианосцами, американцы предпочли не вводить в бой линейные корабли, переведя козыри на авианосцы, базовую авиацию и субмарины. Считаю важным аспектом более глубоко рассмотреть стратегически жизненный вопрос – сопоставление ВМС Японии и США для того, чтобы русскоязычный читатель уяснил себе насмешку «вождей» в термине «второстепенный».

Ямамото кроме флагмана «Ямато» располагал лёгким авианосцем «Хосё», линкорами «Мутцу» и «Нагато», крейсером «Сэндай», девятью эсминцами, гидротранспортом «Ниссин» и «Тиёда», несущими карликовые подводные лодки. В кильватере линкора «Хьюга» шли три линкора, авралью модернизированные в середине 30-х гг. Помимо лёгких крейсеров «Китаками» и «Ои» в соединение входило 12 эсминцев. На «плавучих аэродромах» вице-адмирала Т. Нагумо имелось 93 бомбардировщика, 84 истребителя и 84 пикировщика, причём все бомбардировщики могли применяться как с бронебойными бомбами, так и с торпедами. Не считая разведмашин, ударный кулак насчитывал 261 палубный самолёт. По запасному варианту, в случае захвата Мидуэя, на его аэродроме закреплялось по 36 истребителей для дальнейших операций. Вице-адмирал Н. Кондо, руководивший перехватом и уничтожением «Принс оф Уэлса» и «Рипалса» в декабре 1941-го, контро-

лировал силы вторжения и охранения, держа флаг на тяжёлом крейсере «Атаго», которым командовал капитан I ранга М. Идзюин.

Авторитетному стратегу подчинялись линкоры «Конго» и «Хиэй» контр-адмирала Г. Микава, а также 4-я эскадра эсминцев контр-адмирала С. Нисимура. Для усыпления бдительности американцев, также усиливших подход к Мидуэю завесой из субмарин, всю раскручивался алеутский (отвлекающий) вариант. Японцы заявили о себе в конце мая, потопив два транспорта в проливе Ванкувер. Теперь северные ВМС, входящие в состав 5-го флота вице-адмирала М. Хосогая и его начштаба капитана I ранга Т. Накадзава, олицетворяли защиту и нападение. Командующий находился на тяжёлом крейсере «Нати», а контр-адмирал К. Какута верховодил 2-м ударным авианосным соединением, имея «под мечом» авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё», крейсера и эсминцы. Соединениями вторжения на острова Атту и Кыска командовали контр-адмирал С. Омори, капитан I ранга Т. Оно, вице-адмирал Т. Комацу и контр-адмирал Т. Коно. Базовую авиацию и 24-ю воздушную флотилию патронировали вице-адмирал Н. Цукахара и контр-адмирал М. Маэда. В ведении Т. Морита находилось 36 «Зеро» капитана III ранга М. Кокуфуда. Эти истребители временно стали палубными.

3 июня намечался удар по Датч-Харбору, а 4 июня основной шквал огня должен был обрушиться на Мидуэй. В Токио, как и на Хасирском флоте, считали, что «северный инцидент» вызовет растерянность в США. Они знают – не гадали, какая сила уже поджидала их для возмездия.

Состав американских сил, выставленных на фарватер войны, выглядел не столь устрашающим, как японский, однако он обладал не менее убойным калибром, боевыми плавединицами и самолётами. Авианосцами «Энтерпрайз» и «Хорнет» командовал контр-адмирал Р. Спрюэнс, тяжёлыми крейсерами «Пенсакола», «Нью-Орлеанс», «Нортгэмптон», «Винсенес» и «Минниэполис» – контр-адмирал Т. Кинкейд. Сюда же входили крейсер «Атланта», эсминцы «Конингхэм», «Фелпс», «Уорден», «Балч», «Эйлуин», «Бенхэм», «Мори», «Эллет» и «Монагхэн». Опытный контр-адмирал Ф. Флетчер, находившийся на авианосце «Йорктаун», прекрасно знал корабельные расписания и походный ордер тяжёлых крейсеров «Астория», «Портленд», а также эсминцев охранения «Хамманн», «Рассел», «Моррис», «Хьюз» и «Эндерсон».

Боевая задача № 1 возлагалась на подопечных стратега подводной войны контр-адмирала Б. Инглиша. Немногие из команд дизель-электрических «барракуд» типа «Гренадьер», «Драм», «Гаджон», «Пайк», «Гэтоу», «Финбэк», «Гроулер», «Помпано», «Траут», «Планджер», «Тэмбор», «Групер», «Порпойз», «Тарпон», «Долфин», «Триггер», «Флаинг Фиш», «Наруэл», «Поллак», «Грейлинг», «Кэшэлот»,

«Наутилус», «Туна» и «Каттлфиш» вернулись на базы надводным ходом после войны. Ещё меньше приоткрыли тайны океана в мемуарах, как это удалось адмиралу Ч. Локвуду в книгах «Морские дьяволы» и «Топи их всех!»...

На войне выигранные минуты, часы, дни часто приводят к роковым результатам. Авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё» под командой капитанов I ранга Т. Като и С. Исии 3 июня атаковали Датч-Харбор. Но в планы властно вмешалась природа, и только погода помешала разгрому – основная самолётная волна вернулась ни с чем.

«Рюдзё» повезло больше. Этим же днём 30 бомберов и 6 истребителей прошли мглу и вышли на цель, основательно «распотрошив» Датч-Харбор. Какута ликовал, оценивая мастерство своих пилотов, но поспешил. Американские «Каталины» капитана I ранга Гереса и атаки бомбардировщиков генерала Батлера отбросили врага на 400-мильное расстояние. Японцы потеряли 4 самолёта, что подтвердило репутацию контр-адмирала Р. Теоболда.

Замысел противника был разгадан. Флот не попал в ловушку благодаря разведслужбе Дж. Рошфора на Гавайях, предупреждавшей, что Алеуты – Мидуэй – коварная западня. Расшифровка японского кода и свободное чтение зашифрованных радиопередач принесли неоценимую пользу.

Как ни велик океан, а 3 июня лодка-разведчик «Каталина», пролетая в 700-х милях юго-западнее Мидуэя, обнаружила соединение вице-адмирала Т. Нагумо. Тайное стало явным. Грозная наступательная сила являла собой одно из трёх стратегических соединений, следовавших на атолл. Нежданных гостей встретили немедленно, подняв в воздух группу Б-17. Ввиду ухудшения видимости, спешки, проливного дождя и нервного азарта американцы не поимели лавров, хотя японцы потеряли 24 человека убитыми и ранеными.

Стоя на мостике, Нагумо понял, что последствия от преждевременного контакта с врагом непредсказуемы. Но силища за его спиной была столь велика, что возникавшие сомнения стёрлись в порошок, как растираются в руках сухие водоросли. Удручала болезнь стратег-помощников М. Футида и М. Гэнда. После жизни, проведённой в штормах и учениях, у него ныли ноги, и сейчас он забыл о них, слушая своего начштаба, адмирала Р. Кусака...

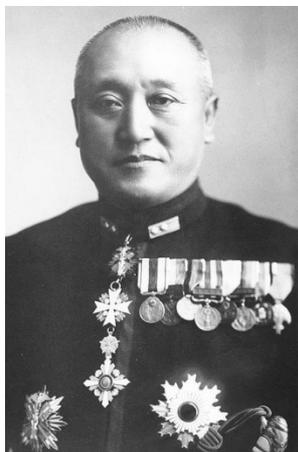
Время и командование спрашивали быстро и на ходу. После ночной стычки с «Каталинами» пришлось нарушить радиомолчание для передачи приказа. Его перехватили и при скорости 24 узла армада оказалась рассекреченной. Обстановка ежеминутно осложнялась.

Главком Объединённого
Флота И.Ямамото

Начальн «Академик» авианосных ба-
талей Д. Одзава

Командующий Флотом втор-
жения на материк Н.Кондо

Авторитет

Герой Империи –
Т. Ямагути

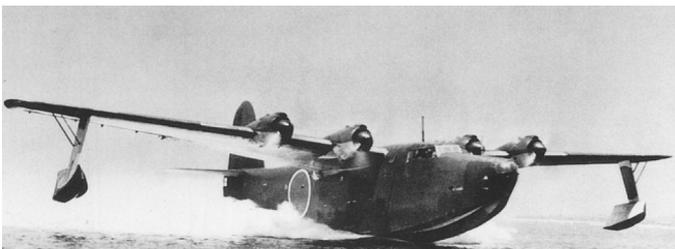
Ведущий 1-й авиаволны на
Пёрл-Харбор
М. Футида

Стратег Подводник М.Хасимото, по-
топивший
«Индианаполис»

«Акаги» – флагман агрессии Модернизированный «Кага»

«Хирю» на пути к гибели ход «Сорю» к катастрофе

Линкор «Нагато» Разбудившие океан

4 июня в 5 часов 45 минут летучий патруль американцев донёс о приближении к Мидуэю группы самолётов с северо-запада, а затем обнаружил авианосцы «Кидо Бутай». Очевидно, японцы перехватили это донесение более позднее, в четвёртом часу дня. Через полтора часа с крейсера «Тонэ» капитана I ранга Т. Окада получили нерадостную весть: по пеленгу 260° летят 10 самолётов американских ВВС. Наступившая ночь усилила нервозность личного состава, напомнив, что Япония далеко.

5 июня в 4 часа 45 минут утра, несмотря на ночную тревогу, принесённую лейтенантом Р. Джеком на крыльях «Каталины», в воздух стартовала 1-я ударная волна с четырёх авианосцев под командованием капитан-лейтенанта Ё. Томонага. За ведущим шли асы, опрокинувшие Тихоокеанский флот США в Пёрл-Харборе: капитаны III ранга Т. Егуса, С. Мурата, С. Итая; капитан-лейтенанты С. Огава, М. Суганамиди. Лидер 21 торпедоносца «Накадзима» Р. Кикуги не чаял скорее раскрыть замки убийственно-броневой ноши.

Оглушительный рёв 108 самолётов с отборным лётсоставом подчёркивал – началось исторически эпохальное морское сражение. По классификации, работа, которую должны были произвести «небесные рыцари», определялась 36 бомбардировщиками и тем же числом истребителей и штурмовиков. Скоростное смертельное «шило» нельзя было утаить и не заметить в предрассветном куполе неба.

Вскоре после взлёта воздушный патруль американцев засёк нарушителей вечной тишины. Внезапно появившись над строем «Зеро» в 30-ти милях от Мидуэя, «Каталина» сбросила светящуюся бомбу. Условная сигнализация была воспринята сослуживцами, рванувшими навстречу японцам.

Завязался бой, с каждой секундой переходящий в немыслимую ожесточённость. Теперь эти люди, полные светлых и тёмных надежд, становились кровоточащей, горяще-дымной бесформницей в воздухе, пеплом, масляными пятнами на воде.

Натиск «джапов» разорвал оборонительную оболочку: пилоты устремились на бомбовую «распашку» коммуникаций. К печали захватчиков, самолётов на аэродроме не оказалось. Офицеры, зная об угрозе, поторопились поднять машины в воздух, в целях контратаки противника с меньшими затратами. Топливо берегли, иногда больше, чем жизнь.

Атака японцев всей мощью обрушилась на взлётно-посадочную полосу и сооружения о. Истерн-Айленд. В результате вышла из строя теплоэлектростанция. Сгорел ангар, тлел ряд строений, а также были уничтожены командный пункт морпехов и столовая. Командир рукотворного «торнадо» Ё. Томонага сожалел, что бомбовый удар вышел незначительным. Считая, что задача не решена, он радировал на «Акаги»: «Необходима вторая атака. Время – 07.00».

Нагумо ответил не сразу, но послал в поддержку вторую волну. К этому времени он потерял 5 бомберов и истребителей, попавших под зенитки и истребители Мидуэйской ПВО. Досталось и «звёздно-полосатым»: 24 самолёта исчезли безвозвратно, превратившись в раскалённый, шипящий и остывающий лом. Нападение вывело из строя систему снабжения авиации топливом, вследствие чего пришлось производить заправку горючим вручную.

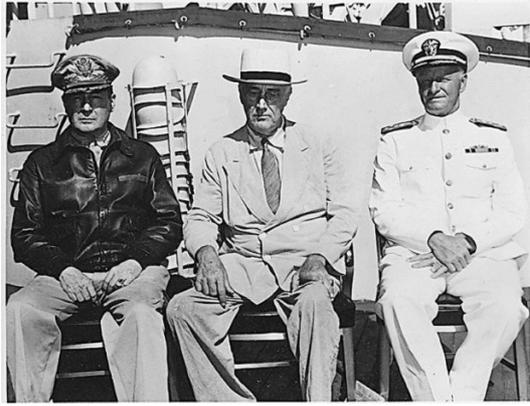
Утром против авианосцев были брошены торпедоносцы и «Мародёры». Пройдя сквозь зенитный ад и «корриду» с истребителями прикрытия, атака торпедистов вышла безуспешной. Уцелевшие экипажи были вынуждены отойти от броневго щита, который представлял собой веер, злобный частокор корабельных орудий всех наличных калибров.

Внезапность, как в Пёрл-Харборе, у японцев не получилась, но инициатива пока была в их руках. Врождённое коварство и воинственность взывали их к действию, нарушившему пословицу «Море не может научить плохому». Они забыли (почитая дух предков) о мудрости веков: «Недолговечны гордые и обречены могучие».

НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Штурм второй авиагруппы стойко отбивали истребители морской пехоты, но тройной перевес в наличии стволов и более совершенных машин говорил о том, что посланцы Микадо господство не уступят. На о. Сэнд-Айленд кроме 250-килограммовых сработали 800-килограммовые бомбы. Гидросамолётное пристанище торчало вывернутыми каркасами в дыму и догорающих головешках. Страшным взрывом напомнили о себе две цистерны с горючим, разметав вокруг себя всё, что можно было поднять в воздух. Пожар уничтожил госпиталь. В огневом кольце оказался склад. Две платформы зениток перестали существовать. На аэродроме жертвами бомбёжек и обстрела пали 20 человек...

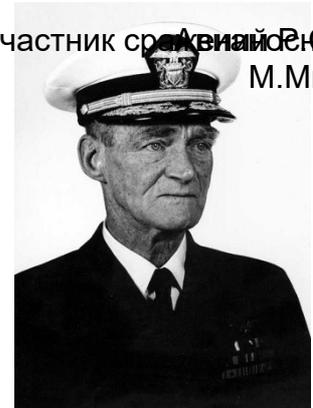
Авианосное соединение противника, крушившего Мидуэй около трёх часов назад, зацепить так и не удалось. Потеряв в пучине вод несколько самолётов, янки верили в удачу, но она просто отвернулась. В это время разведчик с «Тонэ» поставил офицерский состав перед фактом: «Вижу десять кораблей, очевидно, противника. Пеленг 10°, раст. 240 миль от о. Мидуэй, курс 150°». Через десять минут последовал уточняющий ответ с самолёта, согласно требованиям адмиралов: «Силы противника состоят из пяти крейсеров и пяти эсминцев». В 5.30 поступило дополнение к этому донесению: «Колонну замыкает корабль, похожий на авианосец».

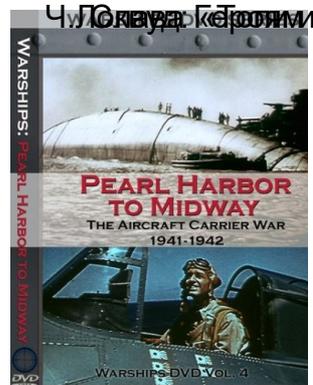
Ф.Д. Рузвельт — не забываемый День позора «Разобьем бумажков!»
Главный ВМС США

У.Хэлси оправдал прозвище «Бык»
Модернизатор ВМС США в Азии

Адмирал Ф. Флетчер Участник сражения Перл-Харбор
Р.Спрюэнс М.Митчер

Кровавый атолл
Ч.Джонс «Топи Америки!»

Летучий патруль из «Каталин»

Торпедоносцы «Девастейтор»

Пикировщик «Даунтлесс»

Мсть за «Жемчужную Гавань»!

Истребитель «Локхид Лайтнинг»

Истребитель «Уайлдкэт»

«Даунтлесс» над целью

Запустить моторы!

Бывалый «Энтерпрайз»

Авианосец «Йорктаун» в боевом походе

«Хорнет» – курс на Токио

Экипаж «Энтерпрайза»
четыре года мстил за Пёрл-Харбор

Передышка «Морских дьяволов»

Панорама сражения у Мидуэя

Мемориал в Пёрл-Харборе
(на дне оств «Аризоны»)

Именное наследие битвы за океан

Этот «огнедышащий айсберг» резко изменил координацию действий японских флотоводцев. Уведомив И. Ямамото о решении идти на сближение, умудрённый Т. Нагумо молча следил за посадкой самолётов, возвращавшихся после первой атаки Мидуэя. Около шести часов утра намечался подъём второй волны, торопились со временем на вылет. Было доложено, что первая дивизия авианосцев – «Акаги» и «Кага» – готова вступить в бой в 7.30, а вторая – «Хирю» и «Сорю» – поднимет самолёты в последующие полчаса.

В столь важный момент с «Хирю» оповестили об атаке вражеских бомберов. За огромными водяными столбами от бомб скрылся «Сорю». Ровно в восемь сигнальщик с «Акаги» дал знать о приближении группы самолётов с Мидуэя. Едва завершился приём машин первой волны, а вторая волна, уже прогрев моторы, готовилась к взлёту, около 30 пикировщиков «Даунтлесс» бомбардировали элитные авианосцы. Неожиданный бомбовый шквал с пикирования сокращал американцам промахи. Взлёт мстителей за префектуры срывался...

Свидетельствует лидер авиагруппы «Акаги», в тот день бескрылый (по болезни) пилот, опытнейший капитан II ранга М. Футида: *«Я взглянул вверх и увидел три вражеских самолёта, в крутом пике идущих прямо на корабль. Вот несколько чёрных капель отделились от их крыльев. Бомбы! Они летели прямо на меня! Инстинктивно я упал на палубу и пополз за щит управления. Сначала я услышал ужасающий рёв пикирующих бомбардировщиков и затем страшный взрыв. Прямое попадание! Вслед за ослепительной вспышкой раздался новый взрыв. Волной горячего воздуха меня отбросило далеко в сторону. Ещё один взрыв, но уже менее сильный. Бомба, очевидно, упала в воду рядом с авианосцем.*

Лай автоматов неожиданно смолк, и наступила необыкновенная тишина. Я поднялся и взглянул на небо. Американских самолётов уже не было... Оглядевшись, я был потрясён разрушениями, произведёнными за считанные секунды. В полётной палубе, как раз позади центрального люка лифта, зияла огромная дыра. Сам лифт скручен, как полоска фольги. Искорежённые листы палубной обшивки причудливо свернулись. Самолёты горели, охваченные густым чёрным дымом. Пламя разрасталось всё сильнее и сильнее».

Футида умалчивает, что фатальное разрушение вызвала детонация своих же бомб и торпед, скопившихся не только на палубах, но и под крыльями самолётов. Мицуо сломал обе ноги, но, выжив в тихоокеанских битвах, вспомнит об этом на допросах в Аннаполисе, позднее – станет священником.

Теперь же флагман доктрины «Захват» агонизировал. Он «на-творил» на суше и воде столько, что кровь погибших могла бы под-

няться выше ватерлинии. Он останется «чёрным кораблём» в памяти жителей Гавайев, Целебеса, Явы, Цейлона, Австралии, других районов Тихого и Индийского океанов. Это его шесть 203-мм орудий, двенадцать 127-мм орудий, 28 малокалиберных зениток и 91 самолёт утверждали «Восходящее солнце», погружали во мрак небытия человеческие судьбы, разрушали города и селения, поднимали на дыбы землю, скалы, леса, воду и песок, истребляя всё живое и сущее...

Некогда блистательный «Акаги», из иллюминаторов которого, не прекращаясь, валил дым чернее сажи, а борта сжимали объятия смертельного огня, был неузнаваем. То и дело «ахали» бомбы своего же производства, взрывные волны сметали за борт матросов и офицеров. Авианосец перемалывал кости экипажу, жгя его и топя, как соучастника неслыханного разбоя под глумящимся вымпелом «процветание». Мгновение – и для сотен неуспевших спастись навсегда исчез запах родного очага, навечно отцвели сакура и орхидеи, отзолотились клёны, погибла рыбалка, погасли глаза родных и близких, в последний момент почему-то ставших немymi. Некоторые из них, охваченные огнём, вряд ли живыми долетали до воды. А те, кому пришлось спастись на волнах, молились на спасателей, которые тоже попадали в перекрестие прицела и под осколки...

Самолёты на «Акаги» продолжали взрываться и гореть, а бомбардировщики с «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» наседали, освобождаясь от смертоносного груза. В их надрывно-оглушающем рёве чувствовалось торжество над неприятелем, хотя японские самолёты и корабельная артиллерия расстреливали отбомбившиеся и безоружные «Дэвастейторы», «Виндикейторы», «Даунтлессы» и «Летающие крепости». Пылающими метеоритами уходили в синюю толщу воды «Буффало» и «Уайлдкэты». Тихоходные «Накадзима» и увёртливые «Зеро» тоже спешили расквитаться, но попадали в смерч и уходили из жизни, добывая своих обладателей на пути к вечному пристанищу – железному дну. О ложных тревогах накануне забыли исключительно все.

В машинном отделении было не легче. Кто они, эти безымянные мотористы, на слуху которых было сердцебиение корабля? Они были слепыми в одном – не видели ужаса, свирепствующего по палубе и бортам. После каждого взрыва они понимали, что не землетрясение 1923 года и не тайфун ворочает ими в океане. Они не знали, что в момент атаки на «Акаги» и «Кага» на их палубах скопилось около 70 самолётов, но по эху разрывов и сотрясениям осознавали телом бомботрясение 1942 года, которое было страшнее и сильнее, чем стихия...

Разве думал лейтенант-коммодор К. Маккласки, что судьба преподнесёт ему возможность первому отомстить за Пёрл-Харбор?

Под прикрытием истребителей он вывел эскадрильи пикировщиков с «Йорктауна» и «Энтерпрайза», ударивших «Акаги» с правого и левого борта. Зенитчики авианосца сбили два бомбардировщика, третий, не выйдя из пике, врезался в левый борт. С двух заходов в разное время бомбы и торпеды сбросили три пикировщика и пять торпедоносцев, причём из семи бомб удачными и одновременно роковыми стали две. Могли ли защитить свои «гаражи» всего лишь 18 «Зеро»?

Первая торпеда, сброшенная при заходе с кормы, не достигла цели. Тут же в десяти метрах от левого борта параллельно носовой части упала бомба, не вызвавшая осложнения. Вторая бомба смяла угол центрального элеватора, а третья попала в левый угол оконечности полётной палубы. Успех трёх авианосных штатовских пикировщиков стал началом сокрушительного разгрома японского флота. Затопление «Акаги» продолжалось. «Умнеешь после случившегося» – учит пословица.

Вице-адмирал Т. Нагумо не захотел покидать корабль, следуя долгу морской чести и воинской доблести. За эти минуты в свои 55 лет он стал ниже ростом и постарел на десяток лет – срослись человек и корабль. Фраза морского волка и его начштаба Р. Кусака вывела командующего «Кидо Бутай» из «харакирного» состояния, после остужающих слов, сыгравших роль спасательного жилета: «Большинство наших кораблей невредимы. Вы должны командовать ими». Разбитый физически и морально, адмирал, потерявший управление соединением, перенёс свой флаг на крейсер «Нагара», надеясь на остаток разобщённых сил, прежде всего на контр-адмирала Т. Ямагути. Сражение входило в новую фазу, усугублённую критическим положением авангарда флота. Казалось, вчера – 16 апреля – в него так верил Император Хирохито, одобряя план по захвату Мидуэя за два дня до налёта на Токио «Митчеллов» Д. Дулиттла...

Между тем из боевого порядка помимо «Акаги» были выхвачены авианосцы «Сорю» и «Кага». Во время первой атаки, несмотря на ураганный огонь зениток и заградительно-расстрельную функцию «Зеро», к «Сорю» прорвались три «Летающие крепости» – Б-17. Бомбы легли в 50—100 метрах от кормы и в 200 метрах по правому борту. 11 огромных столбов тяжеловесной воды, полукругом опоясавшие корабли, утвердили положение – смерть идёт по пятам. Команда авианосца, воспитанная капитаном I ранга Р. Янагимото, не ошиблась, что второй налёт будет более прицельным. Зенитные расчёты вертелись, как юла, – бить в «молоко» означало идти на дно.

Через полчаса после «ознакомительной» бомбардировки в утреннем небе показались американские торпедоносцы. 17 тяжелогружённых машин под эскортом истребителей прикрытия шли на «Сорю», потрясая гулом пространство. Дежурные «Зеро» выле-

тели на перехват, злобным темпом «закашляла» зенитная артиллерия. Жестокий бой разворачивался при явном перевесе японцев. Спешно разрядились торпедоносцы «Хорнета», произведя мало-прицельную атаку. Четыре торпеды цели не достигли. Лишь по правому борту и у носа «дракона» взметнулись два близких разрыва. Ощетинившись стволами, авианосец оказывал сопротивление, а детища Д. Хорикоси «Мицубиси-Зеро» спешили приводнить торпедоносцы, но уже с распоротым фюзеляжем и хвостом, однокрылым остовом в пламенной окантовке...

Многих американских лётчиков приняли горько-солёные воды у атолла Мидуэй, смельчаков, знавших, что шанс выживания в пекле схватки один из ста. 10 торпедоносцев не дождались на «Хорнете», не увидели своих мужчин семьи на материке. Их накрыла океанская волна, а сослуживцы – матросы, офицеры, адмиралы – со скорбью поняли, что отважные потомки «пилигримов» выполнили свой долг перед Отечеством до конца. Кара за коллег по штурвалу не заставила себя долго ждать.

В 7.25 двенадцать пикировщиков с авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» нанесли мощный удар по авианосцу «Сорю», пройдя огненные клещи палубных перехватчиков и свинцовый ливень зенитных автоматов. Взрыв трёх бомб вызвал смятение и панику на корабле. Они легли, миную корму, так прицельно, словно морские боги провели линию от левого борта к носу. 500-килограммовые «гостинцы» уничтожили и смыли за борт часть команды, видевшей агонию «Акаги». Жуткой участи не избежали артрасчёты, невзлетевшие лётчики, офицерский состав, знатоки турбозубчатых агрегатов и бойлеров, службы снабжения, жизнедеятельности, связи и корабельный лазарет. Дико визжала сирена, заглушая стоны и крики раненых.

Горящий и чадающий «Сорю», исковерканный до чудовищности, продержался на воде почти семь часов. Около девяти утра на исполн, ставший бесполезным, как гора металлолома, вышла субмарина «Наутилус» под командой Брокмэна, с ходу атакованная обнаружившими её эсминцами ПЛО и линкором. Экипаж, проявив мужество и настойчивость в толще воды, продолжил преследование и к двум часам дня сблизился с авианосцем на расстояние 2500 метров. Час пробил!

Три торпеды точно шли к неуправляемой цели, но радость была недолгой – японский эсминец начал зондирование глубинными бомбами, очевидно, запеленговав не капитана Немо, а врага № 1. Своевременное погружение на 90-метровую глубину и точность в выборе манёвра спасли «брокмэновцев» от неминуемой гибели.

5 июня 1942 года авианосец «Сорю», спущенный на воду в 1937-м, значимое звено в крупных морских операциях, скрылся с глаз

в 16.10, унеся с собой командира Р. Янагимото и 720 человек экипажа. Гроза океанских просторов и побережий превратилась в крупнейшую потерю Императорского флота Японии, возомнившей о своём «священном предназначении» слишком многое. Преступно многое...

Дерзкое «выдёргивание лучей из восходящего солнца» посредством мастерства, опыта и смелости американских пилотов и моряков ещё до гибели «Сорю» смертельно сдавило более тяжёлый по вооружению «Кага». Авианосцем командовал капитан I ранга Д. Окада, как и вся команда, не крещённый атаками пикирующих бомберов неприятеля. В ходе первой штурмовки в 5.30 на него сбросили несколько бомб. Три из них разорвались в 20—50 метрах от кормы, чуть не обрубив её. Хэйнеманновские «Даунтлессы», ведомые бесстрашным К. Маккласки, вышли из набегавшей облачности примерно в 7.30 и уверенно держались за своим командиром, отличившимся у Маршалловых островов в начале 1942 года. Сейчас он возглавлял лётный состав «Энтерпрайза».

Команда авианосца «Кага» работала во взвинченном состоянии, готовясь к отражению новой атаки, имея на борту 30 спешно перевооружаемых самолётов. Вскоре 11 пикировщиков плотно зажали авианосец, сбросили 11 500-килограммовых бомб. Три бомбы взорвались по левому борту, две – по правому, ближе к корме. Роковые четыре бомбы, попавшие в корабль – две с левой стороны палубы и две с правой – вызвали волнообразный, всё пожирающий пожар. С десятков оранжево-дымящихся холмиков, ближе к нему от надстройки, напоминали о тех матросах, кто сгорел заживо. На их скрюченные останки хотически наступал огонь, усиленный ветром и адской температурой. Цистерны с горючим, пробитые осколками бомб, подливали в огонь не масло, а авиагазолин. Столбы клубящегося и бушующего пламени были настолько велики, что очевидцам с ближних и дальних кораблей соединения было больно смотреть на беду, цепная реакция которой ещё долго будет посещать самобытную и самовлюблённую Японию в кошмарных снах...

КООРДИНАТЫ ГИБЕЛИ И ТРИУМФА

Первоначально задуманный как линкор, «Кага» вступил в строй 31 марта 1926 года и являлся старожилом японского флота, «сэнсеем» для выпускников Академии «Эта Дзима». Противокорабельное вооружение было сверхопасным: десять 203-миллиметровых орудий. Они размещались по три с каждого борта на уровне главной палубы, остальные четыре устанавливались попарно в двух орудийных башнях в носовой части средней взлётной палубы. Последняя была трёхступенчатой, причём дым от котлов отводился через две горизонтальные вытяжные трубы над кормой, что было

тогда редкостью. Двенадцать 120-миллиметровых зениток были спаренными и монтировались в средней части авианосца на отдельных платформах.

После модернизации 1935—36 гг. на «Кага», как и на «Акаги», демонтировали две носовые взлётные палубы и оставили одну во всей 247-метровой длине корабля. Поскольку выхлоп мешал пилотам возвращавшихся машин, изменили его проводящую систему, установив одну наклонную трубу по правому борту, на котором размещался «мозг» корабля – островная надстройка. Носовые башни убрали, зато возросло число бортовых орудийных башен: их стало четыре. Оборону усилили четырьмя 127-миллиметровыми зенитными орудиями, разместив их попарно на консолях, выступавших за края взлётной палубы. Увеличение числа принимаемых на борт машин до 91 боеединицы (бомбардировщики типа «97», «99», истребители типа «Ноль») вынудило корабелов ввести в конструкцию третий лифт, поднимавший самолёты из ангара на палубу. Личный состав в количестве от 2019 человек отчётливо понимал, что есть четыре паровых двигателя и четыре турбины суммарной мощностью 127 400 л.с. При водоизмещении в 42 541 тонну они позволяли мастодонту шириной почти 33 метра «роджерствовать» со скоростью до 29 узлов, причём радиус действия при автономном плавании составлял 10 000 миль.

И вот теперь, в июне 1942 года, авианосец, при всей стойкости команды, не мог преодолеть магнетизма океанского дна, до которого было не менее пяти километров. Бензиновые ручьи мчались в трещины и зияющие дыры полётной палубы, цепко «хватались» за самолёты, обслуживающий персонал, медиков и смертельно раненых. Охрипшие зенитные автоматы беспощадно кромсали утреннее небо, делая его похожим на дуршлаг. Пилоты «Зеро» хладнокровно атаковали «Даунтлессы», пытались снять с себя вину за их внезапно-сокрушительное наступление собственной обречённостью и фанатичной верой в победу. Они споро набирали высоту, пикировали, накручивали высший пилотаж, и очередная жертва очередей с несбиваемым пламенем и свистящим грохотом врезалась в сизо-багровую воду...

Девять американских пикировщиков не вырвались из этой схватки. Лёгкие догорающие части самолёта, словно буи, торчали на гребнях волн, за них пытались зацепиться чудом уцелевшие матросы и лётчики. Увы, гаки и аэрофинишёры им уже не были нужны...

Через несколько часов взрыв потрясающей силы, вызванный детонацией цистерн с горючим, размещённых под бомбохранилищем, вывернул нутро «Кага» наизнанку. Слётанность палубных самураев под девизом «Действие – удел настоящего мужчины» становилась легендой.

Командира авианосца Д. Окада уговаривали срочно оставить корабль, но он не изменил морскому закону: «Капитан покидает судно

последним». На мостике вместе с ним держались офицеры штаба. Тут их настиг убийственный вихрь из осколков торпед, бомб, обломков самолётов и бензоцистерн – командный состав погиб. Ему не суждено было знать об американской подводной лодке, отправившей залп торпед. Акустики и бомбардиры с эсминцев «Хагикадзэ» и «Майкадзэ» обстреляли её глубинными бомбами, не дав субмарине развернуться. Командам миноносцев досталась тяжкая работа – спасение людей с горящего «Кага». За обломок неразорвавшейся торпеды субмарины ухватились счастливицы...

Капитан II ранга Амагаи, принявший штурвал власти после гибели Окада, предпринял попытку спасти корабль, но при всём героизме команды обречённость была неотвратима. Разорванный изнутри последними двумя взрывами, недавний оплот боевой и агрессивной славы затонул в 19.25. Погибли 800 человек, треть экипажа, формировавшегося годами. Воды атолла Мидуэй стали для него вечными.

«Кага» падал на дно первым. Следом за ним 6 июня в 2.00 своей командой будет затоплен «Акаги», начавший войну с подъёма национальной реликвии – флага броненосца «Микаса». Личный приказ И. Ямамото гласил: «С дистанции 1000—1500 метров четырём эсминцам стрелять торпедами типа «93», – что и произвёл в полном шоке лидер «Новакэ» капитан II ранга М. Кога.

Потеряв в бою много друзей и чуть не став добычей океана из-за нехватки топлива, на «Энтерпрайз» возвратился К. Маккласки. Все, кто был с ним, были героями дня, морскими защитниками США. И хотя ноющая печаль по погибшим давила мозг и душу, осознание того, что авангард японского флота смят и уничтожен, поднимало тонус жизни лётчиков и всей команды авианосца. Контр-адмирал Р. Спрюэнс быстро сошёл с мостика и, не скрывая радости, по-отцовски обнял ведущего, без конца повторяя: «Thank you!» «Благодарю вас!» Подвиг Маккласки и его боевых друзей передали в эфир, позднее он стал символом Виктории на страницах передовых газет и журналов мира. В разбитом Пёрл-Харборе, в Гонолулу и на Мидуэе, на Азиатском флоте и в Австралии с благодарностью восприняли весть о бесстрашии и снайперстве пилотов «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна». Тысячи похвал были высказаны устно и письменно в адрес профессионалов – капитан-лейтенанта Д. Уорлдрона, Д. Гэя, лейтенантов С. Стронга, Ч. Ирвина, С. Вейтаса, капитан-лейтенанта Д. Ли. Рядом с ними вынесли сущий ад Р. Корри, Ф. Габрески, К. Кэнфилд, Ф. Уайт, истребитель Кэри, майор Парк и подполковник Каймс, ведущий торпедоносец Эрнос и многие другие, чьи имена остались в истории морских баталий.

Их боевой опыт, выдержка, разработка ведения воздушных боёв над Великим станут путеводителем для будущих асов белозвёздной авиации – Р. Бонга, Дж. Фоса, Р. Хансона и Р. Хэрмера, Д. Маккембел-

ла, Г. Бойнингтона и Т. Макгвайра. Они воспитают новую плеяду, касту небесных орденосцев, всегда поддерживаемых генералитетом ВВС Г. Арнольдсом, М. Майлом, Г. Дэвидсоном, Д. Кенни, К. Спаатсом, Р. Шулгеном, самим президентом Ф.Д. Рузвельтом, требующим постройки 60 000 самолётов в год, часть из которых шла нам по Ленд-лизу через Атлантику и перегонный маршрут Аляска—Сибирь. Забыть доброту невозможно...

...Последним оплотом, дравшимся всеми калибрами и типами самолётов, волею судьбы станет «Хирю» – флагман контр-адмирала Т. Ямагути. Участник Гавайской операции, причинивший огромный ущерб флоту США, авианосец представлял собой 2-ю авианосную дивизию, входившую в «Кидо Бутай» Т. Нагумо. Корабль 1937 года рождения олицетворял собой авианосный тип нового поколения, располагая арсеналом в виде 73 бомберов-торпедоносцев «Накадзима», пикировщиков «Айти» и истребителей «Зеро-сэн», более известных под английскими именами «Кейт», «Вэл» и «Фишер». Почти 228-метровый корабль водоизмещением 20 250 т. двигали 153 000 л.с., «рождаемых» четырьмя турбинами. При ширине около 23 метров и осадке 7,7 метров «Хирю» развивал 35 узлов полного хода при дальности действия 10 300 миль (больше, чем «Кага» и «Акаги»). Мощность стволов измерялась двенадцатью 127-миллиметровыми орудиями и 28 пулемётами калибра 25 мм. Экипаж был внушительным – более 1100 человек, присягнувших Империи.

Взлётно-посадочная палуба не составляла единого целого с корпусом и поддерживалась в корме и на носу на пилонах, причём надстройка нашла своё место по левому борту. По вопросу с авиаматчастью важно заметить, что 16 самолётов из вышеназванных требовали сборки по ходу плавания, т. е. числились резервными. Авианосец был оборудован тремя самолётоподъёмниками и двумя горизонтальными выхлопными трубами, размещёнными под палубой на правом борту.

21 истребителем командовал старший лейтенант С. Мори, пикировщиками – старший лейтенант Р. Кикиути. Главе авиагруппы Ё. Томонага вменялись обязанности ведущего в ходе атак и охранения, а капитан II ранга Кавагути отвечал за состояние палубного дивизиона.

Сотни вылетов совершили истребители и торпедоносцы, неся смерть и разрушения ещё до мидуэйских вод. Контр-адмиралу Т. Ямагути было что вспомнить: учился в США, был военморатташе в Берлине и Москве, встречался с военной элитой многих стран и крепко дружил с главнокомандующим Объединённым Флотом И. Ямамото. Его уважали и ненавидели, ценили и недолюбливали как в морских, так и сухопутных кругах. Он познал винтовую «нарезку» судеб, изучил хитросплетения дипломатических шагов, но зная, что вода и небо – друзья и враги, больше находился в своей стихии, отстаивая линию сильного флота.

Командир «Хирю», капитан II ранга Т. Каку, внимательно слушая собеседника, помнил о его аристократическом происхождении, как и о знаменитом портсигаре с четырнадцатилепестковой хризантемой. И вдруг, словно барабаны инквизиции, донёсся угрожающий гул, улету-чивший ностальгию по префектурам. Вражеские самолёты произвели заходы с носовых и кормовых курсовых углов, начав бомбометание и торпедирование. Тротиловая масса смерти, подняв на дыбы океанскую воду, пока не дошла до авианосца. Прижатая налётом, пружиненная команда вращалась на износ, готовясь ко второй атаке, а зенитчики с крейсеров и эсминцев без прорыва вели отражающий огонь, помогая воздушному охранению. Техники падали, спеша доставить боеприпасы. Лётчики на палубе, словно в тетиве ожидавшие приказа командира, услышали его крик и стартовали курсом на американские корабли. 18 пикирующих «Айти» в сопровождении шести «Зеро», мелькнув красными кругами на крыльях и фюзеляжах, взлетели и шустро скрылись в облаках. Они, действительно, оказались асами, когда восемь самолётов вышли на смертельное рандеву с соединением неприятеля. Янки сразу и навеки привели двух прорвавшихся смельчаков. В этот момент шестёрка с «Хирю» молниеносно обрушилась на «Йорктаун», подожгла и повредила его. Команда сделала невозможное, в сжатые сроки и под огнём ликвидировав очаги поражения. Зенитчики сбили 16 самолётов из 24-х взлетевших японских машин, однако «Йорктаун» получил три попадания и с негодной полётной палубой вышел из боя.

Донесение гидроразведчика о близком нахождении «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» даже при соотношении сил 1:3 не охладило пыл зачинщиков бойни на Тихом океане. По приказу Т. Нагумо и Т. Ямагути в 13.00 во вторую атаку были брошены 16 самолётов – всё, что могли собрать от авиагруппы «Хирю». Они летели так низко, что казалось, пропеллеры вот-вот подкинут вверх брюхом какою-нибудь верховодную рыбу или случайно сами летуны забарахтаются в волнах. Восемь самолётов из этой группы не вернутся – сгорят и затонут...

Теперь вместо колоды козырных карт у Т. Ямагути было 8 самолётов: 5 бомберов и 3 истребителя. Перед строем героев Японии он выяснил, что противник потерял 8 машин, что торпедирован авианосец и повреждён крейсер.

И всё-таки адмирал, находясь на линии огня, видел бой в двух измерениях – в бинокль из нормального положения и в перевернутый бинокль. Он переживал за участника походов Кобаяси, за судьбы матросов и офицеров.

Отход на север не удался. После полудня «Хирю» настигли около 80 самолётов, сбросивших на него почти сотню бомб и торпед. Шесть бомб достигли цели, но корабль не потерял хода, плюс Ямагути

решил атаковать в сумерках.

В это время дюжина самолётов с «Энтерпрайза» и «Хорнета» осуществляла спирально-кинжальный натиск с трёх заходов. Четыре бомбы угодили в «Хирю»: две в центр и пара – к носу по левому борту.

Страшный пожар охватил переднюю часть, дополняя свой «аппетит» разрядами боеприпасов и горючего. Дым, как дёготь, встал стеной над палубой, он проникал всюду. Заклинило машинное отделение. Люди задыхались, варились заживо, тонули в воде и горячем масле...

К половине десятого вечера «Хирю» превратился в огромный факел. Вода проникла в отсеки, кубрики и каюты, в котельное отделение. «Летающий дракон» стал. Рули, противопожарное оборудование вышли из строя. Умолкла связь, как будто кто-то сверху приказал: «Стоп, машины!» Ещё немного – и авианосец дал крен, достигший 15°.

С тяжёлым сердцем Ямагути известил Нагумо о решении: «Команде «Хирю» покинуть корабль», ибо считал, что только он ответственен за гибель 2-й авианосной дивизии. Около восьмисот человек экипажа слышали слова командира, пожелавшего остаться на корабле вместе с Т. Каку до конца. Вскоре команда перебралась на эсминцы «Кадзагумо» и «Югумо». В шестом часу утра 5 июня капитан I ранга Т. Абэ торпедировал «Хирю», выполнив завещание-приказ адмирала...

«Хирю» затонул, унеся на дно 418 жизней, о чём будет долго молчать цензура эры «Сёва» под штандартами Хирохито. Американцы, развив успех, преследовали отход японцев и потопили крейсер «Микума», сильно повредив крейсер «Могами», эсминцы «Таникадзэ» и «Арасио», а также транспорт «Акэбоно Мару». Лишь провидение спасло пятитысячный десант. Японцы потеряли 3500 человек, 4 авианосца и 253 самолёта. Страну охватил траур, она захлебнулась в рыданиях...

Так, ценой потери 307 человек, 150 самолётов, «Йорктауна» и эсминца «Хамманн», потопленных субмариной И-168 кептэна Танабэ, союзники СССР по Антигитлеровской коалиции обеспечили тыл Дальнему Востоку и вынудили противника перейти к обороне...

Выживших и только призвавшихся ожидали три года сложной, Большой океанской войны, преступно увенчанной атомным вандализмом в Хиросиме и Нагасаки. Наверное, то была Небесная Кара за бесчинства захватчиков в Китае, Маньчжурии, Ост-Индии и Французском Индокитае, на островах Индонезии, Океании, у берегов Австралии и Мадагаскара.

К 70-летию окончания Второй Мировой войны и Военно-морских кампаний Японии и США на Тихом океане

ЯПОНИЯ – США: БИТВА ЗА ОКЕАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *Затягивание узлов*

К осени 1944 года стремительный и неуклонный натиск американских ВМС, ВВС и Армии поставил перед Императорской Японией проблемы и вопросы уже не наступательного, а оборонительного характера. Переход баланса сил в пользу Нового Света, с трудом поднявшегося на ноги после Пёрл-Харбора, диктовался успехами в сражениях при Мидуэе, у Западных Алеутов, в акватории Соломоновых островов, у мыса Эсперанс, острова Санта-Крус, Гуадалканала, Велли-Лавельи, при захвате острова Бугенвиль и авианосных ударах по Рабаулу. После тяжёлой и кровопролитной кампании у Новой Гвинеи (весна 1943 г.), потери многих крейсеров и эсминцев в ночных и дневных боях, противостояния японской базовой и палубной авиации и гибели тысяч американцев в ходе высадок десантов, выяснилось, что армейское и морское самурайство будет «фехтовать» оружием до конца.

Операции в Центральной части Тихого океана (включая острова Гилберта и Маршалловы), проходившие с 1 июня 1943 г. по 1 марта 1944 г. доказали профессиональную выучку плавсостава ВМС США. Заокеанское военное судостроение достигло небывалых в истории масштабов по личному требованию прижавшего монополистов Президента Ф.Д. Рузвельта. На стапелях монтировались новейшие авианосцы. Десятками тысяч уходили в небо все виды боевых самолётов, доставлялась на острова и базы модернизированная и новая бронетехника. Непомерно рос танкерный, вспомогательный и «москитный» флот обеих сторон, подкрепляемый ускоренным строительством больших и малых субмарин, вооружаемых усовершенствованными торпедами, электрикой и дизелями.

Гибель штаба Объединённого Флота во главе с фаворитом, адмиралом И. Ямамото в авиакатастрофе от пуль «Лайтнингов» у о. Бугенвиль нанесла непоправимый моральный удар по контингенту японских ВМС, ещё не отошедших от авианосной сечи близ Мидуэя. Инициатора потопления янки всем убойным калибром вверенных ему сил сменил авторитетный во флотских кругах адмирал М. Кога, имев-

ший дипломатическую выучку и обширные связи в Европе в кругу братьев по оружию. Однако вскоре непримиримый флотоводец, решивший удерживать линию Марианские острова — Палау любой ценой, исчез в бескрайности океана вместе со свитой на четырёхмоторной летающей лодке «Каваниси» в зоне плохой погоды между Палау и Минданао...

Захват острова Сайпан, сражение в Филиппинском море, оккупация

«Сын неба» Хирохито

Гуама и Тиниана, авианосные рейды и атаки палубной авиацией Иводзимы и Бонина, по единодушному мнению японской военэлиты, оказали решительный и бесповоротный перелом в ходе Тихоокеанской войны. Кабинет премьер-министра, жестокого диктатора при Императоре Хирохито генерала Х. Тодзио, 18 июля 1944-го подал в отставку...

Оперативные мероприятия и тактико-стратегическое планирование набирали темп, что виделось невооружённым глазом как внешне, так и в текстах совершенно секретных приказов, директив, в общих схемах операций развёртывания, наступления, обороны, уничтожения и преследования противника независимо от госфлага. В конце лета — сентябре американцы реализовывали цель захватить и удержать контроль у Филиппин, Формозы и побережья Китая, обливавшегося кровью под каблуком и мечом агрессора. Были организованы и осуществлены прикрывающе-обеспечивающие операции: рейды к о. Минданао и о. Визайяс, авианосные удары по о. Лусон, высадка десанта и оккупация о. Улити. Отличились бесстрашием, смекалкой, собранностью и напором Оперативное соединение адмирала У. Хэлси, Объединённое экспедиционное объединение вице-адмирала Т.С. Уилкинсона, Западное экспедиционное соединение контр-адмирала Дж.Х. Форты и подчинённая ему Штурмовая группа Пелелиу. А также многие другие офицеры, морпехи, моряки, лётчики, зенитчики, коки, мотористы, штурманы и оружейники, гаковые и сигнальщики, радисты, минёры, торпедисты и радиометристы, пожарные команды на кораблях.

К тому времени коварные и воинственные азиаты, располагая сильно поредевшим флотом и авиацией, планировали противопоставить движению «звёздно-полосатых» около 1150 самолётов, базировавшихся на Филиппинах, Рюкю и в районе Токио. При возможности подкрепления авиации резервами из Китая и метрополии, летучие

подданные Микадо ежедневно угнетались нехваткой топлива, ибо война на материке и в океане требовала колоссальнейших запасов «чёрного золота» или же постоянно действующих «помп» на завоёванных территориях.

Сокращённое битвами число громад-авианосцев томилось на якорных стоянках в военно-морских базах «красно-солнечного» вулканического Отечества в ожидании прибытия новых пилотов и самолётов. Ощущался недостаток эскадренных миноносцев и особенно танкеров, но оставались в строю тяжёлые надводные корабли — линкоры и крейсера.

Серия альтернатив под кодовым наименованием «Сё» («Победа») включала в себя четыре плана, трактующих оборону Филиппин, Формозы, Рюкю, южной части Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо. Изъяв у торговых, гражданских и армейских организаций ряд танкеров, командование Объединённого флота приложило усилия обеспечения боевых кораблей топливом в целях сплочения сил в точке рандеву Линга. И всё же по-прежнему давала о себе знать катастрофическая нехватка сухопутных и морских лётчиков, опытных небесных «рыцарей», а не безусых юнцов, впервые севших за штурвал самолёта...

Армия Хирохито, засевшая на островах и материке по пояс в преступлениях, частично охваченная малярией и тропической лихорадкой, оставалась мощной по численности, а главное — фактически не знавшей поражений. При этом она была «расквартирована» на неохватных владениях бывших колонистов («белых варваров») столь разбросанно-хаотично, что костью в горле вставляли вопросы и дилеммы её своевременного снабжения. Бананов и рыбы хватало на месте, а вот патронов и штыков... Империя подхватила вирус нацистских захватов...

Новый главком адмирал С. Тойода, комментируя понятие «можно ли быть сильными, не зная где быть сильными?», не без сарказма заметил, что *«...без участия флота у сухопутных сил на Филиппинах не было вообще никаких шансов на отражение американских сил. Было решено пойти на риск и послать весь флот. Мы могли бы добиться неожиданно хороших результатов, но при худшем рисковали потерять весь флот... Если бы мы проиграли Филиппинскую операцию, а флот остался целым, морские пути сообщения с Югом были бы полностью отрезаны, и флот, если бы он возвратился в японские воды, был бы лишён возможности получить необходимое ему топливо. Оставшись в южных водах, он не смог бы получить боезапас и снаряжение. Не было никакого смысла спасать флот за счёт потери Филиппинских островов».*

Для Штатов обстановка складывалась более благоприятно. Американцам не было нужды распылять силы во многих направлениях, сражаясь везде «по чуть-чуть». Хотя японцы, уяснив уроки Гуадалканала, создали Оперативное контрдесантное соединение и перекинули все транспорты для укрепления гарнизона Лусона, янки оказались на распутье: «Перерезать ли Японскую Империю в её центральном пункте на Филиппинах или проделать это в более северном пункте, к северу и западу от Марианских островов с одновременным продвижением к метрополии?»

«Ахиллесовой пятой» для «посланцев демократии» оставалась специфика снабжения крупных сил материально-техническими ресурсами на сверхудалённом от метрополии театре военных действий, между которыми пролегало 6000 миль. Источники «довольствования» находились в месторождениях и портах Карибского моря и Персидского залива. При переходе через Атлантику суда попадали под перископ и торпеды подопечных К. Дёница. У западного побережья страны стали патрулировать и атаковать японские субмарины. А по требовательному запросу ВМС, только в октябре 1944 г. эскадрам и авианосным соединениям было доставлено 4,5 миллиона баррелей нефти. Несмотря на то, что ключевая база с переходом с атолла Эниветок на о. Улити удалась на 1000 миль, именно своевременное нефтеобеспечение позволило союзникам завоевать превосходство в воздухе.

Вслед за удачными бомбардировками Филиппин палубной авиацией, Объединённый комитет начальников штабов Вооружённых Сил США пересмотрел планы операций против Минданао и Талауда и поручил адмиралу Ч. Нимицу и его коллегам штурм, развёртывание и закрепление на центральных Филиппинах. Во взаимодействие с флотом привлекались: 50 250 человек XXIV корпуса; 20 000 человек из гарнизонных войск; резервная 77-я дивизия; 4 группы транспортов с десантными, эскортными, тральными силами; 6 линкоров-ветеранов, 3 тяжёлых и 3 лёгких крейсера, а также корабли эскорта. В группу поддержки входили 18 эскортных авианосцев с охранением. Имелись различные по применению многочисленные вспомогательные суда. Армейский контингент подчинялся генералу Д. Макартуру, так или иначе

Адмирал ВМС США Уильям Хэлси

выполнившему обещание «Я вернусь!», провозглашённое им в 1941-м при бегстве от «джапов».

Сравнительные данные о силах Японии и США накануне сражения за стратегически важный залив Лейте позволяют заключить о крупнейшей концентрации военно-морской мощи этих стран за всю историю современности. У командующего 1-м Диверсионным ударным соединением вице-адмирала Т. Курита были четыре линкора, шесть тяжёлых крейсеров, два лёгких крейсера и одиннадцать эсминцев. Главными силами Оперативного соединения в составе тяжёлого авианосца, трёх лёгких авианосцев, двух авианосцев, переделанных из линкоров, трёх крейсеров и восьми эсминцев руководил вице-адмирал Д. Одзава. Двумя линкорами, тяжёлым крейсером и двумя эсминцами командовал флагман Соединения «С» вице-адмирал С. Нисимура. Во главе 2-го Диверсионного ударного соединения из двух крейсеров, двух лёгких крейсеров и четырёх эсминцев стоял вице-адмирал К. Сима, руководивший, как и все, Директивой императорской ставки № 431 от 21 июля 1944 года.

Родина Дж. Вашингтона и А. Линкольна к указанному выставляла к барьеру 26 эсминцев из Оперативных групп 77.2 и 77.3 под флагом контр-адмирала Дж. Олдендорфа. За контр-адмиралом Спрэгью, помимо 16 авианосцев, числились 11 эскортных и 9 эскадренных миноносцев. В 38-м Оперативном соединении вице-адмирала М. Митчера находились 10 авианосцев двух типов, 6 линкоров, 2 тяжёлых крейсера и 7 лёгких под охраной 44 эсминцев. Они входили в 3-й флот адмирала У. Хэлси.

По состоянию на 23 октября 1944 г. приблизительная численность авиации, вылетавшей на уничтожение друг друга, составляла для Японии 600 самолётов базовой и 117 машин палубной авиации; для США — 1290 авианосных бомбардировщиков, торпедоносцев, истребителей и пикировщиков. Противники имели по дюжине разведмашин-гидросамолётов, а также предусматривали действия подводных лодок.

Что происходило на кораблях крупнейших держав мира в их многотысячных экипажах? Что обсуждалось «звёздами» штабов в Токио и Вашингтоне? О чём задумались Франклин Рузвельт, императорская семья и миллионы родственников, насильно призванных на ненужную народам войну? О чём мечтали современники и ровесники в нескольких днях и милях от гибели, триумфа, позора и счастья вернуться, пусть калекой, домой???

Никому из вышедших на фарватер и тропу войны не мнилось, не снилось и не ясновиделось, что гребные валы и энергетические установки втянут их в стремительно вращающуюся «воронку» событий с 22 по 27 октября 1944-го. Пять суток, днём и ночью, будет кровоточить, кричать, тонуть, гореть, плакать и смеяться беспреце-

дентная баталия, превзошедшая по ужасу и трагизму Ютландскую битву мая 1916-го. Пять суток будут стонать и бесперебойно грохотать орудиями, торпедными аппаратами и зенитками 231 корабль, и столько же дней небо будет «освобождаться» от вспарывающих его авиаторов, жесточайше владеющих почти двумя тысячами самолётов...

Эти дни войдут фатальной, не рубцующейся зарубкой в скрижали Планетарной Истории, попадут в аннотации мировых энциклопедий под эпитет или рубрику «Величайшие морские сражения». Извечные и авторитарные враги, по-объективному, репрезентанты последнего колониального передела Мира не только на сферы влияния, но и его выкачки руками малосознательных «отстающих» рабов, будут топить и сжигать друг друга со звериной, античеловеческой жестокостью, чтобы спустя год подписать «великий мир» на линкоре «Миссури», не облегчивший судьбы убиенных атомом в Хиросиме и Нагасаки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вне оптики биноклей

Предварительные рейды 7-го флота вице-адмирала Т. Кинкейда, авианосные удары по Окинаве и Лусону, а также не имевшие аналогов воздушные сражения над Формозой в сентябре и начале октября 1944 г. оказали знаковое влияние на базовую и палубную авиацию Страны Восходящего Солнца в преддверии битвы в заливе Лейте. 22 октября 1-е Диверсионное соединение, пополнившее запасы топлива в заливе Бруней, двинулось к берегам о. Палаван, позднее разделившись на две группы, шедшие к проливу Сан-Бернардино и в море Сулу для блокирования залива Лейте с юга. 2-е Диверсионное соединение японцев, покинув Пескадорские острова, шло на юг к западному побережью Лусона, а передовой отряд субмарин, патрулировавших близ Формозы, скрываясь толщей воды, сосредоточивался в восточной акватории Филиппин. Главные силы Объединённого флота, оставившие якорную стоянку в проливе Бунго накануне, изменили южный курс, свернув на юго-запад, к Лусону. Туда же направлялся 2-й Воздушный флот в составе 450 самолётов и «москитные» флотилии, обеспечивающие подкрепление японского гарнизона. Таким образом «увядающая» Империя бросила все силы Флота в направлении залива Лейте. «Владыки» морей — Одзава, Нисимура, Курита, Сима — и экипажи подчинённых им кораблей с лётсоставом с напряжением ожидали первую контактную встречу с врагом...

Американский десант, прикрываемый корабельной артиллерией и авиацией, закреплял плацдарм на о. Лейте, предоставляя обслужи-

вающим командам возможность выгрузить запасы, технику и оборудование на побережье. В это же время самолёты с авианосцев бомбардировали о. Визайяс и север Лусона, сковывали авиацию противника и поддерживали «рейнджеров» и пехоту, стремясь захватить господство над заливом.

Предполагая, что адмирал Р. Спрюэнс не станет отвлекать свои корабли от о. Сайпан, а его коллега У. Хэлси неминуемо уйдёт из залива Лейте на уничтожение японских рейдеров, адмирал С. Тойода не ошибся, предсказывая гибель северного соединения, исполнявшего роль приманки. Кому-то придётся навсегда проститься с храмом Ясукуни и Фудзиямой...

Первая кровь пролилась на рассвете 23 октября, когда Т. Курита был атакован двумя штатовскими «барракудами» «Дэйс» и «Дартэр», бороздившими воды на подступах к Филиппинам. Бывший флагман Н. Кондо, тяжёлый крейсер «Атаго», ушёл на дно от четырёх торпед «Дартэра», совершившей сотни погружений-всплытий у Борнео, Палавана и Манилы. Одновременно из «йогэки бутай» (ударного соединения) выпал тяжёлый крейсер «Такао», позднее ушедший под охраной двух эсминцев в залив Бруней. 18-узловый ход противолодочным зигзагом не спас от гибели и крейсер «Майя», торпедированный «Дэйсом» и затонувший из-за взрыва артпогребов в семь утра. Оставшихся в живых приняли на борт эсминцев «Акисимо» и «Кисинами». Курита вместе со штабом перешёл на супердредноут «Ямато», на короткое время утратив власть над событиями, ибо понимал, что после столкновения с субмаринами его силы рассекречены, несмотря на функции радиоохраны флота. Вспомнился подвиг радиомолчания «Кидо Бутай» Т. Нагумо.

На лицах вице-адмирала Т. Кинкейда, генерала Д. Макартура, адмиралов У. Хэлси, Керни, Спрэгью, Маккейна, Дэвисона, Митчера, Шермана и Богана, Спрюэнса и Олдендорфа мелькнуло краткосдержанное воодушевление. Битые штормами, войной, морскими болезнями и бюрократическими неурядицами чинуш в департаментах, офицеры отдавали себе ясный отчёт в том, что случившееся — многообещающее начало. В повседневных вахтах дальних и ближних исторических походов стратеги и исполнители выработанной ими же доктрины «господства на море», возможно, представляли себя «нью-нелсонами» и «мэхенами». На вверенных им кораблях «Уосэтч», «Нэшвилл», «Нью-Джерси», «Лексингтон», «Принстон», на линкорах, поднятых и реставрированных после Гавайского разгрома, и других боевых плавединицах, как и в кругах пилотов Авиакрыла каждого авианосца, уважали и побаивались сморщенных бурями и горечью от потерь — подтянутых, запредельно дисциплинированных седых «старичков». Для большинства призванных, резервистов, волонтёров и профес-

сионалов они были по возрасту папами, а то и дедулями, но влияние их опыта и авторитета на флоте было столь мощным и почитаемым, что исполнение задач и приказаний этих сэров выглядело автоматическим. US.NAVY жил по своим законам...

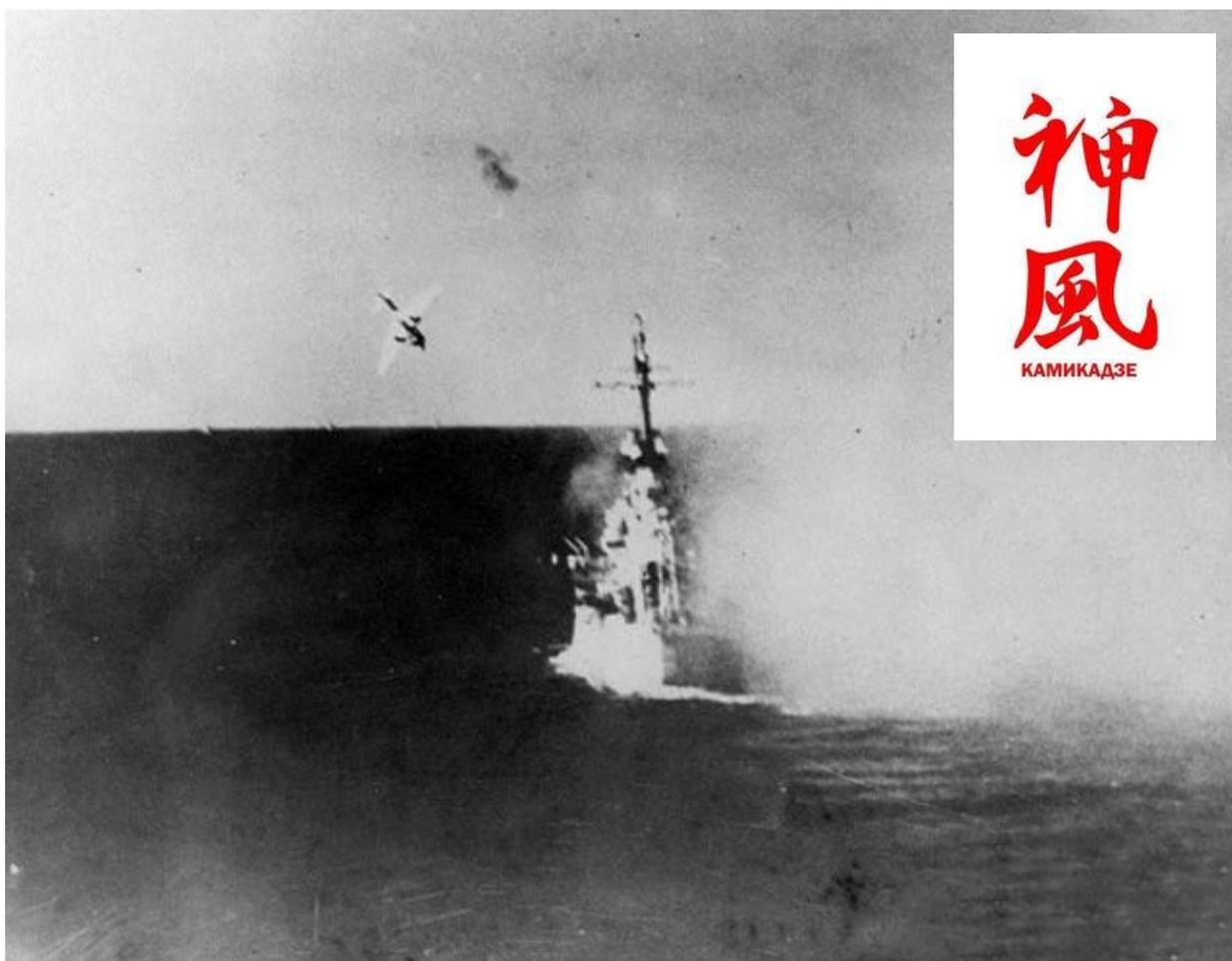
Между тем кодекс чести сминали и истребляли правила специфичной океанской войны, названной совисториками «второстепенной».

Всем названным и не названным предстояло пройти сквозь азы мужества, галсы, узлы, главные калибры орудий и торпед, сквозь высший и геройский пилотаж защитников Отечества, завоевателей в лице «камикадзе». В круговороте разноязычного человеконенавистничества, воспитанного веками, традициями и устоями, далёкими от политики и идеологий, американцам и японцам выпадала редкая честь, аннулирующая третью трактовку — честь выжить или умереть. «Пропасть без вести» было тогда несложно. Страх заключался в том, что в этом «кроссворде» бойни, в этом диком ребусе непредсказуемости войны, родня ждала не живших на берегу до собственного последнего вздоха.

24 октября с группы быстроходных авианосцев, оперирующих у о. Самар, разведмашины обнаружили Центральное Соединение японцев к югу от о. Миндоро. Боевые самолёты этих групп нанесли также удар по отряду у о. Негрос, повредив линкор и эсминец. Кратковременная стычка в море Сулу, вызванная дальноркостью опергруппы Дэвисона и бомбардировщика 5-й Воздушной армии, подсказала Т. Кинкейду, что отряды кораблей Нисимура и Сима движутся к проливу Суригао для проникновения в залив Лейте и последующих манёвров.

В девятом часу утра воздушный патруль из группы Богана уведомил адмирала У. Хэлси о приближении эскадр Т. Курита ко входу в море Сибуйн. Ветеран американского флота отдал приказ Шерману и Дэвисону: «Максимумом узлов идти на сближение!» Дислоцируясь у пролива Сан-Бернардино, сконцентрированная мощь палубной авиации работала на пользу США в течение всего дня, с успехом используя отсутствие авиаприкрытия у адмирала Курита. В ходе непрерывных налётов силами 3-го флота было нанесено пять ударов. В результате скоординированных атак тяжёлый крейсер «Мъёко», кренясь в дыму, уходил на запад. Получили попадания различной степени тяжести четыре линкора, в том числе гордость японских корабелов линкор «Мусаси» – один из четырёх крупнейших дредноутов в мире.

С 8.30 до 17.30 пилоты ВМС США совершили 350 боевых вылетов, получив «награду» к половине восьмого вечера — «Мусаси» скрылся в крови, солёре и огне. С частью погибшего и ещё жившего экипажа он канул на вечную стоянку в этих опасных отмелях водах, перевернувшись от попаданий 17 бомб и 19 торпед...

Смерть за Императора

Телеграфируя главкому С. Тойода, измочаленный и опустошённый Т. Курита с трудом формулировал спешные уроки потери авангарда: «Наша авиация не добилась результатов, на которые рассчитывали, что привело к постепенному росту наших потерь. Мы пришли к заключению, что самым лучшим решением будет временный отход за пределы радиуса действия самолётов противника и пересмотр своих планов».

Поздней ночью на однотипный с «Мусаси» линкор, флагман «Ямато», С. Тойода послал депешу для подъёма морального духа затопивших моряков: «Всё соединение будет атаковать с верой в небесное провидение!»

Сама природа воспротивилась людскому самоуничтожению, принесла в облаках сильнейший ливень в эти края. Он стоял стеной, когда адмирал Ф. Шерман приказал убрать торпедоносцы и бомбардировщики в ангары, заменив их палубными истребителями. Благодаря интуитивным действиям командира, получившего донесение о приближении самолётов с японских баз, удалось парализовать авиацию, о которой жаловался Т. Курита по радио...

Прощальная церемония камикадзе

«Сент-Луис» под ударом смертников

Утром и в течение дня 24 октября ни один из летучих самураев не смог пробиться к «плавающим гаражам» янки, если не считать прорыва «Накадзимы», сумевшего поджечь авианосец «Принстон». Разлившийся бензин от исковерканных самолётов на палубе перекинулся огнём на ангары с шестью стоявшими в них снаряжёнными торпедоносцами «Эвенджер». Торпеды взорвались, уничтожив машины, разворотив лифты с внушительной частью полётной палубы. Проигнорировав приказ Хэлси, исходя из обстановки (объединение с группой Богана), Шерман выставил крейсерско-эсминскую охрану вокруг чадящего «Принстона» с надеждой, что службы пожаротушения и жизнеобеспечения локализуют всёпожирающее пламя. К сожалению, к середине дня оно достигло торпедного погреба, мгновенно сдетонировавшего

Ад на «Банкер Хилле»

чудовищным взрывом, который оторвал кормовую часть ВПП и корму. Убийственный шквал снарядно-самолётных обломков, осколков стали, рикошет деталей навесного оборудования сошёл лавиной на дрейфующий поблизости крейсер «Бирмингем», убив наповал 200 человек. Вдвое больше оказались легко и тяжело ранеными,

погибла часть команды авианосца, в связи с чем его командир приказал всем уцелевшим срочно покинуть корабль...

А незадолго до трагедии, вперёдсмотрящие гидро-авиаторы северного Оперативного соединения адмирала Д. Одзава, уже имевшего горький опыт Филиппин после гибели своего флагмана, авианосца «Тайхо» в июне 1944-го у острова Ян, радировали о соприкосновении с противником у мыса Энгано (остров Лусон). Известный куратор Академии ВМС «Эта Дзима» немедленно поднял в воздух около 80 самолётов — ударный кулак из всех наличных у японцев авианосных машин. Тихоходные торпедоносцы «Накадзима», пикировщики «Айти» и истребители «Зеро» эшелонировались по высоте согласно последовательности и несли каждый свою функцию по выработанной годами тактике применения. Шерман задумывал повторно атаковать соединение Т. Курита, и в этот момент радиолокаторы его авианосцев засекли приближение крылатых меченосцев. Памятуя о беззащитности кораблей Т. Курита, крещёный в Коралловом море и отличившийся у Марианских островов, Ф. Шерман направил бомбардиров по назначению, обязав «Хеллкэты» и «Корсары» охранять родные палубы. Бешено возвращались расчёты зенитчиков, готовых продырявить небо и приводнить хоть самого чёрта...

Истребители блестяще справились с задачей, нанеся врагу жестокое поражение, хотя надо признать, что сражались они с новым, неопытным поколением неприятеля. Из авиагруппы «сэнсея» Одзава обратно к Лусону вернулись лишь двадцать боеспособных самолётов.

Командующий 3-м флотом адмирал У. Хэлси, как и другие командиры соединений, не знал о столь значительном успехе, ослабившим и нарушившим планы противника. Прикрывавший десант в заливе Лейте 7-й Флот, по мнению руководившего им Т. Кинкейда, «ни в коей мере не был подготовлен к ведению морского боя».

Опасаясь японских палубников, американские авианосцы и линкоры всю ночь отходили на север от Сан-Бернардино. Корабли Дж. Олдендорфа остались в заливе Лейте у его южного входа в ожидании линкоров Микадо. Закрепившись на берегу, десант стянулся в линии в полном неведении происходящего за горизонтом, красоту которого в этот вечер никто не видел. Этой же ночью японцы прошли Сан-Бернардино, и выйдя в Филиппинское море, взяли курс на Лейте.

Как покажут дальнейшие кровопролитнейшие события, обе стороны допустили ряд непредвиденных для самих себя глобальных ошибок, чересчур увлечшись разбрасыванием ложных приманок друг перед другом. В них входили не только несогласованность действий, непонимание приказов высшего командования и имевший место вакуум информации, но и цепочка, грубо говоря, состыковавшихся случайностей. Они наложили характерный отпечаток на боевые операции

в ходе последующих дней и на сам исход войны, идущей к своему неминуемому финалу.

А пока впереди у тысяч современников, не поделивших землю, небо, хлеб и воду были ночной бой в проливе Суригао, сражение у мыса Энгано, бой у острова Самар, тысячи самолёто-вылетов и тысячная гибель соотечественников на глазах.

Решающие факторы, триумф и поражение, недостатки внешней политики, военно-стратегического планирования, салюты, дети, красавицы, шампанское, Токийский и Хабаровский процессы — всё это будет предворяться бессмысленным кровопролитием наций, на которое ни той, ни другой стороне при всём аналитическом мышлении не хватит одного: ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СЛЁЗ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *Экваториальная эпопея*

Планируя форсирование Сан-Бернардино ночью, Т. Курита не предполагал, что У. Хэлси, оценивая значимость задачи ликвидации авианосных сил, допустил крупный просчёт, не отреагировав на донесение ночного разведчика с авианосца «Индепенденс». Долгие часы следуя с потушенными навигационными огнями и соблюдая радиомолчание, адмирал исполнял безоговорочный приказ главкома С. Тойода. Выход в просторы Тихого океана, по соображениям японских флотоводцев, подставлял корабли под удары штатовских сил, и в то же время давал возможность более свободного маневрирования, освобождая эскадры от скученности.

К полуночи 24 октября 1944 г. объединённые силы Шермана, Дэвисона и Богана были готовы к бою. Проигнорировав замечания вице-адмирала Ли, контр-адмирала Богана и горделивую самоуверенность адмирала Митчера, Хэлси полным ходом преследовал авианосцы Д. Одзава, рассчитывая тремя группами атаковать их на рассвете, как раз в то время, когда Т. Курита шёл позади него...

Ещё в полдень адмирал Т. Кинкейд привёл 7-й флот в боеготовность № 1. В дозоре на выходе из Суригао в залив Лейте находились 7 эсминцев. Команды этих кораблей и 40 торпедных катеров, сосредоточенных в проливе, были предупреждены о возможной ночной атаке надводных сил противника. Контр-адмирал Дж. Олдендорф заблокировал северный выход из Суригао артмощью 6 линкоров, 8 крейсеров двух типов, а также торпед-аппаратами 21 эсминца. В просторечии это был смертельный для японцев капкан, поскольку американские силы могли свободно маневрировать, тогда как неприятель сковывался в действиях конфигурацией и глубинами пролива.

Слабость корректировщиков огня и авиаразведки, разгром авиагруппы Д. Одзава и многочисленные радиопомехи в эфире, амбициоз-

ность и удалённость базовой авиации, предрассудки должностной иерархии не позволили морякам Его Величества правильно и объективно взвесить сложившуюся обстановку. Соединения адмиралов Нисимура и Сима, сохраняя радиомолчание, продвигались к Лейте в 40 милях друг от друга, вспенивая море Минданао, уповая на внезапность удара. Их задачей являлось уничтожение надводных сил, конвоев и десантов потомков «чёрных кораблей» Мэтью Перри.

Обеспокоенность Нисимура усилилась в конце дня, когда он узнал о зажиме сил Курита в море Сибуян. Решив войти в залив Лейте в темноте, вице-адмирал перевёл стрелки относительно рандеву своих кораблей вперёд. Вице-адмирал Сима, продолжая играть в «молчанку», по-старшинству мог принять командование эскадрами, но, не зная программы операции в полной форме, предпочёл мореходничать самостоятельно.

С 23.00 до 02.00 25 октября Соединение «С» вело тяжёлый бой с торпедными катерами американцев. Их шустрота в ночи при всей массе летящих в воду и буравящих её торпед, успеха не принесла, вследствие отсутствия опыта ночных боёв, однако Олдендорф теперь знал о дислокации японцев в проливе.

В пол-третьего два дивизиона эсминцев, шедших параллельным курсом, на полном ходу сбросили 47 торпед, предварительно предупредив сигналом об отходе свои катера. Под прикрытием дымовой завесы эсминцам удалось выйти из-под плотнейшего града снарядов, обрушившегося на них со стороны японских плавучих цитаделей. Передать в строке рукотворный хаос, душераздираемую какофонию ночной дуэли и кошмар происходящего на кораблях, практически невозможно. Два линкора содрогнулись от торпед, замедлив ход. Два эсминца, повреждённые до неузнаваемости, вышли из боя. На полном ходу затонул с частью команды ещё один миноносец. Флагман разом постаревшего Нисимура линкор «Ямасиро» с зияющей пробоиной от торпеды не свернул с северного курса, двигаясь средним ходом под защитой тяжёлого крейсера «Могами» и эсминца «Сигурэ». Модернизированный линкор-ветеран «Фусо», вынужденно покинув кильватерную колонну, позже взлетел на воздух и пошёл ко дну...

Дж. Олдендорф не оставлял «синдбадам» никаких шансов на выживание, помня о возмездии за Пёрл-Харбор. С флангов от его группы тяжёлых кораблей мчались эсминцы второй атакующей линии. Развивая успех первой, они всадили три торпеды в подранка «Ямасиро» и потопили повреждённый эсминец. Людей разрывало заживо. Они варились в высокотемпературном котле под именем Суригао, горевшие покидали палубы. Остывшие, изувеченные и обессиленные, захлёбывались водой и мазутом, крича последние слова, исчезали с поверхности, покрывая телами корабельный мусор на дне. Ужас потопленных был неопишем...

Ранним утром остатки соединения Нисимура приблизились к главным силам Кинкейда и попали под сокрушительнейший огонь артиллерии линкоров и крейсеров. От бесчисленных попаданий снарядов «Ямасиро» вобрал в себя тонны воды; загорелся «Могами»; потеряв ход, вышел из строя «Сигурэ», пронзённый нераззорвавшимся снарядом. Вследствие приближения линии огня к левому флангу своих кораблей, Олдендорф приостановил расстрел японцев. Радость победы омрачалась убитыми и ранеными с эсминца «Эльберт У. Грэнт», застопорившего машины из-за попаданий 19 снарядов...

Отряд Сима, разбросав заслон торпедных катеров, был вынужден замедлить ход после торпедного попадания в крейсер «Абакума». Вскоре его Соединение, не изменившее направления, прошло мимо трагичного зрелища горевших и дымящихся обломков «Фусо», принятых адмиралом по ошибке за останки двух линкоров. Пройдя левым бортом мимо пылавшего «Могами», Сима развернул крейсера вправо на 90°, получив донесение о радиолокационном контакте с врагом, находившемся после манёвра прямо по курсу. При этом из-за внезапности перестроения и жёсткости его исполнения, произошло столкновение флагманского крейсера «Нати» с «Могами».

Рассудив, что его коллега оказался в ловушке, вице-адмирал Сима лёг на обратный курс, взяв под опеку «ковылявшие» корабли. Стареющий морской волк не хотел бесславной гибели преданных ему самураев и отходил в целях выждать момент для объединения с силами Одзава-Курита, чтобы совместно нанести решающий удар по врагу.

Распалённый сражением Олдендорф отдал приказ преследовать и истребить противника силами нескольких крейсеров и эсминцев. На восходе солнца они настигли колонну и вновь подожгли настрадавшийся тяжёлый крейсер «Могами». Эта же группа позднее уничтожила «полуживой» эсминец из состава Соединения Нисимура. Четыре крейсера и пять эсминцев, беспрерывно огрызаясь орудиями, вошли в море Минданао, где были атакованы самолётами с авианосцев 7-го флота. Результатом налётов «на добивание» стало затопление «Могами» своей командой. Кроме крейсера «Абакума», Сима сохранил все корабли, тогда как отряд Нисимура (за исключением эсминца «Сигурэ») оказался разгромлен и обескровлен полностью...

Бравый Такэо Курита –
впереди закат Империи

Параллельно этим событиям 1-е Диверсионное соединение Т. Курита атаковало эскортные авианосцы 7-го Флота, входившие в

Северную группу. Ситуация осложнялась тем, что на борту этих авианосцев не было бронебойных бомб и торпед, поскольку они комплектовались бомбами для поражения живой силы противника из морского транспортного отряда и Соединения снабжения (около 20 судов). Настырный Курита, проскочив пролив Сан-Бернардино, поставил Кинкейда в затруднительное положение, потому что 3-й Флот Хэлси ушёл далеко на север на поиски и ликвидацию авианосцев Одзава. Осознавая опасность, Кинкейд приказал Олдендорфу прекратить погоню за кораблями Сима, чтобы перебросить его группы в залив Лейте. Авиации, крушившей «Могами», предписывалось пополнить запасы горючего в Таклобане и быть готовой к ударам по центральному соединению Курита.

Сима мог вернуться в Суригао в любой момент и при удачных обстоятельствах мог нанести артурдар по десантным «сестершипам», сосредоточенным в заливе Лейте. Задача, поставленная Олдендорфу, являлась сложной по исполнению, ибо его корабли были тихоходными и в основном устаревшими. К тому же имела место нехватка снарядов, выпущенных по Нисимура без акцента на «голодание».

Между тем, рвение У. Хэлси вывело адмирала к мысу Энгано. Глубокой ночью 25 октября локаторы разведсамолётов «Индепенденса», летевших впереди 38-го Оперативного соединения, нащупали местонахождение двух групп японских кораблей. Изучив депешу, сообщавшую о randevу сил противника в 06.00, недавний участник воздушных гонок экстренным темпом сформировал 34-е Оперативное соединение, включающее 6 линкоров под своим личным контролем.

Едва забрезжил рассвет, с палуб, оглушая округу, стартовали один за другим 180 самолётов. Спустя час, четыре авианосца, два линкора — «Исэ» и «Хьюга» в роли авианосцев, три крейсера и восемь эсминцев упорного морского воина Одзава были обнаружены. В быстротечной воздушной «потасовке» янки приводнили почти все истребители «джапов», а пикировщики и торпедоносцы марок «Кертисс» и «Грумман», сметя заградливень зенитчиков, раскрыли замки бомб и торпед. В ходе налёта авианосцы «Титосэ» и «Дзуйхо» получили повреждения, затонул эсминец и был торпедирован флагман, участник многих походов, тяжёлый авианосец «Дзуйкаку». Последующая атака, начавшаяся в 10.00, сжала клещи на всём пытавшемся рассредоточиться соединении. Две группы бомбардировщиков замедлили продвижение крейсера «Тама» и подожгли авианосец «Тиёда». Последний сразу же застопорил ход и стал угрожающе крениться, сводя с ума находившихся в трюме...

О произошедшем в Суригао Хэлси узнал запоздало, как и о том, что наглый агрессор наконец-то отброшен. В 8.10. адмирал принял шоковую радиограмму. Она пришла с задержкой, а лидер группы

авианосцев Т. Спрэгью, атакованный кораблями Т. Курита, взывал о помощи. Хэлси в любом случае не успел бы подойти к о. Самар, считая, что 16 эскортных авианосцев имели достаточно самолётов для успешной обороны до подхода кораблей Олдендорфа.

Японцы, перехватив незашифрованные тексты радиопереговоров Спрэгью, Хэлси и Кинкейда, поняли их неадекватно, предположив, что крупное авианосное соединение «звёздно-полосатых» совсем рядом. На самом же деле Хэлси удалялся от Лейте, отослав в помощь Спрэгью соединение адмирала Маккейна, причём его азарт не остановило вмешательство командующего ТФ США Нимица, радировавшего из Пёрл-Харбора: «Где находится 34-е Оперативное соединение?»

Не воспользовавшись возможностью, о которой мечтал ещё кадетом, Хэлси, будучи в 42-х милях от Курита, решил добивать главные силы Одзава самолётами Соединения Митчера, к тому времени совершившими четыре налёта, рассмотренные выше. Пятым налётом американцы планировали уничтожить линкор «Исэ», однако удача на этот раз отвернулась...

При кажущейся катастрофичности положения Д. Одзава, он искусно справился с задачей привлечения авианосных сил противника для высвобождения дул Т. Курита, который проявил нерешительность в шаге от выполнения главной цели операции. Будут добивать артиллерией «Тиёду», субмарина из эскадр Ч. Локвуда торпедирует «Тама», но суть провала плана «Сё-го» заключалась в руководящей элите Императорских ВМС, местами требующей невозможного. Сильно отставая от Америки в области электроники, финансовых богатств и сырья, Япония хронически страдала от несовершенства радиосвязи, хотя имела лучшие торпеды, чем США...

В бою у о. Самар 25 октября 1944 г. было доказано, что война в Мировом океане требует прежде всего сплочения и взаимодействия скоростных авианосных соединений в союзе с линкорами и крейсерами. Роковая ошибка Т. Курита, столкнувшегося с оперативной группой Т. Спрэгью, скрывалась не только в переоценке сил противника, но и в спешной перестановке всего соединения в ордер ПВО. Японский адмирал, не имея эффективной поддержки с воздуха, мог отдать приказ лёгким кораблям и эсминцам перейти в торпедную атаку под прикрытием линкоров и крейсеров. Однако всё сложилось вне замыслов японцев, вероятно, в назидание за недавние преступления...

Видя напор артиллерии и быстроходность кораблей Курита, адмирал Спрэгью отвлекающим манёвром изменил курсовой угол, чтобы быстрее поднять самолёты. Выставив дымовую завесу, он также ввёл свои корабли в полосу дождя и именно в тот момент запросил Хэлси о помощи, чувствуя, что не устоит перед таким калибром.

Курита стремительно развернул преследование этой группы, известной под кодом 77.4. Американский контр-адмирал шёл на юг к Лейте, веря в мощь стволов 7-го флота и силы Хэлси, курсировавшего в 300-х милях севернее. При выходе из полосы непогоды он вновь оказался недалеко от японцев, но Курита не смог нанести ему урон и упустил слагающие разгрома, любой ценой пытаясь сорвать взлёт самолётов, перед которыми был беззащитен.

Ведущий стратег ВМС США на Тихом океане Честер Нимиц

Головокружительная «регата» продолжалась, и вскоре линкоры и крейсера «дышали» Спрэгью на корму, с одновременным приближением крейсеров по левому борту. К 9.00. возникла угроза окружения и американцы атаковали японцев арсеналом шести эсминцев.

Торпеда «Джонстона» вывела из строя крейсер «Кумано», за ним были торпедированы крейсера «Тёкай» и «Тикума». Линкоры «Ямато», «Харуна», «Нагато» и «Конго» разошлись во избежание попаданий торпед, дав Спрэгью оторваться.

Впрочем, не всё шло на пользу землякам статуи Свободы. Мощнейшая артиллерия японцев изрешетила эсминец «Хоул» и уничтожила эскортный миноносец «Робертс». Оставшийся без боезапаса, сильно повреждённый «Джонстон» стал мишенью и был потоплен. Ещё два эскортных корабля были покалечены артогнём противника. Тяжёлые бронебойные снаряды линкоров и крейсеров прошибали небронированные корпуса конвойных авианосцев насквозь, не нанося значительного ущерба. «Хасирский флот» был ещё далёк от агонии, заставляя шесть эскортных авианосцев идти по ветру. В начале десятого опрокинулся и ушёл на дно авианосец «Гэмбиер Бэй». Остальные удержались на плаву благодаря силе духа и воле своих экипажей.

Палубная авиация Т. Спрэгью, Стампа и К. Спрэгью беспощадно молотила бомбами, торпедами, снарядами и пулемётными очередями корсаров Курита. Авиаторы добились крейсера «Тикума», «Тёкай», потопив их вместе с собратом «Сидзуя». На кораблях возрастало замешательство, несмотря на полную самостоятельность при уклонении от атак самолётов согласно предписаниям ордера ПВО.

Остатки могущественного соединения отвернули, задумавшись о спасении, когда американцы сами уже молились о нём. «Провидение» С. Тойода сыграло злую шутку над его соотечественниками, не сумевшими развить контратаку при всех имеющихся преимуществах.

Особо отмечая побоище у о. Самар, уважаемый адмирал Флота

США Честер Нимиц в своих мемуарах о войне на море 1939–1945 г. пишет: «Изгнание японцев в нескольких милях от залива Лейте — заслуга авианосной группы контр-адмирала К. Спрэгью, поддержанной действиями кораблей и авиации контр-адмиралов Стампа и Т. Спрэгью, которая использовала всё, что было возможно, — ветер, дождь, дымовые завесы, манёвр, торпедные и воздушные атаки,— чтобы расстроить замысел противника и отбить атаки его значительно превосходящих сил».

Авианосный ордер близ Лейте

Исследуя противостояние ВМС США и Императорской Японии, мы должны помнить о полной неосвящённости этой сжатой цензурой темы, не годной к афишированию по мнению историков не только названных стран. Более всего это коснулось документации о полном боевом пути и поимённом списке экстремальных «Камикадзе», а ведь только в Филиппинской кампании их погибло 722... Бои в архипелаге унесут в вечность 68 японских кораблей и свыше 6000 самолётов. Далёкая Америка только у Лейте лишится 21 корабля, 736 самолётов палубной авиации и 231 машины из состава ВВС Дальнего Востока. Обе стороны будут лгать Миру о людских потерях и гибели «неучтённых» подводных лодок, хотя экипажи океанских субмарин доходили до 100 человек...

Утратив Филиппины — важнейший южный сырьевой район, лишившись надводного флота в былом величии и нефти, оставшаяся без опытных пилотов Япония не собиралась мириться с Миром даже после крушения режима А. Гитлера.

Воинственная устремлённость двух наций, совершенно разных рас, территориально ущемлённых и независимых, принесла в их жизнь многомиллионные страдания, кладбища, разрушения и безымянные захоронения на суше и под водой. Битва армад у Лейте разве не подтверждение???

«Лечение» оружием не проходит бесследно даже по прошествии немалого отрезка времени. Сухая цифирь отчётов не освобождала от

ответственности ни тех, кто развязал войну, ни других, использовавших её для достижения господства в Тихом океане путём сожжения и испепеления мирных граждан.

Забывающие об этом при всём могуществе, гордости, уме и силе обречены на поражение в будущем, в котором и ныне просматривается желание смертных установить «своё царство» на костях и черепах себе подобных...

*Октябрь 2000 г. — апрель 2015 г.
Орёл — Москва — Транссиб — Владивосток — Орёл
(Публикуется в авторском сокращении).*

Возвращение Дугласа Макартура

ЯД В «ЦВЕТКЕ ВИШНИ» (По кодексу «Бусидо»)

7 декабря 1941 года Императорская Япония мощным налётом авиации нанесла вероломный удар по американскому флоту в Пёрл-Харборе. В это время наши войска давали отпор под Москвой её коллегам по «Оси» – германским полчищам...

В долгих кровопролитных сражениях союзники разгромили коварные планы захватчиков и пришли к выстраданной Победе в Европе и Дальнем Востоке. Фрагменты чужой неизвестной войны – в очерке автора.

Влажная стена густого тумана обняла пространство. Было зябко и моросило, а жизнь каждого измерялась приказом. Патрулирование акватории выдалось по-боевому штормовым, и прекращение гнева Нептуна было полностью непредсказуемым. Который день на борту супердредноута Объединённого Флота «Ямато» офицерская элита хронически недосыпала. Командир 263-метрового линкора капитан I ранга Такаянаги Гихати, ведущая голова по оперативному искусству Куросима Камэто, кептэны Мийо Тацукити и Ватанабэ Ясудзи, как и бывавшие на флагмане контр-адмирал Ониси Такидзиро и лидер авиации ВМС при Генштабе капитан II ранга Сасаки, понимали, куда закатится для Японии Солнце после захвата янками острова Иводзима.

Многое пришлось пережить завоевателям Великого океана и его атолло-островной россыпи, оглашаемой грохотом прибоя на параллелях и меридианах триумфа и смерти. Они спешили доставить десант, поддержать его высадку на материк и выработать безошибочную наступательно-оборонительную стратегию. В феврале 1945-го с трудом верилось не только «хасирцам» в фейерверк побед, рождённых стволами «Кидо Бутай» адмирала Нагумо Тюити и палубными «корсарами» авиагрупп Футида, Хасигучи, Абэ, Кусуми, Мурата, Такахаси, Итая, Симадзакки, Эгуса, Синдо и других пилотов 1-го Воздушного Флота, разгромивших корабли Франклина Делано Рузвельта в Пёрл-Харборе и авиацию на Оаху. С тех пор, как ушли на дно британские «жемчужины» – «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», ситуации, сходные с ловушкой, в которую попала эскадра королевы Вильгельмины под стягом адмирала Карела Доормана, больше не повторялись.

Мидуэй... Авианосная сеча за крохотный островок повернула доктрину «Азия – азиатам» вспять, навечно обозначив координаты гибели, исстари сопутствующие экспансиям, преступному колонизаторскому авантюризму. За один день были потеряны мозговитые выпускники Академии «Эта Дзима», асы захватного «покроя», выпестованные бурями моряки, авиаторы, прошедшие курсы престижных авиашкол Касумигаура, Цутиура, Нагойского технического училища и передовых учзаведе-

ний ВМС Англии, Франции, Италии и США... Ушли на 5000-метровую и более глубину – искорёженные, оплавленные, некогда могучие исполины, плавучие аэродромы «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю» – авангардные проекты «Кампон» и магнатов кораблестроения за всё время реализации программы «Марусан». Погибли контр-адмирал Ямагути, командиры авианосцев Каку, Янагимото, Окада, в общей сложности 3500 человек, свято веривших в «миссию Японии руководить миром», провозглашённую баронами-реакционерами Танака Гиити и Утида Рёхэем...

Позднее глава Генштаба Императорских ВМС вице-адмирал Нагано Осами, адмиралы Кондо, Номура, Йонай, Микава, Одзава, Иноуэ, Судзуки, Какута, Ито, Ямадзаки, Такаги, как и генералитет, признавали, что с гибелью главкома Флота Ямамото Исороку и сменившего его Кога Минэити, погибших в авиакатастрофах, – положение Империи резко ухудшилось, что доказали ужасные потери в ходе корабельно-авиационных битв за Гуадалканал, Сайпан, Ириан, Рабаул, Лусон и Лейте.

Эти годы покрылись волнами, и там, где прокатились «цунами» военщины, меняла формы вечная пена. «Владыки морей», помнившие заветы «азиатского Нельсона» Того Хэйхатиро, иронизировали в избежавшем сакэ кругу: «Три раза цвела сакура, а эра Сёва летела в бездну как бакудан (бомба) или торпеда»...

Молодой энсин (младший офицерский чин) из «Токубецу когэкитай» (Штурмового отряда), акробат-владелец истребителя «Зеро» и предмет вздыханий татиката и гейш Ямада Исабуро прошёл Филиппинский ад без ранений, хорошо запомнив проповеди Ониси о духе, воле и патриотизме, когда друг теневого патрона «якудза» Кодама Ёсио формировал 1-ю эскадрилью «Камикадзе».

Сегодня, завтра или послезавтра обедневшему самураю древнего рода предстояло уразуметь: Путь Жизни – это Смерть. Ночь за ночью он искал в уме лаконичные по смыслу иероглифы для завещания, которое вымучило, ибо отослать его было некому – семья погибла в Токио под развалинами землетрясения 1923 года. Патефон крутил «Японские фонарики» Есимото. Мысли кружились, словно мотыльки в хризантемах, и, надрывая мозг, залетали в тупик. Уроженца деревушки у истоков Синано закружила ностальгия – рандеву с красавицами из квартала Гион в Киото. Слопав редкий бэнто – рис с маринованными сливами, он отбросил кисточку. Глядя на фото кумира, «фокусника» пилотажа Гэнда Минору, энсин разговаривал вслух:

– Ханай Юкико, смазливая шансонетка из Кагосима! Как я любил тебя, не подозревая, что ты, запоем читавшая Акутагава и Исикава, всего лишь перезревшая кельнерша дешёвого бара!..

Расстроившись, Исабуро раскрыл спасавший и тайно хранимый томик Такубоку «Горсть песка»:

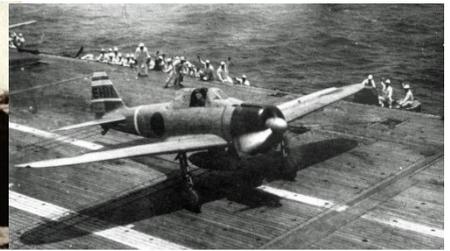
Судьба Японии в руке Хирохито

Воинское святилище «Крёстный» камикадзе – страны Ямато - храм Ясукуни Т. Ониси

Молчание после гимна «Кимигаё»

Правая рука И.Ямамото – М.Угаки Старт в вечность

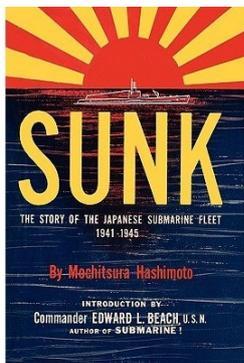
Завещание навсегда

Последний миг авиасмертник

Трагедия «Банкер» Окинавы

Память о потопленных пера М.Хасимото.

Финал войны на «Миссури»

*Когда приходится служить капризным,
Наглым самодурам,
Как страшен кажется весь мир!*

С утра передали: шторм 7 баллов. Накадзима Тосио, пилот 1-го класса бомбера «Мицубиси G4M» заехал за Ямада в сумерках. Самолёт-снаряд из Арсенала ВМС Йокосука был наготове, сверкая новизной. Помолившись за Дай Ниппон богиням Аматаэрасу и Каннон, Исабуро, внешне балагуря и храбрясь, уселся на заднее сиденье дышавшего на ладан «Олдсмобила». Изучая карту маршрута по планшету, он дымил подаренной накануне сигарой, хотя минуты назад чуть не вырвался, представив отпевание своей души в храме Ясукуни.

Старт прошёл без суеты и эмоций. Ещё на заре старший лейтенант Хорикоси Дзиро, пилот разведчика «Ki-46» радировал командованию о 5-м Флоте адмирала Раймонда Спрюэнса, вспенивавшего океан 13-узловым ходом. Поправляя в полёте повязку «хатимаки» с надписью «Эй-Рэй» – «Душа Героя», энсин подумал, что инженер Мики поздно додумался начинать «воздушный меч» Японии 1200 килограммами тринитроанизола. Неописуемая красота мирного горизонта не смягчила сердца: – Мало «звёздно-полосатые» получили в лоб у Саво; десант на Гавайи или спалить 400 000 тонн мазута в декабре 1941-го, вот это да! Наверяд ли подняли б тогда изуродованные линкоры Киммеля и Пая. А новый командующий Честер Нимиц – вулкан!

– Небесный рыцарь высшего дана самурай Ямада! – вернул его к реальности второй пилот Хара Тюити, проверяя радиосвязь. – Вы там смотрите, сэнсэй кэндо, не захрапите! Мы доставляем вас к цели, чтобы «солдаты Джо» Макартура меньшим числом ступили на не знавшую оккупации землю предков. Пригубите сакэ, я припрятал для вас бутылочку под сиденьем...

– О, снова ваши байки о пиратах Бидле и коммодоре Перри, – за Христа, а пушки впереди! Конвой вижу. Идёт противолодочным зигзагом – торпедные атаки Санта-Барбары и Сиднея ещё не забыли. Постараюсь отправить на дно тип «Либерти»!

Отрыв от двухмоторного «Мицубиси», однотипного с тем, что угробил Ямамото и штабистов у острова Бугенвиль, мало радовал. Планируя в направлении транспорта наибольшего водоизмещения, Исабуро, по приближении к нему, включил три жидкостно-реактивных двигателя. Суммарная тяга 800 килограммов выдала ускорение по «паспортным» данным – около 850 километров в час. Кровь ударила энсину в голову до тошноты, а первые разряды зениток уже брали в «мёртвую петлю» его «Цветок вишни», который, узнай, что им назвали, тут же бы превратился бы из белого в красно-красавый с чёрным кантом по каждому лепестку.

Любителю путешествий по префектурам не было страшно. Он упивался рикошетом пуль по плоскостям и фюзеляжу, и муравьиное замешательство янки на палубе вызывало в нём диковато-дьявольский смех.

«Куро хи» – Чёрный день! Возвращение священного ветра против Хубилай-хана! Держитесь, гайдзины (чужестранцы)!»...

На сменившем курс маневрирующем бывшем сухогрузе кричали:

– Бака! – Дурак! – вперемешку с отборным штатовским матом. Возможно, Ямада плакал от мысли, что расе Ямато с начала 30-х следовало быть милосерднее, а не хвататься за оружие. Возможно...

– Тэнно хэйка банзай! – Да здравствует Император!!! – стало фанатизмом сироты на земле, а вернее фиаско над Тихим океаном, впитавшим кровь и железо наций в сверхтрагизме Второй Мировой войны.

Юнец 1927 года, почитатель «Тора! Тора! Тора!» – вероломной тактики Футида Мицуо, мечтавший увидеться с ним, рассчитал пилотаж виртуозно, снеся почти всю надстройку судна. Кто знает, может за секунды до убийства свыше 100 американцев, не считая калек, энсин Ямада Исабуро фактически открыл дверь во «второе рождение»? Увы, атакуя, он мстил за брата отца, сгоревшего в соляре у турбозубчатых агрегатов эскортного авианосца «Сёхо», затонувшего в Коралловом море. Разве для такой «нирваны» их вывели в свет матери?

«Тэнно хэйка банзай! Тэнно хэйка... Банзай! Банзай! Банзай!!!»

* * *

Император эры Сёва, его величество Хирохито, давший полный ход Тихоокеанской войне, дико закричал на своём ложе во дворце. После гибели «Ямато» ему приснилось, что он, 124-й Сын Неба, совершил харакири, потому что выжил один в стране – ВСЕ погибли как камикадзе... Шаря рукой в поисках очков, а другой протирая глаза, он вздрогнул: перед ним, склонившись в поклоне, рыдала Императрица Нагако, а малыш-наследник Акихито упрашивал мать не плакать, сжимая руками мачты дорогой модели броненосца «Микаса».

... 10 марта 1945 года «летающие крепости» ВВС Армии США применили напалм и осколочные бомбы – в бывшем городе Эдо погибло около 140 тысяч жителей и беженцев.

6 и 9 августа испарятся люди и здания в Хиросиме и Нагасаки – не стало 215 тысяч человек. Атом стал Инквизитором, породив лучевую болезнь и хаос гонки вооружений между капитализмом и коммунизмом.

Сёва – отсверкала. Это была Катастрофа, оплаченная жизнью и смертью 3 100 000 японцев. Часть из них, убивая современников на суше, в водах Тихого океана и Южных морей, в небе и под водой в большем количестве, так и не поняла с 1900 года, что их стратегия за-

хвата едва не подвела страну под название – держава заходящего солнца.

Когда линкор «Миссури», переживший атаку смертника ранее, тихо вошёл в Токийский залив под флагом коммодора прошлого века Мэтью Колбрайта Перри, переосмысливать межнациональную трагедию не имело смысла – гибель народов не измеряется золотом. Планетная, понимаете, диктатура была тогда, извините, модной...

Спустя 70 лет мы вправе спросить: прозрели ли гомо сапиенсы после Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов? Какие уроки извлекли для себя поколения, находящиеся под ядерно-боеголовочным шантажом, и кто позволил унижать великий Дальний Восток в рамках госграницы СССР – России???

*Сентябрь 2015 г.,
Орёл – Подольск – Тамбов – Орёл*

Карта за преступления в Европе и в Азии

ОДИССЕЯ МОРПЕХОВ ИЛЬИ ТЕСЛЕНКО

Все помнят былинную строку «Во славном городе Карачеве», с удовольствием покупают карачевские новогодние игрушки и ёлочные украшения, но, к сожалению, забывают, что городок десятилетиями входил в состав довоенной Орловщины. Недалеко от будущего райцентра Брянской области, в селе Рясники вышел в мир 10 октября 1910 года герой нашего рассказа Илья Алексеевич Тесленко.

Выходец из русской крестьянской семьи, хотя и родился в средней, местами заболоченной частице России, с юных лет «заболел морем», посещая избу-читальню и библиотеку средней школы. Романы Жюль Верна, «Морские истории» и «Злое море» Бориса Житкова, матросская доля в работах Новикова-Прибоя «Ухабы» и романтика морских шедевров Александра Грина воспитали в отроке стремление к морским далям...

В 22 года Илья – краснофлотец, год учился в школе младших командиров. Когда шла война в Испании, его, как подкованного в знаниях моряка, пригласили на политраблиту. Четыре года, параллельно службе, он учился в Военно-политическом училище ВМФ, успев закончить его накануне Великой Отечественной войны.

Флот вступил в сражения с противником одним из первых, отличился высокой собранностью и организованностью, благодаря защитно-оборонительным мероприятиям, осуществлённым наркомом ВМФ СССР, адмиралом Н.Г.Кузнецовым. В конце декабря 1941-го 1-й батальон 83-й морской стрелковой бригады, куда входил отряд десантников во главе с Тесленко, принимал активное участие в боях за Керчь. Комиссара и его «братву» хорошо знали в 51-й Армии Закавказского фронта – месяцами ранее морпехи геройски обороняли Одессу и Севастополь...

Керченско-Феодосийская десантная операция навсегда засела в памяти выживших морпехов и военкома отдельного стрелкового батальона. Командующий Кавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т.Козлов, флагман КЧФ вице-адмирал Ф.С.Октябрьский и лидер Азовской военфлотилии контр-адмирал С.Г.Горшков поставили задачу войскам и соединениям кораблей: овладеть Керченским полуостровом, в целях дальнейшего освобождения Крыма. Силы вторжения 51-й и 44-й Армий подкреплялись 650-ю самолётами и плавсоставом 260 кораблей и судов.

Десантирование, проходившее с 25 декабря в условиях мороза, жестокого шторма и постоянного прицельного огня неприятеля, длилось до 2 января 1942 года, войдя в историю войны её самой крупнейшей десантной операцией. Под Керчью в ней участвовали около 19.000 человек, а близ Феодосии – более 20.000 солдат, офицеров, старшин и матросов.

Севастопольцы не сдаются!

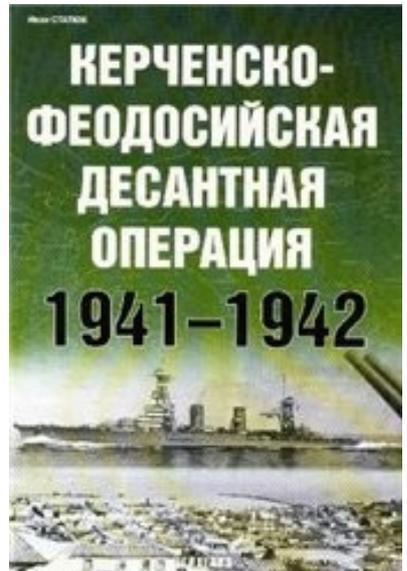
Илья Тесленко

Герои боёв за Керчь

Флотоводец
С.Г. Горшков
Боевое братство

Агрессор выставил на противодействие в районе восточной части Керченского полуострова около 25.000 человек. Они входили в группировку из частей 46-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса 11-й Армии. Под свастикой выступили 8-я румынская кавалеристская и 4-я горнострелковые бригады, два танкобатальона, пять дивизионов зенитчиков и два полка полевой артиллерии. Для их прикрытия с воздуха командование Люфтваффе выделило две авиагруппы – несколько сот бомберов, штурмовиков, истребителей.

Бойцы Тесленко, высадившись у мыса Зюк, прорвали линию обороны противника. Выйдя в тыл, они расстреливали врагов из автоматов и пулемётов в ходе трёх дней и ночей. Майор Тесленко уничтожал оккупантов на острие атаки, несмотря на их превосходство в живой силе и технике. «Чёрная смерть» захватила две батареи гитлеровцев, оружие и миномёты, нанеся им крепкий урон разворотом стволов и огнём по позициям их бывших владельцев.

Трижды раненный богатырь Илья руководил боем в условиях полного окружения. Ожесточённо отбиваясь отседавших фрицев, комиссар получил четвёртое ранение. Но даже будучи в укрытии, герой воодушевлял морпехов на прорыв окружения и выход к своим...

Может быть, невидимая нить времени и былая былинная удасть Илюши Муромца у Девяти Дубов спасли земляка. За выдающееся мужество в боях за Керчь – 17 апреля 1943 года Илью Алексеевича Тесленко наградят «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Полгода он мучился в госпитале и недюжинным усилием воли вернулся в строй доблестного КЧФ. В ночь на 10 сентября ленинский орденосец в авангарде десанта освобождал Новороссийск, подавил с однополчанами множество немецких огневых точек.

Десять лет после Великой Победы И.А.Тесленко оставался в неустрашимых рядах ВМФ. Проживая с семьёй в Симферополе, прошедший сквозь ад войны суровый воин дослужился до звания капитана I ранга, являлся многоопытным наставником флотской молодёжи. Почётный гражданин Карачева и Керчи, награждённый орденом Красной Звезды, двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны I степени, пронёс по жизни флаг КЧФ и девиз русских морпехов: «Там, где мы, там – Победа!»

27 ноября 2015 года

День морской пехоты – Орёл – Рясники – Карачев – Орёл

Слава подвигам шофёров!

Память благодарных карачевцев

ДНЕВНИЧОК

(Из неопубликованной тетради десятиклассника²)

...15 августа 1945 г. Вчера, когда варили уху в Поречье, прибежал Серёга (Ферапонта-кузнеца сын). За дюжину раков он предложил нам с Димкой три крашенных поплавка из гусиного пера, два крупных крючка, и с десяток гильз от крупнокалиберного пулемёта обменял на шурёнка под полкило. Мы, зная, что Серый отличный рыбак, у которого не то что крючка, снега не выпросишь, – поинтересовались, зачем ему рыба и раки. Ведь Серёга известен на всю округу своими заготовками таранки, сушёных грибов и ягод. С начала войны он жил с бабкой. Отца призвали кашеварить на походную кухню (опять же при лошадях). Мамка его – тётка Ефросинья – погибла при бомбёжке колонны беженцев где-то под Киевом. После Сталинграда он получил пару «треугольников» от бати. Тот писал, что был контужен и ранен, но сейчас жив и здоров. Спрашивал, как мать, как с едой и скотиной. Не знал он ничего...

Потом – ни слуху, ни духу. Тут недавно (я раньше писал) Победу все вместе праздновали. А Серёге бумажка под дых в конце мая:

«Уважаемая Пелагея Ильинична! (бабка Серёжкина)

Ваш сын, Ферапонт Иванович Строев, уроженец с.Первомайская, ныне старший повар энного артполка, пропал без вести в апреле 1945 г. в предместье Кёнигсберга. Учитывая боевой опыт и храбрость Вашего сына, награждённого медалью «За отвагу!» и орденом Славы, есть основания полагать, что Ф.И. жив, временно находится в плену или в полевом госпитале.

Не теряйте надежды, война идёт к концу!

*С уважением, политрук N-артполка,
майор артиллерии Ванштейн
4 мая 1945 г., Берлин».*

Ну, значит, он и надеялся. Папаня он у всех ведь один! Это мы здесь сироты эвакуированные, ни леса, ни речки толком не знаем.

* * *

16 августа 1945 г. Оказывается, к Серёге гости приехали: ветераны артполка, где служил отец. Они возвращались из Германии. Вот и решили навестить родню своего «кормильца», как они его в шутку прозвали. Мы тоже ходили послушать бойцов. В нашу глухую станичку они редко заходят. Первомайской её называли после революции, а так была Старо-казачья. Теперь деды и бабки. Молодых побили кайзеровцы. Остальные погибли, как рассказывали, кто на Сиваше, кто в походе с Тухачевским. Другие пропали в ущельях и песках после схваток с басмачами. Бабка

² Орфография и пунктуация внесены автором публикации. – Р.С.В.

Пелагея сказывала, что двух её родных братьёв зарубили махновцы, а самый младший (был ординарцем) бежал в Китай.

Вечером от души попиروвали: бекон, сардины трофейные, тушёнка говяжья (тоже американская). Однополчане Строева поведали, что не знали о нападении на кухню – слишком быстрым и мощным было наступление на Берлин. Затем – Прага, часто упоминали какой-то РОА. Прокатился слух, что Ферапонт пропал без вести...

Дорога к знаниям

Чуть не расплакался, вспомнив нашу квартиру на Невском проспекте, когда пили липовый чай с грушёвым вареньем на сахарине. Папа мой, инженер по вооружению, в середине 30-х исчез. Мать чернела на глазах, но всегда готовила яблочный пирог на его День Рождения. Помню, говорила что-то про Кирова. А ещё: «Вырастешь, никому не верь что...».

ЧТО??? Этого я так и не понял. Мама замёрзла у проруби на Фонтанке в первый год блокады. Нас эвакуировали по «Дороге жизни» в марте, когда таял лёд. Страху натерпелись от «юнкерсов» и «мессеров», а утром одна полуторка с людьми провалилась. Я раньше писал, как шофёр Рахимгалеев 13 человек спас, чуть не до смерти обморозился...

* * *

17 августа 1945 г. Ходили на карасей и карпов в соседний хутор Стрелецкий, – я, Димка и Серёга. С утра моросило. К полудню вышло солнце, припекло здорово. Поймали на навозника с десятков карасей грамм по 200-250 и двух карпят не меньше полкило каждый. Серёга, хитрец, додумался фрицевское печенье замочить и добавить в тесто. Карпята не выдержали, за что и попали на сковородку. Гости выпивали, много говорили о войне и товарищах, о партизанах-французах и диверсантах. Назавтра решили пойти за грибами, которые появились после недавних ливней.

Долго крутили патефон. Но женщины, в основном вдовы, не танцевали. Был удивлён умению воинов играть на немецкой губной гармошке наши народные песни. Легли очень поздно – уже светало.

* * *

18 августа 1945 г. Немцы в этих краях стояли недолго, но зла за собой оставили – не уместить в тетрадку. Говорят, начали строить узкоколейку, разрешили восстановить церковь – бывший зерносклад без колокольни. Народ здесь разный: кто-то предал Родину, присягнув «новому порядку», а кто-то, будучи старостой, как мог выручал крестьян, вступаясь за них и подпольщиков в комендатуре и перед бургомистром. Каждого чернявого, кудрявого, длинноносого, или с необычной (нерусской) фамилией клеймили, как «большевика-еврея». Тех, кто крепок (неважно, мужик или баба), гнали на работу в Германию. Отступали – сожгли, гады, несколько деревень. Даже детей не жалели. Дед Прохор, что кубари нам за рыбку и ягоды плетёт, рассказывал, как истязали комсомолку, дочь председателя колхоза «Знамя Ленина». Её повесили в центре станицы, потому что она не открыла тайны местонахождения коммунистов и отца ценой собственной жизни...

Как и собирались, с утра пошли за грибами на довоенную лесозаготовку. За войну там всё заросло (Серёга говорит, замшело), зато по пням радовали нас опять, растущее обширными кучками по древесному хламу. Сегодня их почему-то было маловато – и пол-лукошка не собрали. Командир взвода, капитан дядя Антон, родом из Зауралья, посмеялся над нами:

– Вы, ребята, ко мне бы в гости приехали. Опят вагон собрали бы! Подрастёте, приезжайте – адрес оставлю. Может, учиться поедете, или как? А главное – страну надо заново обустраивать, с колен поднимать, чтобы мы горевали поменьше. Я вот один остался из рода Морозовых: отец на Хасане, мать в лагере, сестра – медсестрой под Кромами. Все полегли. Сколько их, этих самых Кром от Москвы до Берлина...

Серёга предложил пойти за белыми и подберёзовиками в Малую Рощу. Перелесок был небольшой, смешанный: орешины, клён, осина, но

больше красовались на взгорье старые, крупные берёзы. Давно сюда никто не ходил. Деревья росли в полкилометре от насыпи так и не оконченной узкоколейки. Дёрнул Серёгу чёрт – стремглав побежал к роще, и, дурья башка, кричит: – Боровики – кажи каски! Фюреры – снимай маски!

Шаркнул он, как заяц в галопе, через насыпь. Мы от него поотстали, а взрослые те и вовсе шагом шли. Скрылся Серый в роще. И тут – как гроыхнёт! У меня аж живот к спине прикипел, горячей волной по лицу, словно углями осыпало. Столб земли метров на пятнадцать к макушкам берёз поднялся. В ушах – всё равно, что гвоздь провернули. Нас рваной дерниной закидало. Ей-Богу, тогда мне показалось, что внутри что-то оборвалось. Это я пишу ночью, рука дрожит. Плачу невмочь. Разорвало друга Серёгу миной из-за чёртовых грибов, никому даром не нужных. Мы мечтали пойти с ним на курсы артиллеристов «Выстрел». Правда, Серёга больше тяготел к авиации, подбивал меня поступить в Липецкую авиашколу...

* * *

19 августа 1945 г. На заре похоронили Сергея Ферапонтовича Строева на станичном погосте, где покоятся многие славные казаки, ровесники императора. Меня всего трясло, знобило. Мутило жуть. Хотелось куда-то убежать, забыться, заново родиться. Положили с ним его рисовальный альбом. Он любил копировать военные плакаты, секретничал, задумывая свои «КУКРЫНИКСЫ». Через неделю, выхлопотав бумаги, приехал дядя Антон и забрал нас с Димкой с собой. Экзамены там сдам. А потом – решил поступить на сапёра. Пусть он ошибается один раз, но я не хочу, чтобы такое повторялось. Буду добросовестно щупать землю, а быть войне – отомщу за всех. Сегодня же бросаю вести дневник. Очень тяжело. Прощай Серёга, дружбан военный! Год у нас с тобой была разница.

(ДАЛЕЕ ЗАПИСИ ПРЕРВАНЫ)

.....

* * *

Ноябрь 1952 г. Мы с Дмитрием в Новосибирске. Возобновил дневник по единственной уважительной причине – недели две назад получили весточку из Староказачьей. Пишет наша классная Сталина Васильевна. Бабушка Пелагея умерла. В Стрелецком запрудили каскад прудов. Планируют строить дамбу для рыбхоза. Школу расширили, приехали новые поселенцы и студенты. Добровольцев-строителей хоть отбавляй. Сталина зовёт нас – свои, мол, не чужие, каждую веху знают. Но самое горько-обидное, если не сказать страшное, вернулся домой отец Серёги

– кузнец и повар Великой Отечественной, немой герой СССР, Ферапонт Иванович Строев.

Ехать туда, в гремящую Первомайскую, нам чрезвычайно хочется, однако гложет чувство какой-то глобальной вины. Затрудняюсь описать какой именно, но всё-таки вины...

Бросаю дневник окончательно. Поеду в Ленинград. Надо узнать всё об отце. Не знаю, помогут ли люди в архивах.

7 ноября 1952 г., Новосибирск

(ДАЛЕЕ ЗАПИСИ ОТСУТСТВУЮТ. – Р.С.В.).

.....

На послевоенной Неве

ОКРЫЛЁННЫЙ ОРЁЛ

В знамени – честь, в оружии – слава

70-летие Победы народов СССР и его союзников по Антигитлеровской коалиции объединило множество мероприятий и различных торжеств, охвативших все воинские профессии.

Одним из них, как всегда забытым бюджетно-партийными СМИ Орловщины, явилось 82-летие Воздушного Флота. День авиации, провозглашённый 28 апреля 1933-го СНК СССР, ранее проводился в третье воскресенье августа ежегодно. Покорители

неба впервые отпраздновали его 18 августа того же года...

И вот сегодня, под легендарным, взмывающим ввысь «МиГ-17 бис» собрались пилоты, инженеры, техники, оружейники, орловчане и соотечественники, посвятившие жизнь служению истребительной, штурмовой, бомбардировочной, ночной, военно-транспортной, морской и учебной авиации. Под началом полковника ВВС, председателя Горсовета ветеранов Анатолия Костарева и лидера «Клуба авиаторов», подполковника авиации Алексея Власенко вспоминали крылатую молодость – Пётр Алексеевич Ступин, Юрий Иванович Шереметьев, Николай Григорьевич Иванов, Николай Сергеевич Вячеславов, Владимир Викторович Котиков, Николай Евстафьевич Галаш.

Каждый из них – фрагмент биографии Краснозвёздных ВВС, достойный внимания, изучения, подражания. Знакомимся накоротке: товарищ Ступин – со дня основания Орловского ИАП ПВО прошёл школу с первым командиром полка от техника – до инженера, отвечал за техсостояние «17-х» и «19-х» «МиГов» всех модификаций. Ветеран опирается на трость, а глаза остались задорно-молодыми, и в тоже время – цепкострогими...

Наш небесный «князь» Шереметьев – военлёт высокого класса, – досконально знал плюсы и недостатки «МиГ-15», «МиГ-17», освоил норовистый «СУ-9». О себе не говорит. Вспоминает, что советские лётчики совершили в годы Великой Отечественной 3 млн. боевых вылетов, «сняв» с родного неба и в ходе ударов по аэродромам 57.000 самолётов Люфтваффе...

Боевые заслуги МиГ-17
воодушевили скульптора
к сооружению монумента
в Орле

Автор памятника авиаторам
О.С. Вернослов

Кубанец, майор ВВС Иванов, имел пять смежных авиаспециальностей. Сменный руководитель на ВПП, обеспечил около 5.000 безаварийных посадок на аэродромах Курил, Сахалина, Орла. Однако он остаётся безоговорочно-правдивым, с укоризной покачивая пальцем «МиГу»: переход с поршневых истребителей на реактивные – похоронил не один десяток его ровесников и мастеров боевого пилотажа, выживших в Великой войне с Германией и Японией...

С тех же сверхдальних Курил прибыл в авиачасть Орла майор техслужбы обеспечения ВВС, с редкостной русской фамилией Вячеславов. Волгоградец из Тарновского городка начинал с Дальнебомбардировочной авиации ещё при Маршале А.Е.Голованове (чудом выжившем в ходе репрессий). Позднее – вместе с однополчанами-техниками работал со всеми типами военных самолётов...

28 лет ВВС СССР отдал его коллега, инженер Котиков, на всю оставшуюся жизнь запомнивший резкое сокращение лётсостава в конце 40-х: многие лётчики не вернулись с войны, умерли от ран, погибли при ясных и загадочных обстоятельствах...

Высокий, с орденскими планками, воентехник Галаш – молчалив, тукает по асфальту наконечником белой трости. Но опыт за ним – чувствуется, огромный, что подтвердил нам мастер спорта А.М. Маслов, десятилетиями служивший заместителем начальника ЦПАК им. С.Н. Анохина по лётной подготовке.

Собравшиеся на митинге вспоминали заслуги и профессионализм Героя Советского Союза, белгородца Николая Григорьевича Сурнева. Выдающийся пилот 472-го ИАП в годы войны уничтожил 23 машины противника, но к горечи всех, кто его знал, погиб в 1952-м под Верховье, пилотируя «МиГ-15 бис». Назывались имена замечательных небопроходцев, выпускников Орловского аэроклуба Ю.В. Косарева, А.И. Цеберга, С.Г. Шульгина, Н.Г. Антипова, П.С. Пикалина, Н.П. Тимохина, инструкторов В.П. Ермолова и А.И. Воробьёвой. На У-2 земляка Н.Н. Поликарпова стартовали в небо войны и мира: К. Рыжкова, З. Полехина, Герой Советского Союза А. Худякова, будущий генерал-майор С.В. Маслов, П. Чубаров, А. Молодчий, И.А. Аникеев и многие другие.

Геннадий Лавриненко рассказал о родном брате, лётчике-истребителе Николае Евсеевиче Лавриненко, освобождавшем Орёл летом огненного 1943-го. Будучи командиром группы ИАП, Коля и его крылатые собраты первыми столкнулись в небе с новейшими «Фокке-Вульфами-190», ошибочно приняв творение Курта Танка за модифицированные «Ла-5ФН» авторства Семёна Лавочкина. В одном из боёв «маэстро» был тяжело ранен, но не вышел из схватки, пилотируя истребитель одной рукой, вернулся на свой аэродром. Долго лечился в Тульском военгоспитале, основанном супругой Президента США Ф.Д. Рузвельта – Элеонорой.

Выжив в небесно-земном кошмаре войны, Николай ушёл в мир иной, с 18-ю осколками вокруг сердца, отказавшись от операции...

Все, в том числе послевоенное поколение авиаторов в лице майора А.С. Чесовского, подполковника А.Г. Власенко и прошедшего Неби-даг подполковника В.Н. Хрис-

А.А. Костарев и А.Г. Власенко:
«Дружба воинов умножает их силу!»

тьюкова ожидали, что на митинг обязательно подойдёт живая легенда Орловщины, ветеран Великой Отечественной Владимир Николаевич Гурьянов, служивший в ИАД ПВО в Германии с сыном Вождя – Василием Сталиным. Увы, небесный витязь не смог участвовать в празднике – уважаемому ветерану 89 лет. Многие посетовали: у одного из первых истребителей реактивной эры нет ни одной лавочки. Другие шумели из-за памятника Н.Н. Поликарпову, которого превратили в «металлического негра», покрасив его чёрно-смоляной краской.

Защитники неба и его рубежей над морями-океанами Родины говорили о важности сплочения общества, Вооружённых Сил, о преемственности поколений и актуальности возвращения народных масс в ряды военной и гражданской авиации. К подножию монумента, с поклоном были возложены венки, свои цветы, выращенные на дачах. Авторы строк добавили к ним юбилейный номер «Орловского Военного Вестника» с автографами, где есть очерк «Орлы» в небе войны» о 16-ти Героях ВВС Советского Союза, родившихся на Орловщине.

Пронзительно звучали слова о забвении отрасли и равнодушии чиновников, превративших великий патриотизм в бюрократическую бумагопорчу, действующую на искажение вечности. Памятник смельчакам и мастерам авиатехники, поставленный им в брежневские времена за труд и волю в небе и на земле – остаётся безымянным, хотя десятилетиями претендует быть именованным. По всей площади постамент под «МиГом» достаточно места для размещения инициалов орденоносной плеяды земляков, штурмовавших небо в 20-х, 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годах XX века...

Нужно помнить о пилотах, воевавших в Корее, Вьетнаме, Афганистане. Значительно важно, чтобы Святым Делом – воскрешением заслуг павших и живых занималось «младое племя», а не общественность, избегавшая за сотнями подписей для урезонивания хладнокровных аппаратов власти. Подвижникам помогут ветераны, военкоматы, книги и мемуары по истории отечественной авиации, испытатели и писатели, родня небопроходцев и реставраторы авиатехники.

Очевидно, автор установки «МиГа» Вернослов сказал бы прямо: «ОРЁЛ НЕ ЖИВЁТ БЕСКРЫЛЫМ!». Ещё не поздно научиться совершать благородные поступки, а не глумиться над обществом демагогией в бюджетных СМИ на средства народных налогоплательщиков.

Так завещало нам Поколение Победителей, для которых воздушная мощь страны ковалась усилиями и подвигами всей державы, в противовес сталинскому шлягеру «И вместо сердца – пламенный мотор»...

*18 августа 2015 г.,
Город Первого Салюта и Воинской Славы – ОРЁЛ*

Верность присяге рождает героев

На всероссийском праздновании 120-летия со дня рождения авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова на его Родине, в Ливенском районе

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ

(Быль)

Бывший бригадир совхоза «Большевик» Максим Житиков не дотянул до своего 85-летия всего-то три дня. Остановилось сердце земледельца, гремевшего трудом на всю округу...

Отовсюду – со всей страны – съехалась многочисленная разновозрастная родня, проводить Максима Григорьевича в последний путь в этом мире. Почти два километра несли труженика на руках в берёзовую рощу, и не умолкали на устах прибывших воспоминания о славном и тяжёлом, о добром и подлом, о товариществе и предательстве, воспоминания народа о самом себе. Они – устные вехи истории – озвучивались на девять и сорок дней, ночью и днём, до них и после них, а письменные ложились в скупые строки писем и телеграмм...

... Едва он сделал первые шаги, попали Житиковы под раскулачивание с высылкой и конфискацией. Перебивались кое-чем от природы, с хлеба на квас, да и то не вволю. Там, на зауральских поселениях, мать со старшей сестрой покинули мир из-за тифа. Дед запил – горькая его и сгубила. Отца с верёвки снимали, убивался по

супруге летом и зимою – без разницы. Потом – образумился, на тракториста выучился, пристрастился к походам с ружьишкой по свободным дням. Схоронил односельчанина-друга, в одном эскадроне ещё при Его Величестве воевали. Пуля обошла, а лесиною задавило по первым декабрьским морозам. Проводили – помянули, а Григория след простыл. Пошёл домой напрямки через речку ночью. Долго не рассказывали дядьки Максимкины, что старший Житиков с кладки сорвался. Ему скоро «Фордзона» получать надо было. Не сложилось. Отправили его пацана с оказией обратно, к родной тётке на малую родину...

Рос Максимушка не по годам сметливым, не хулиганистым и не злобным. В кого и по чьим стопам пошёл – сам не знал. Любил лапту, собак, кошек и лошадей, особенно – порыбачить. Бывало, на удочку – ни хрена, в кубари – тоже, а он – часами шастает до озноба руками, под корнями деревьев в замоинах. Попадались голавли и подъязки с крупной плотвою, а однажды налима скользущего с фунт ухватил. На огородах тёткам помогал, за грибами-ягодами сходить – никогда не отказывался. Помаленьку сам читать научился и по пальцам считать. Повзрослел – стали ему доверять овец, коров, телят и лошадей попасти, кобылку посмирней запрячь, бурёнку подоить.

Не успел Максим первый свой сенокос по-взрослому отмахать, свалилось горюшко адское – в о й н а. В аккурат к красным ноябрьским

немчура заняла большинство райцентров, сёл и деревень области.

Мотопехота и конные – те и до хуторов дошли. Лошади – «Гут!», свиньи – «Гут!». Только и слышишь: «Матка, млёко, яйки, руссиш ферштеен, шнель-шнель!». Всё отобрали, гады, через этот чёртов «ГУТ». Где страхом и силою, где по доносам «врагов коммунизма». Вымучили, сукины дети, почти что каждую семью...

Максимкину хату ту и вовсе одну из первых сожгли, «за дружбу с пролетариями-евреями». Кто такие евреи, пацан не знал. Зато посреди ночи увёл последнюю живность селян к линии фронта.

Страху натерпелся – не опишешь. Раз остановил патруль на мотоциклах, близ развилки у леса, перед бродом. Старший немец, вертлявый, словно выдержанный навозник, немного русский знал. Пристал, крепче репя: «Кинд! Гут скатина, чия? Партизанен унд камисар?! Гавари, кинд, – не унимался офицер, щупая отворот кобуры.

– Староста наш приказал к господину бургомистру в райцентр. Там, наверно, их всех убьют. Мужиков в селе нет, полицаев и комендатуры тоже. Вот мне и поручили, как старшему, сопроводить.

– Самый старий кинд? Далжно аусвайс ауф гут скатина! Так чия? Найн хазяин – кушать Вермахт. Ферштеен?!

Через годы Максим Григорьевич, рассказывал детям и внукам, как спас его краснозвёздный самолёт. Неожиданно вынырнув из-за леса, он сбросил бомбу и пошёл на второй заход, вынудив немцев сматываться. Коровы и лошади, тем временем, испугавшись рёва самолёта и взрыва бомбы, быстро перешли брод и вошли в посадку на другом берегу. Максим отлежался в прибрежном тростнике, но немцы больше не вернулись. На следующее утро вышел к своим. Наши подарили ему плащ-палатку,

сапёрную лопатку и пилотку. Позже, по фотографиям, Максим Григорьевич опознал самолёт – то был легендарный штурмовик «Ил-2»...

Кончилась война, а у юноши пустой подвал – вот и всё богатство. Тётку угнали в Рейх – она уже не вернётся. Поплакал на авошнике втихаря, решил самураев бить. Пытался обмануть военкомат, чтобы уйти добровольцем, – не удалось. Перевернул он своей сапёрной огород под зиму, перенёс брошенную немцами «буржуйку» в ещё крепкий сарай, заготовил дровишек и рыбы.

Рыба спасла его по всем направлениям. Он ел её сам и менял на молоко, масло и скудный хлеб, на «тошнотики» и даже на гвозди. Бабы жалели сироту, кой-чего собрали из одежки вдовы солдатские. Так и перекапывали зиму с ранней весной – он помогал сельчанам, они – ему: где улыбкой и добрым словом, где нужной вещью и совместным трудом.

С Всеобщей Победой не пришло освобождения от мук. Сверх половины мужиков не вернулось из Великой Сечи за свою и чужую землю. Не вернулась призывная молодёжь. Лишь двоим угнанным девочкам удалось выжить в концлагере, да и то одна из них вскоре удавилась. Максим уехал в город. Работал грузчиком на железнодорожном вокзале, а после смены посещал вечернюю школу для рабочих. Увлёкся историей и техникой, и здесь же – в вечерней школе – повстречался со своей суженой, тоже сироткой Машей, потерявшей семью при бомбардировке эшелона в ходе эвакуации...

Достоинство отслужив сигнальщиком на Балтике, Максим вернулся в родные края, узнав, что восстанавливается колхоз и строится дорога. Прошёл путь конюха, кладовщика, механизатора-водителя, заместителя агронома и бригадира. Трёх сыновей подарила ему Мария. Все пошли по отцовской линии – служить кормилице – земле. За высокие показатели в урожаях, надоях и привесах не раз премировался бригадир и его соратники. Выдавались путёвки на Кавказ и в Крым...

Как понесло страну бездумно перестраиваться, так Григорич стал сердечком хворать, а после путча в Москве вообще слёг. Эмоционально-взрывной темпераментом, человек сложной судьбы, он не принимал ни коммунистов, ни демократию, ибо понимал систему любой власти – дойти разум и силы людские любой ценой. Он помнил горе раскулачивания. Сам в слезах пилил свой сад, сокращал животину на подворье и посеял на усадьбе. Человек без высшего образования мог утрясти прямой простецкой мудростью чиновника и академика, профессионала-агрария и зарубежного гостя от промышленности. Он лично писал письма двум президентам о недопустимости купли-продажи земли, разработал проект жизнедеятельности села, чтобы молодёжь не бежала в город и не читала заграничное выше отечественного.

Видя, что словесами и документами не пробить стены экс-партийных «буржуев», Максим Григорьевич основал фермерское хозяйство вместе с сыновьями. Очистил и запрудил старый пруд. Завёл карпов, уток, кроликов, гусей и пчёл – на себя с семьёй и на продажу. Выкупили

старый «ГАЗон» и «Беларусь». Привели в порядок плуг, борону, сеялку, бочку из-под кваса под рыбу. Держали лошадь и, памятуя отца и деда, охотничьих собак. Планировали прикупить подержанный «УАЗик», но с обесцениванием рубля всё рухнуло в пропасть...

Немым укором смотрит почивший Герой Труда Максим Житиков на чужие вспаханные и прокультивированные дали, перешедшие на 25 лет немцам с правом продолжения договора об аренде. В окружении ушедших от разных житейских причин односельчан, среди ягод и грибов, под покровом молодых и стареющих берёз, круговоротят сознание дух и мощь наших предков, разрубающих пространство вопросом: «КАК ВЫ МОГЛИ, КАК?!»

Рыбалка на Свале перед Рождеством

МИЛИ И ВЁРСТЫ ВАСИЛИЯ ЛАВРИЦЕВА

(К 95-летию со дня рождения Героя Советского Союза)³

В моменту вхождения деревни Крюково в Колпнянский район Орловщины крестьянский сын Василий успел окончить неполную среднюю школу и приобрёл опыт строительных работ. Через год после нападения Германии на Польшу, когда Франция поразила мир сложением оружия перед нацистами, молодца призвали в ряды РККА.

В 21 год Василий Алексеевич угодил в жестокие сражения первого этапа Великой Отечественной. Вместе с добровольцами-моряками с июля 1941-го земляк оборонял Одессу. Его отряд отличился в составе 161-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии под станцией Выгода. Позднее, из-за опасности положения на Южном фронте, Ставка ВГК и Генштаб КЧФ использовали Одесский оборонительный район для укрепления Крымского полуострова, проведя широкомасштабную эвакуацию сил в Крым, поскольку войска агрессоров создали критическую обстановку.

В сжатые сроки, до июля 1942 года, Лаврицев закончил курсы минёров в Военно-морской школе КЧФ. Буквально с ходу его направили в 1-й местный стрелковый полк береговой обороны ВМБ Севастополь. К тому времени Кригсмарине и союзникам Германии пришлось перебросить в Чёрное и Азовское моря многосотенный «москитный» флот, сотни вспомогательных судов, 14 субмарин, привлечь практически весь флот придунайских держав и профи из эскадр Люфтваффе.

Битва за Малую Землю

Истребляя врагов на Мекензиевых горах, отважный моряк получил ранение и был срочно эвакуирован финальным рейсом легендарного лидера «Ташкент». О «Голубом крейсере», как окрестили новичка на Чер-

³Родился 5.12.1920 г., награждён «Золотой Звездой» Героя Советского Союза 23.09.1944 г. (посмертно).

номерье, вспоминает его командир, контр-адмирал В.Н. Ерошенко: «Слегка откинутые назад мачты и трубы, первая из которых как бы срослась с крыльями мостика и обтекаемой рубкой, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака – всё подчёркивало стремительность корабля, говорило о большой скорости хода. Возвышавшиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление о его ударной мощи».

По чистой случайности Лаврищев не погиб с ранеными и частью команды 3 июля 1942-го при потоплении «Ташкента» вражеской авиацией в порту Новороссийска. Всего шесть дней назад могла произойти наитягчайшая трагедия КЧФ и Севастополя: крейсер перевозил, без учёта плавсостава корабля, более 2 300 жителей и раненых (в два раза больше, чем на лайнере «Титаник»), а также реликвию-панораму «Оборона Севастополя 1854-1855 годов»...

Подлечившись в госпитале, командир роты ПТР 2-го батальона 107-й отдельной стрелковой бригады 18-й Армии Василий Лаврищев уничтожил противника близ Туапсе, у железнодорожной ветки Гойхт, в октябре 1942 года. В февральскую стужу 1943-го смельчак участвовал в знаменитом десанте в районе Станички и Мысхако, вошедших в историю войны под наименованием «Малая Земля» (Южно-Озерейская десантная операция).

Девятнадцать раз крестоносный неприятель атаковал рубежи обороны 18-й Армии с рассвета 17 апреля. Тогда батальон и рота Василия Алексеевича восемь раз останавливали натиск фрицев и контратаковали противника. Было захвачено множество боевых трофеев, в том числе – 120 винтовок, 25 автоматов и три крупнокалиберных пулемёта. В перестрелках и рукопашных нашли смерть сотни солдат и офицеров. Кроваво-огненный апрель отразится на груди капитана Лаврищева орденом Красной Звезды...

Одно из последних фото Лаврищев с борта лидера «Ташкент» Василий Алексеевич

Противостояние в Крыму не имело затишья и передышек. Уже в сентябре боевой сподвижник Цезаря Куникова в авангарде наступления на Новороссийск снова был ранен и отправлен в тыл, на лечение в госпиталь.

Беззаветная любовь к Родине помогла её защитнику быстро под-

няться на ноги. В конце октября он прибывает в 351-ю стрелковую дивизию, где назначается заместителем командира стрелкового батальона 1161-го стрелкового полка, которому предстоит сражаться под Киевом. В окрестностях Шепетовки (у села Хролин), Василий, оценив неприступность окопавшегося врага, проявил «махновскую» смекалку, использовав тройку лошадей и сани вместо «тачанки». Мгновенный рейд и кинжальный огонь пулемёта Лаврищева под прикрытием друзей-автоматчиков решили исход боя за Хролин с минимумом потерь среди однополчан.

По мартовской распутице 1944-го герои под началом капитана первыми выдвинулись к Днестру, одновременно сокрушительным штурмом выбив неприятеля из села Лука. В ужасе от внезапности атаки сложили оружие 106 венгерских головорезов. Неся потери и всё же развивая успех на пределе возможностей, фронтовые побратимы Лаврищева вместе с комбатом 29 марта вышли в лидеры в ходе форсирования Днестра, захватив плацдарм около сельца Незвиско, чем способствовали оперативной переправе товарищей по оружию.

На 1-м Украинском фронте дивизия и батальон мастера атак и обороны взаимодействовали с броненосцами 1-й танковой армии, гвардейцами М.Е.Катукова. В бою за село Рошнев Ивано-Франковской области фашисты запалили дома и постройки. В этот момент «лаврищевцы» на бегу расстреляли отряд факельщиков и смогли укрепиться в селе. Их было шестьдесят – советских офицеров и солдат. При них – несколько ручных пулемётов, четыре станковых. В роте миномётчиков имелись четыре миномёта калибра 82 мм, немного мин и «сорокопятка» с минимумом противопанцерных снарядов...

Против русских немцы бросили венгерский полк, который, неудачно атаковав, всё-таки окружил Рошнев. Трое суток, днём и ночью, наши бойцы отбивали 35 яростных атак иноземцев приспешника Гитлера – Хорти. Героев круговой обороны выручили трофеи, взятые в боях – тысячи патронов, 30 пулемётов, две сотни гранат, 100 винтовок, ибо боезапас батальона был на исходе.

9 апреля из-за удара оккупантов по левому флангу, капитану Лаврищеву приказали покинуть Рошнев, отходить под Букивну для соединения с однополчанами. Ночь прикрыла батальон – он вышел к своим, не оставив раненых, трофеев и 45-ти пленных.

Впоследствии 3-й батальон майора в числе передовых отрядов 351-й дивизии участвовал во Львовско-Сандомирской операции. Сметя противника с тракта Станислав – Надворная севернее Бородчан в сумерках 26 июля, утром следующего дня батальон настиг 40 танков и два полка пехоты. Итогом бесчинств отступающих соединений группы армий «Северная Украина» явилась кара победителей: гибель сотен солдат и офицеров, пленение около 700 захватчиков, взятие трофеев – 1500 винтовок, 100 гружёных подвод, свыше 10 авто и 16 танков на ходу. То было

предвестие конца для войск генерал-полковника Й.Гарпе и подчинённой ему опытной элиты Вермахта...

Переломив неприятеля в Оболонье, дивизия Лаврищева вышла к городу Долине к исходу 29 июля, с марша вступив в бой. Трёхкратные попытки оккупантов отбросить освободителей за пределы населённого пункта потерпели полное фиаско.

Спустя сутки – 25 танков и 19 БТР противника, поддержанные огнём артиллерии и шестиствольных миномётов, атаковали 1161-й стрелковый полк, прикрывая собой одновременное наступление двух полков пехоты. Используя превосходство в технике, враг окружил русский батальон на улицах Долины. Две роты 1-го батальона тоже попали в капкан, но Лаврищев, взяв командование на себя, успел выставить круговую оборону грамотным распределением сил. При атаке КП ему и его соратникам удалось контратаковать гитлеровцев. Соединение билось три дня в окружении и с честью вырвалось из кольца с оружием в руках, понеся безвозвратные потери...

Последний бой майор В.А.Лаврищев принял при кровопролитном форсировании реки Свича. Ленинский орденосец, Герой державы, по завоёванному праву гордившийся двумя орденами Красной Звезды и орденом Александра Невского, навечно упокоился в Долине, 6 августа 1944-го – через год после освобождения Орла и Белгорода. На могиле Василия Алексеевича – памятник, но что с ним сегодня, учитывая свастиковую «славу Украины» – трудно сказать. Именем колпнянца названы улицы в Долине и в Ужгороде. Его имя носила школа № 1, там, где комбат лёг на вечный покой, завещая потомкам: «Потерявшим память – прощения нет!»

5 декабря воину-победоносцу исполняется 95 лет со дня рождения. Вспомнят ли об юбилее Героя в Колпне – фрагмент истории 70-летия Победы, спаянного с Годом русской литературы.

*15-16 ноября 2015 г.,
г. Орёл - Курская область - Колпнянский район – Орёл*

ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ «НОВОРОССИЙСКА»

*«Здесь вода врывалась с гулом
В трижды прорванные трюмы:
Горе сковывало скулы,
Ярость накаляла думы».*

Капитан I ранга В.И.
Васильев

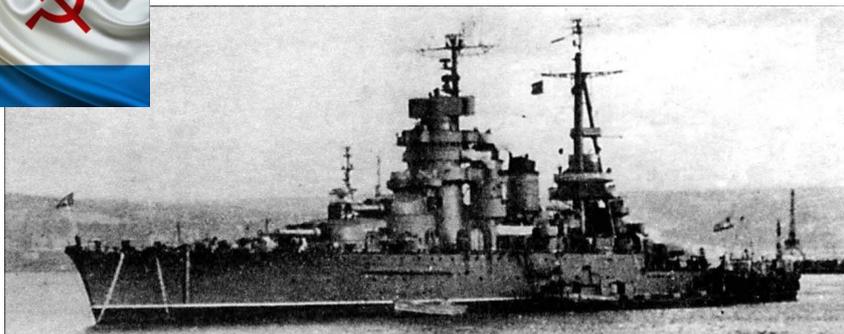
Поэт-маринист Алексей Лебедев
(Отрывок из стихотворения «Новороссийск»)

29 октября 2015 г. в 15.00, в Москве, на Поклонной Горе состоялся митинг моряков, посвящённый 60-летию трагедии экипажа линкора «Новороссийск». Бывший устаревший дредноут ВМС Италии «Джулио Чезаре» («Юлий Цезарь»), сошедший со стапелей в 1913 году, достался КЧФ после войны при разделе королевского флота между ВМС союзников по Антигитлеровской коалиции.

В ночь с 28 на 29 октября 1955 года произошла страшнейшая катастрофа ВМФ СССР: линкор взорвался, перевернулся и затонул на рейде Севастополя, унеся с собой 609 моряков. Среди жертв загадочного (и долго сокрываемого от общества) сдвоенного подводного взрыва – были и орловцы. Не вернулись живыми на Родину – в Новодеревеньковский и Покровский районы – Евгений Сергеевич Косов и Андрей Сергеевич Ларионов. Не увидят родных сыновей и возлюбленных в Знаменском, Орловском, Мценском районах: Степана Степановича Фомина, Николая Ивановича Карманова, Алексея Александровича Матюшкина. Краснофлотцы-земляки и их черноморцы-сослуживцы были посмертно награждены «Орденом Мужества» спустя 44 года – в 1999 году...

По зловещей аналогии, советский «Новороссийск» напомнил военно-морским экспертам судьбу одного из флагманов Николаевского Флота – линкора «Императрица Мария». Тогда (в той же акватории ВМБ Севастополь) из-за серии взрывов близ 1-й башни главкалибра оборвалась жизнь 225 верноподданных царя, 85 моряков получили тяжелые ранения и увечья...

Загадка «Марии» канула в Лету вследствие Гражданской войны, антифлотских преступлений большевиков, гибели офицеров в Крыму и их последующего отхода в «бананово-лимонные Сингапуры» (по песне А. Вертинского). В новом времени, после Великой Войны в Европе и в Азии, спецкомиссия по расследованию катастрофы на «Новороссийске» была поставлена перед фактом: корабль получил пробоину около 150 квадратных метров – фатальное повреждение для части команды...

Несчастный линкор «Новороссийск»

Орловец
Евгений Косов

Члены экипажа линейного корабля

Русская церковь
помнит о подвигах моряков

Авторы на митинге
в Дмитровске

Спустя 60 лет собравшиеся ветераны Флотов Советского Союза вспоминали добрым словом бывшего командующего КЧФ, адмирала В.А. Пархоменко, пострадавшего из-за интриг власти наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, замечательную флотскую династию Никольских. Хранители славных традиций и подвигов плавсостава Флотов в годы Великой Отечественной войны говорили о методичном искажении истинных причин трагедии, о неверности ряда трактовок СМИ, даже при снятии табу с секретных документов, об использовании «Новороссийска» в лживо-пропагандистских целях идеологами «холодной» войны. Большинство адмирально-капитанской элиты сошлось на мнении, что эксплуатация «итальянца» с проржавевшими переборками и наследственными «болезнями» кораблей серии «Кавур» – была опасно-преступной авантюрой, без технически-ходовых испытаний и полного объёма техдокументации...

Героизм экипажа в борьбе за живучесть и сохранение корабля не подлежит забвению. И сегодня, когда Крым и Севастополь, к радости всех, снова в составе России, мы обязаны помнить и изучать наследие контр-адмирала Н.И. Никольского, подвиги матросов, старшин и офицеров под началом командира «Новороссийска» и дежурного по кораблю З.Г. Сербулова и Никитенко, командира электротехнического дивизиона Е. Матусевича, лидера 1-го артдивизиона В. Марченко.

Перед переворотом и затоплением 186-метрового «цезаря» отличились собранностью и сверхмужеством глава спасателей Кулагин, капитан Амбокадзе, старпом Хуршудов, инженер-капитан Городецкий. Навсегда, вместе с орловцами, остались в историческом строю ВМФ Отечества матросы Литвин, Шиборнин, Воронков, Столяров, Кононов, Лемберг. Была вода – землёй, и экипаж – семьёй для их товарищей от побудки – до камбуза и отбоя – матросов Смышнова, Попова, Онуфриенко, Семиошко, Хабибулина и многих других...

Будете на Братском кладбище в Севастополе, поклонитесь с детьми ушедшим в бессмертие «новороссийцам». Здесь – Скорбящий матрос с траурно приспущенным флагом ВМФ СССР, тут сверкает бронзой винт линейного корабля. В граните – фрагменты эпопеи по спасению линкора и экипажа, а на мраморе – подпись:

«Мужественным морякам линкора «Новороссийск», погибшим при исполнении воинского долга. Любовь к Родине и верность присяге были для них сильнее смерти». На пьедестале монумента-памятника выбито золотом: «Родина – сыновьям».

Вопрос о забвении полного списка погибших, об антипатриотичных поступках СМИ и хранителей музея КЧФ – отдельная тема, как и полный анализ технических или диверсионных причин непоправимого горя флотской братии. Противостояние военных моряков с партноменклатурой И. Сталина–Н. Хрущёва–Л. Брежнева–Ю. Андропова абсолютно не изучено. Что ещё хуже – ни у журналистов, ни у писателей нет стремления его изучать. Но если бы потомки «морских волков» и попытались бы

развязать тесёмки позора и героизма, они однозначно столкнулись бы с недоступностью архивов отечественных и зарубежных секьюрити, с вероятностью сохранения тайн «Новороссийска» в спецхране ЦРУ США.

Не позабудем трагичную октябрьскую ночь 1955-го... Вопросы, поднимаемые временем, требуют прохождения энного отрезка времени, ибо, по выражению Поля Валери, «будущее уже не то, что было раньше».

15-31 октября 2015 г., Орёл – Москва – Подольск – Орёл

*При подготовке материала привлекались документы, предоставленные Председателем Совета ветеранов КЧФ в Москве, капитаном I ранга В.И.Васильевым и мемуары контр-адмирала Н.И.Никольского «Почему погиб линкор «Новороссийск?».

Урок мужества с капитаном I ранга В.И. Васильевым (слева)

ПОЛЁТ В БЕССМЕРТИЕ

"Россией правят не "белые" и не "красные". Россией правят бюрократы. Это многоликие оборотни. С утра он - "демократ", в обед - "коммунист", к вечеру - "патриот". Под этой маской - обычный хапуга и взяточник", — таково наследие мыслесложения, гражданская позиция новочеркасца, шлифовальщика, выпускника Рязанского училища ВДВ, генерала Александра Ивановича Лебеда.

Ветеран Афганской войны, прошедший путь от командира взвода до командующего армией, награжденный орденом Красной Звезды, отличник военнакадемии им. М. В. Фрунзе видел зло в схеме "взятка — чиновник — карман" и ратовал за оперативную реализацию своей программы "взятка — чиновник — тюрьма". Бывший командующий 14-й армией в Приднестровье, секретарь Совета Безопасности РФ на начальном этапе чеченско-российской войны не с бандитами, а с мировыми военно-финансовыми силами воинства Аллаха, говорил, что в Чечне "надо воевать одним полком. Полком кремлевских детей". Своим активным участием в обоих кровавых конфликтах он лично в короткие сроки погасил самоуничтожающий огонь противостояния, очаги новой гражданской войны, за что ему благодарны тысячи уроженцев бывшего СССР. А он вынужденно уволился в запас...

Мы обязаны помнить, что при прогрессировании теоремы случайностей возникает цепь трагедий, переходящая (в политике) в закономерность физического устранения неугодных лиц. На примере новейшей истории мира элита и толпа так или иначе сталкивались с катастрофами, в которых были уничтожены редчайшие личности, авторитеты наук и искусств, выдающиеся подвижники религии и техники, поставившие свою жизнь на благо служения справедливости, добру, честности, Родине, планете и народу.

Лебедь погиб, как и подобает птице Свободы — в воздухе. Однако он ушел от нас на боевом посту — в рамках и полномочиях очень сложной должности губернатора Красноярского края. В мире пернатых лебедь — символ благородства, верности и товарищества, вечный странник и знаток географии родного края, в людском понятии более значимый, чем голубь. Лебедь в облике человека, современника, друга, генерала и гражданина, отдавшего голоса Б. Ельцину (слабохарактерно сложившему полномочия Президента(!) в пользу В. Путина), навсегда останется в памяти и сердцах, как символ флагмана, живущего ради свертывания братоубийства, национальной и религиозной ненависти, считая, что войны ведут слабые, а сильные их не допускают...

Я дружил с Александром Ивановичем, и мне, как и многим другим представителям русской интеллигенции, все эти годы за державу было обидно. Сегодня мой долг опубликовать слова заслуженного военного и государственного деятеля, адресованные лично мне в одном из его

красноярских посланий, ибо неизвестные строки из его жизни неизбежно докажут соотечественникам кровную свободолюбивость людей Свободы.

То, что произошло с вертолётom губернатора, даст почву для рождения грязнопотоков и суперелейной лжи как кормящейся жареным прессы, так и манипулирующего драгметаллами и нефтью ближайшего окружения. Вероятно, смакует победу двуликий "друг народа" и "борец за его счастье" Быков, мало ли что возможно... Но могут ли быть норильские недра драгоценнее богатств высокопорядочных человеческих отношений? Почему В. Путин в недавней поездке по краю не встретился с бывшим претендентом на президентский пост и вычеркнул его имя? Разве страна не удивилась немым теленовостям? Ответ, если придёт, опубликуется через десятилетия; "чёрный ящик", как и вахтенный журнал атомохода "Курск", перед нами не вскроют. Так вспомним же сегодня добрым словом Александра Ивановича Лебеда, никогда не пресмыкавшегося перед властью, говорившего правду, выполнявшего, что обещал, защищавшего Родину и интересы народа, любившего жену Инну, двух сыновей и дочь до туманного утра 28 апреля 2002 года.

БОЕВАЯ ДИНАСТИЯ ЛАВРИНЕНКО

«Дал клятву я: жизнь посвятить народу,
Стране своей – Отчизне из отчизн.
Для этого, хотя бы жил столетья,
Ты разве бы свою не отдал жизнь?!»

Муса Джалиль

Да, были, есть и будут у России люди, чья любовь к Родине, словно в пословице – на огне не горит и в воде не тонет. К ним относится уважаемая семья Евсея Артёмовича и Таисии Ипполитовны Лавриненко, чья редкая судьба отображает не только историю страны, но и послужит доблестным примером патриотизма сегодняшнему поколению.

Глава семейства 1894 года рождения, уроженец Черниговщины, из батраков. В 1908-м, не имея земли, переехал с родными в Амурскую область. Там получил путёвку в жизнь, строя железнодорожную магистраль, позднее – трудился на рыбопромысле.

В 1914-м начал службу в Хабаровске, в 6-й Сибирской стрелковой артбригаде. Выучился на феерверкера. В годы Гражданской Евсей ушёл в подполье, где подружился с легендарными товарищами А.Краснощёковым и Ф.Мухиным. 24-летний бывший помощник комроты царской армии организовывал рабочие дружины и агитировал в Благовещенском гарнизоне с целью свержения эсеров А.Керенского. Под Рождество 1918-го, член ВКП(б) Лавриненко, бойцы Овчинников и Неверов захватили арсенал полицейского управления Благовещенска, обезоружив отряд жандармов.

Оружие передали трудящимся бывшего Чепуринского завода, однако Гашовская банда под контролем японцев арестовала штаб подпольщиков в том же январе. Схватили 11 человек. Всех приговорили к расстрелу, продержав неделю в одиночках. За полчаса до исполнения приговора – своих спасли красногвардейцы, осуществившие налёт на тюрьму...

Евсей Артёмович стал одним из активнейших организаторов партизанских отрядов и Крестьянской Повстанческой Армии 2-го района Амурской области до конца ликвидации интервенции и колчаковщины. В середине 1918-го он с братьями по оружию ретировался в тайгу, где сформировал 1-й Амурский Красногвардейский полк. Став его командиром, отличился в боях с белоказаками и японцами на КВЖД.

Осенью у села Успеновка (в нём проживала его семья), Лавриненко был схвачен «семёновцами» и посажен в карцер в городке Завитая, с определением: «В эшелон смерти». Жизнь уберегла героя от трагичной судьбы Виталия Бонивура и Сергея Лазо, замученных самураями. Лидер карателей палач Сиваев был убит красными, что дало возможность «выкупить» партизана за 10.000 рублей. И снова – тайга, партизанское дви-

жение, участие в нелегальном Красноярском съезде, разработка диверсий против колчаковцев и японских головорезов. Все помнили заповедь сожжённого в паровозной топке Лазо: «Народ победить нельзя!».

В дальнейшем Евсей избирался членом РВС НРА, ликвидировал врагов в «читинской пробке». Его делегировали от РККА по проблематике объединения ДВК с РСФСР, ввели в ряды Учредительного собрания от Красной Армии Дальневосточного края.

В год смерти В.Ленина закалённый в схватках большевик подавлял кулацкий бунт на Амуре в должности начальника боевого участка. Затем возглавлял райотдел милиции г.Завитая. В конце 20-х руководил охраной порта и ВОХР ВООГПУ г.Владивостока, откуда направлялся на допобучение в Москву. Там же окончил 1-й курс Комвуза. Назначался начальником Школы командосостава стрелковой охраны Хабаровска с 1929-го по 1931-й год. Был награждён Почётной грамотой РВС, золотыми именными часами. Представлялся к награждению орденом Красного Знамени 7 сентября 1932 года...

Через два года семья Лавриненко переехала в Киев. В столице Украины Евсей встал на охрану завоеваний революции начальником отряда ОГПУ, боролся с остатками петлюровщины, махновщины, скоропадщины, уголовщиной... Когда гроыхала война в Испании, его перевели в «Трест нерудных ископаемых» (начальником спецчасти и кадров), а при нападении Германии на Польшу поставили во главе Киевской областной инспекции ПВО. Из-за большой занятости ему пришлось прервать учёбу на 6-м факультете Академии РККА им.Фрунзе.

В апреле 1941-го инспектора срочно переводят комбатом во Львовскую область (в/ч стояла в 6-7 км от Госграницы СССР). Финальное письмо от отца семья получила из Белой Церкви – он погиб смертью храбрых в ходе сентябрьской катастрофы нашей армии и был занесён в «Книгу Памяти» Мытищинского облвоенкомата Московской области...

«Отец много рассказывал об убийствах советских офицеров во Львове, – вспоминает его младший сын Геннадий. - Это было 21-го, в субботу. А утром нас разбудила война».

Супруга Таисия была рядом с мужем с 1916 года, разделила тяготы партизанской войны с белоказаками и японцами. До 1932-го родители потеряли пять из семерых детей, ибо таёжные условия требовали стальной воли и постоянной конспирации. Сказывались дальние переходы, отсутствие лекарств, горячей пищи, частные переезды. Ей довелось видеть и пережить, «что такое» волоченье женщин за косы по селу на лошадях. Изверги разрывали мужиков за разные ноги, сажали взрослых и детей на кол...

Днепропетровская Тая умела всё делать сама: шила вручную и на машинке, владела выпечкой, подворьем. Как и Евсей, она переехала с родителями на Амур, осваивать необжитую землю. Будучи в эвакуации с семьёй в грузинском Телави, помогала нуждающимся. Работала пова-

ром в лагерях ВВС, проживая с детьми в палатке, а потом и в госпитале.

Их общая гордость с Евсеем – старший сын Коля, родившийся в революционный год в Благовещенске, в 1934-35 гг. помогал подводникам Владивостокской ВМБ – соображал в электрике. Выпускник Качинского ВАУ 1938 года (сокурсник сына Вождя – Василия), Николай Лавриненко поначалу служил под Киевом. Досконально изучил бипланы и монопланы конструкции Н.Поликарпова. Накануне войны перевёлся с семьёй на польскую границу, под г.Ковель.

В числе первых пилотов он угодил в неземной ад противостояния со зверствующими Люфтваффе. Его И-16 сбили уже над бывшей советской территорией, но всё же – не расстреляли, как мишень, на земле. Авиатора спас парашют, однако 10 дней и ночей Николай выбирался к своим. К тому времени мать и его семья получили на него «похоронку»...

Учитывая состояние и опыт инструктора, Лавриненко отправляют в только что организованное Махачкалинское ВАУ. Ему удалось разыскать родных и свою семью с детьми 9-ти и 5-ти лет, не попавшую под налёты «стервятников» при массовом движении эшелонов, эвакуированных на восток с Ковеля до Киева.

Рапорт за рапортом пилот почти требовал перевода в боевые части ВВС. Получив направление в Иваново, параллельно с первопроходцами авиаэскадрильи «Нормандия», бывший инструктор усиленно готовится к грядущим боям по программе переучивания на «Яки», изучает «нутро» модернизированных «Мессеров», много общается с участниками воздушных схваток.

Сегодня не уточнишь, сколько их было всего – личных и боевых вылетов. Офицер в приказном порядке оказался на Орловском направлении, в небесном вертепе Курской Битвы.

Последний бой во фронтовой судьбе Лавриненко произошёл под Орлом в начале августа 1943-го, когда за его крыльями-плечами числилось 3 личных и 8 групповых побед. На «свободной охоте» 8 истребителей его группы столкнулись с «чёртовой дюжиной» немецких самолётов неизвестной новой конструкции. Оказалось, это был дебют истребительной группы «Фокке-Вульф 190», ошибочно принятых нашими за соседские тупоносые «Ла-5ФН». При рассредоточении противника Лавриненко доложил о смертоносной новинке на КП и вместе с однополчанами устремился в атаку...

В карусели перегрузок, в какофонии моторов и пальбе пушек и пулемётов, в кабине в десятки раз увеличилась температура. Обливаясь потом, Николай резким манёвром зашёл в хвост «Фоккера» и сразил его метким залпом. Желая удостовериться в гибели врага, лётчик отбросил фонарь и в тот же момент получил тяжкое ранение в левое плечо. Он остался без прикрытия, чем немедленно воспользовался один из крылатых фрицев...

Колю накрыло градом осколков снаряда, фанеры, битым крошевом фонаря и оборудования кабины. Словно плеть, как не своя, упала рука. Он кричал, не слыша себя. Резко обожгло грудь. Из-под краги побежал ручеек крови. На границе потери сознания виртуоз пилотажа продолжил бой, может быть, помня, что раненых самовозвращенцев, вышедших из схватки без разрешения, расстреливали перед строем (под клеймом «изменник» или «трус»).

После команды с КП Лавриненко вышел из боя. Как садился «слепой сокол» – можно представить по кадрам фильма Л.Быкова «В бой идут одни «старики». Храбрец очнулся в Туле, в спецгоспитале для пилотов, созданном на средства Э.Рузвельт (супруги Президента США).

В плече Николая зияли три «пробоины». Началась гангрена крови. Небесному снайперу предложили ампутацию, но он упёрся, заявив, что никому и нигде не нужен без руки. Божьим промыслом в госпитале был проездом московский хирург. Поражённый упрямством истребителя, его любовью к гитаре и песне «Чубчик кучерявый», врач согласился попробовать спасти его без ампутации, начав с «наркоза» – двойной дозы спирта.

После многочасовой операции авиатора завернули в гипсовую «рубашку», но в плече и груди навсегда «прописались» 18 осколков. Один из них в оболочке сердца – один миллиметр от смерти...

Сын Николая – Дима – продолжил авиационную династию, но был уволен в ходе массовых сокращений ВВС. Перешёл в ГВФ в Магадан. Впоследствии командиром экипажа летал над Россией и за рубежом линиями Аэрофлота. Родной брат героя – Геннадий Евсеевич, поведавший авторам историю семьи в документах и фотографиях, уроженец Владивостока, тоже двинулся ввысь по традиции: окончил Борисоглебское ВАУ им. Чкалова в 1954-м. Освоил поршневого «Яки» и «Ла», первые реактивные «МиГи» в боевых модификациях, собрал библиотеку по истории ВВС Страны Советов.

В далёком ныне 1975 году вылетел в бессмертие Николай Лавриненко, бывший кумиром сотен мальчишек. В Год 70-летия Победы, отлетав на пользу России до пенсии, ушёл из жизни его сын, военлёт Дмитрий Лавриненко, упокоившийся в Краснодаре. Брат фронтовика и сын героя двух войн Геннадий Лавриненко, отдавший 30 лет жизни ВВС СССР и четверть века мирному труду в Орле, в свои 84 года законно сетует, почему документы и фото брата десятилетиями «улёживаются» в краеведмузее Орловщины, не выходя из сейфов на широкоформатные стенды???

Очевидно, настала пора предоставления самостоятельности Военно-историческому музею-диораме, для более масштабного показа героического наследия наших бессмертных предков общественности и гостям региона, не только в год 450-летия Первосалютного Орла!

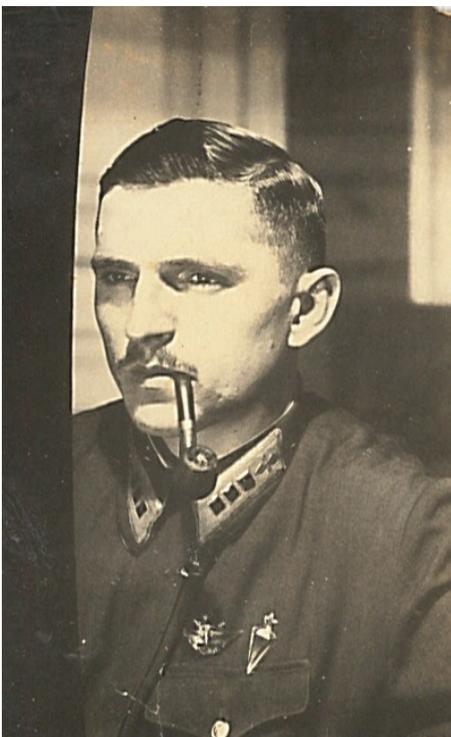
Апрель 2016 г., Орёл - Курск - Белгород - Орёл

Отец будущих летчиков
с супругой Таисией
Ипполитовной

Герой Гражданской
Евсей Артёмович
Лавриненко (30-е гг.)

Николай Евсеевич
в г. Иваново незадолго
до ввода погон

Николай Лавриненко и Гаяз Фази-
Ахмет Ибрагимов.
Точки на снимке – кровь пилота,
раненного в боях за Орёл

Истребитель «Мессеров» и «Фоккеров»
на излечении после тяжелейшего ранения
(слева в гипсовязке)

Геннадия с детства
влекло небо

Брат героя войны после поршневых «Ла»
освоил «МиГ-15»

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

(К 120-летию со дня рождения первостроителя Советских ВВС,
дважды Героя СоцТруда Павла Осиповича Сухого)

10 июля 1895 года⁴ в селе Глубоком Виленской губернии (ныне райцентр Витебской области Республики Беларусь), в бедной крестьянской семье родился долгожданный сын-нишка Павлик. Появление наследника было встречено матерью Елизаветой Яковлевной и отцом Осипом Андреевичем с великой радостью – в семье росли пять девочек.

В начале века семья переехала в Гомель, где отец Павла снял для неё квартиру, будучи завшколой для детей железнодорожников.

Взросление покорителя неба совпало с «юностью» авиаотрасли. Спустя десятилетия, основоположник решений, определявших профиль реактивных самолётов, рассказывал дочке Ирочке про «зарю» авиации:

«Я шёл с ребятами из гимназии, и вдруг над нашими головами пролетел аэроплан. Это было так неожиданно и удивительно, что дух захватывало. Не птица, а человек летит над нами!».

Момент жизни, весьма схожий с фрагментом судьбы небопроходца Н.Н.Поликарпова, статьи Н.Е.Жуковского, авиаторы Первой Мировой предопределили биографию светила боевого самолётостроения. Окончив Гомельскую гимназию, он решает поступать в Московское Техническое училище, но с ходу проваливается из-за того, что родня передала приёмной комиссии копии вместо подлинников документов...

Не отчаявшись, Павел поступил на первый курс математического факультета Московского университета, а в 1915-м снова штурмует «неприступность» МВТУ. На этот раз удача повернулась лицом: он не пропускает ни одной лекции Н.Е.Жуковского. Вступив в кружок воздухоплавания, юноша познаёт «азы» и «буки» в ходе постройки и доводки планёров, занятий по моделированию, вникает в суть проектов по аэродинамике и конструкций летательных аппаратов.

Через год монархия призвала своего подданного в школу прапорщиков, откуда Сухой попадает в состав артиллерии, участвовавшей в кровопролитии на российско-германском фронте. Здесь он стал свидетелем множества малых и массовых воздушных боёв, действий бомбардировщиков и летучих разведчиков.

⁴ 22 июля по новому стилю. – Р.С.В.

Революция и навязанная ею деградация в армии, «самораспустившейся по квартирам», закрытие МВТУ – вынудили Пашу покинуть артиллерию и вернуться в Гомель. Недолго он учительствовал в Лунинце, близ Бреста, где встретил свою «француженку по жизни» – супругу Софью Феликсовну.

В 1920 году, Сухой, блестящий математик, возвращается в столицу по постановлению СНК (возврат бывших студентов в ВУЗы). Окончив МВТУ в 1925-м, Павел Осипович открыл в себе талант чертёжника, трудился конструктором в Центральном аэрогидродинамическом институте. Как и многие, жил в общежитии, спал на соломе, подрабатывал грузчиком на Москве-реке и железнодорожной станции.

Безусловно, главным событием в союзе Сухих являлось рождение дочери Ирины и сына Дмитрия. Павел выработал железную офицерскую дисциплину трудодня, заботился о детях старшей сестры, осиротевших от последствий Гражданской войны, сотрудничал с КБ Н.В.Фомина, действовавшего в сфере дирижаблестроения.

С 1926-го по 1927 год, П.О.Сухой, защитив работу по теме «Одноместный истребитель с мотором 300 л.с.», будучи инженером-механиком, штурмует небо под опекой и патронажем А.Н.Туполева. Вследствие напряжения коллег в ритме «от зари - до зари» появляется истребитель И-4. Спустя четыре года смекалистый авиаинженер, возглавит бригаду конструкторов по проектированию и постройке «Рекордного-Дальнего» моноплана – АНТа-25. Весь мир помнит историческую машину и её героический экипажи во главе с М.М.Громовым и В.П.Чкаловым (рекордные перелёты из Москвы через Северный полюс в США).

Вслед за И-4, выпускавшегося во многих модификациях, последует «Жокей» (АНТ-14) – первенец из истребителей Краснозвёздных ВВС с убирающимся шасси. Из-за проблем с поставкой двигателей он не пошёл в массы пролетариев, чем чрезвычайно растрогал создателей.

Едва не погибнув при взлёте планёра на станции Красково, Сухой оставляет увлечение планеризмом ради разработки модифицированного варианта АНТа-37 «Родина» – двухмоторного бомбера ДБ-2. Подвижник и сторонник техпреобразований, лидер группы, как обычно, вел свою линию в слагаемых самолёта: гладкую обшивку фюзеляжа, убирающееся шасси, закрытый фонарь пилота, широкое применение «дуралю» (так тогда назывался «летучий металл» – дюралюминий).

Несмотря на чёрную полосу «авиадел» под оком НКВД – Павел Осипович, здраво конкурируя и дружа с мэтрами Н.Н.Поликарповым, С.В. Ильюшиным, С.А.Кочеригиным, Г.М.Бериевым, Р.Бартини и другими первопроходцами, радовался, что экипаж самолёта РД завоевал медаль «де Ляво» Международной авиафедерации. Ещё раз почётную награду СССР завоеует не скоро: её получит Герой человечества Ю.А.Гагарин за первый облёт Земли.

Когда Германия оккупировала Польшу, создатель крылатой мощи Страны Советов руководил опытным авиазаводом. Ещё ранее он с коллективом участвовал в проектировании многоцелевого самолёта по программе И.В.Сталина под кодом «Иванов». Как выяснится, вынужденный переезд КБ Сухого в Харьков, вкупе с немецкой агрессией, разрушит перспективные планы единомышленников...

Поступательно двигаясь в проектировании одномоторного бомбардировщика на основе ББ-1, Павлу Осиповичу удаётся заручиться поддержкой двигателистов. М-88Б, мощностью 1100 л.с. давал возможность СУ-2 брать на борт свыше полутонны бомб. Параллельно велась работа, над высотным истребителем СУ-1 с турбокомпрессорным двигателем М-105П, о котором испытывавший его А.Попельнюшенко говорил кратко и прямо: «Такой самолёт поскорее бы в войска!». К сожалению проектировщиков – ненадёжность турбокомпрессоров аннулировала серийное производство не только прототипа, но и СУ-3 с меньшей площадью крыла.

При сокрушительнейшем разгроме советских ВВС Люфтваффе в начале Великой Отечественной, лёгкий бомбер СУ-2 удивил результатами экипажи и техников. Дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Г.Ф.Сивков, не раз развивавший на нём до 430 км/ч в небесном кошмаре огненных 40-х, боевые лётчики М.Лашин, И.Карабут, А.Павличенко отмечали феноменальную живучесть СУ-2 – он не вспыхивал. На «Сушке» с напарником совершила воздушный таран Героиня Катя Зеленко, в честь которой назовут малую планету после войны...

КБ П.О.Сухого, сверхнапряжённо трудясь в её годы, создаст бронированные штурмовики СУ-6 и СУ-8. Накануне Победы стартовал ввысь опытный истребитель СУ-5, за ним – СУ-7 с поршневым мотором и жидкостно-реактивным двигателем. Тысячи лётчиков покорили небо на ТУ-2, благодаря учебно-тренировочной машине конструкции Павла Осиповича – одного из родоначальников реактивной эры советской авиации.

Грандиозное наследие выдающегося авиаконструктора, на чьих самолётах установлено четыре мировых рекорда – нынешняя могущественная госкорпорация – гордость России, её народа, всех смежных производств. Единственная в своем роде школа авиастроителей, Академия действующих пилотов и техслужб ВВС сконцентрировала мощь коллективного разума и грозного оружия, направленных на защиту рубежей Отечества. И сегодня СУ-9Б словно охраняет бюст Н.Н. Поликарпова в Ливнах, напоминая живущим великое имя и заслуги соотечественника, дважды лауреата Госпремии СССР, лауреата Ленинской премии, автора более 50 оригинальных конструкций самолётов Павла Осиповича Сухого, посмертно награждённого медалью Туполева № 1...

Июль 2015 г., Орёл - Монино - Ливны - Орёл

ВЕЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭКСПРЕСС

«Наш поезд быстро набирал разбег,
Тяжёлым эхом рельсы отвечали.
И время мне высвечивало тех,
Кто приближал необжитые дали.»

В.В.Рассохин, «Туннель» (Из однотомника стихотворений и поэм «Шапка Мономаха»)

Человек, десятилетиями собиравший песни о железнодорожниках и стальных магистралях России – Николай Афанасьевич Михалин – воистину волшебник, о котором пел Марк Бернес. Невидимую палочкой дирижёра и чутьём концертмейстера он вовлекает нас во всероссийское поэтично-музыкальное путешествие. Ветеран войны и труда, словно горьковский Данко, дарящий сердце людям, совершил высококультурный подвиг, собрав полтысячи песен 20-х - 90-х годов XX столетия. Многоуважаемый орловец, награждённый медалями в честь 60-летия Победы, «серебром» ВДНХ и юбилейной медалью на 100-летие В.И.Ленина, удручённый проблемами вдовец осуществил мечту жизни, будучи ударенным трудовой судьбой – он инвалид 2-й группы по зрению...

Потомственный железнодорожник, энтузиаст по духу и характеру, Михалин – «живое сокровище» Орловско-Курского отделения МЖД, трепетный хранитель и популяризатор его весьма непростой истории. Прежде чем снарядить свой музыкальный состав, Николай с отличием окончил Орловский техникум железнодорожного транспорта в год смерти генералиссимуса И.В.Сталина. Тяга к знаниям стала для него пожизненным фундаментом. Уже тогда он осознаёт мелодичность песен о своей профессии, вникает в предназначение опытных и молодых кадров, работая рабкором «Московского железнодорожника», «Гудка», внештатным автором Орловских СМИ.

Свыше полувека за плечами у «смотрителя» Михалина – скромного, но одновременно целеустремлённо-волевого подвижника, ведущего локомотивы славы и печали сквозь дым времён. Ему довелось познать нюансы пассажирских перевозок и ритм между перронами под началом редкостного организатора и новатора Петра Васильевича Казанцева (кстати, встречавшего И.В.Сталина), возглавлявшего Орловский вокзал более тридцати лет.

С именем наставника, известного всей Орловщине, связаны превращение станции в базу МПС СССР, внедрение передового опыта дорожных и сетевых школ, «обкатка» новых форм обслуживания транспортных и пассажирских поездов. При нём и позже – организовалось СПТУ-10, стала традицией опека над школами и интернатом.

Находясь в дружбе с почётными железнодорожниками и с орденосными ветеранами, вернувшимися с Великой Войны людей и моторов, Николай Афанасьевич совершенствовал культуру обслуживания пассажиров, выработал методы улучшения условий труда билетных кассиров. Время было архитрудное, однако величественное в трудовом порыве, в стремлении трудящихся к коллективному успеху предприятия и его филиалов. Довоенное, военное, послевоенное поколения жили трудовыми свершениями, соцобязательствами, задачами и установками партии, ответственностью перед будущим детей. Естественно, что в те годы народ был более честен и общителен. Не обходилось без песен на вахте, в быту, в застольях на не частые праздники...

Сбор столь обширного репертуара песен железных дорог востребовал от Михалина, образно выражаясь, КПД паровоза и броненосца, вместе взятых, иначе – материал требовал «рубки дров» для «топки», как это было показано в знаковом фильме «Коммунист». Песни плацкартные, напевы купейные под рафинад железнодорожного общепита и чай, шлягеры довоенные, проникновенные хиты коллег, фронтовиков, парт-элиты и заключённых, вполне вероятно, помогли трудолюбивому затейнику «выбить» для локомотивного депо Орёл пару новеньких электровозов.

А между ними – как вагонная сцепка – выдача обратной и прямой плацкарты, реализация билетов, доставка их и багажа на дом, взаимодействие с таксопарком и ПАТО, ввод компостирования транзитных билетов, поездки на павильон ВДНХ «Железнодорожный транспорт». В этих понятиях сокрыты «ноты жизни» Николая Афанасьевича, «золотой ключик» в его призвании и карьере.

Выйдя на пенсию, но продолжая заниматься поисково-творческой работой по увековечиванию трудовой доблести соратников, Михалин участвует в программе реорганизации билетных касс по маршруту Орёл - Верховье. Многие годы до и после 65-летия Победы в Великой Отечественной войне он – видный «запевала» двух хоров в составе Академического ДКЖД Орловско-Курского отделения МЖД – филиала ОАО «РЖД». Настойчивого коллекционера магистральных мелодий и стихов чтят в Теркоме профсоюзов, Совете ветеранов и военкомандатуре отделения и станции Орёл. При их поддержке и внимании, а также личном содействии начальника МЖД Владимира Ильича Молдавера, к 65-летию Победы нашёл почитателей 368-страничный том песен, составленный Михалиным «На дальней станции сойду», выпущенный издательством «Русская провинция». На ОГТРК будет снят и показан на 24 района области сюжет о необходимости наработки составителя для различных учебных заведений великой железнодорожной державы, о важности именного подарка ветеранам отрасли и их наследникам.

У таких современников нынешнему поколению надо и важно учиться правде и смыслу жизни, ибо не стареют душой ветераны, даже в ря-

дах Всероссийского общества слепых. Мы, профессиональные писатели, прожившие с 1997-го по 2007 год в соседстве с полным кавалером ордена Славы, Почётным железнодорожником Виктором Михайловичем Герасименко, с радостью откликнулись на предложение лидеров Орловско-Курского отделения МЖД Ю.С.Кобзаря и Ю.П.Васильева об актуальности издания нового сборника Н.А.Михалина. В нём открывается шлагбаум нашей истории, зажигается семафор величия героизма и заслуг железнодорожников разных поколений. На его страницах – отображение тягот и радостей выдающейся организации, «перевод стрелок» строго по назначению жизненного пути каждого – на дело и добро во благо всего общества Российской Федерации.

В Год 70-летия Победы и русской литературы пусть наши дети, внуки и правнуки познают масштаб шири и мощи Родины в стуке колёс и звоне рельс, в рёве тепловозов и в разгоне скоростных электричек, в передвижном комплексе-музее РЖД, в маршах, вальсах, танго железнодорожников – прадедов, дедов и бабушек, матерей и отцов.

Николай Афанасьевич провёл высоконравственно-кропотливую работу, обобщив историю советского и российского народов посредством знаменитых и забытых песен сотен авторов. Без преувеличения, Михалин, человек чести и долга, напомнил всем нам добродушного музыковеда, архивариуса фабрики грампластинок «Мелодия» Глеба Скороходова и одарённого радиоведущего передач о ретрошлягерах на «Радио России» Андрея Баршева.

Песни молодёжные, фестивальные, путейские, комсомольские. Боевые железнодорожные, ветеранские, пионерские, уркаганские – под оркестры, гитару, баян или гармошку. Песни об этапировании в ГУЛАГ, о теплушках и составах Победы. Посвящения в музыке и стихах – паровозам, маршрутам, зрителям, походам, маневровым. Вековая исповедь колёсных пар до и после эвакуации, забвение узкоколеек, участие в переброске войск и поставках по Ленд-лизу, «рельсовая война» и ностальгия по паровозной эпохе...

Никого не оставят равнодушным песни о стальных характерах, о вокзалах и перронах, шлягеры о романтике профессии, о магнетизме железнодорожных далей. В сборнике Н.А.Михалина вы встретите любовь и горе, стратегические железнодорожные узлы, полустанки, экспрессы ТРАНСИБа и КВЖД, ударников БАМа, строителей «страны шпал» в Заполярье, Тюмени, Сургуте. Здесь машинисты и проводницы, товарищество первооткрывателей, высококлассность блюд вагонов-ресторанов, песни для детей и бардовские пассажи, слова и аккорды известных рокеров Отечества, посвящённые железнодорожной тематике.

С многократным спасибо, с поклоном и благодарностью автору-составителю Николаю Афанасьевичу Михалину, которого «жизнь заставила ...петь», мы добавляем к его коллекции свои стихотворения.

Сборник – достояние и богатство народа и государства, чьё содержание обрело путёвку в жизнь по ходу движения «поезда времени». Надеемся, вскоре найдутся композиторы и музыканты, кому лягут на душу наши строки при создании песен о тружениках железных дорог России.

Чсть им и слава! Ушедшим и живым...

*9 октября 2015 г.,
город Первого Салюта и Воинской Славы – Орёл*

В.И. Молдавер

Поклон верховским железнодорожникам!

П.В.Казанцев встречал И.В. Сталина в Орле

Мемориальная доска Герою войны и труда на доме 4 Новосильского переуллка г. Орла

ЦАТЬ ЛЕТ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

С декабря 2004 года, в рамках соглашения Правительств Российской Федерации и Китайской Народной Республики о долгосрочном сотрудничестве держав, на Орловщине успешно трудится коллектив типографии «Новое Время». Проект, заложенный на основе взаимодействия Орловской Академии госслужбы и Аньхойской типографии «Синь Хуа», явился для региона прорывным и высокотехнологичным предприятием, работающим под девизом: «Мы создаём будущее вместе с Вами!».

Древняя китайская «Книга песен» учит: «Сердцем в согласии жить мы должны, чтоб не рождались ни злоба, ни гнев». За эти непростые для страны и общества годы трудящиеся типографии освоили выпуск книг в мягком и твёрдом переплётах, а также плакатов множества форматов, журналов и альбомов. На современном оборудовании стало массово возможным применение ламинирования и тиснения, вырубки, издание календарей и афиш, рекламных проспектов и буклетов на высшем уровне международной полиграфии.

Стремительный и компьютерный XXI век внёс свои коррективы в одно из высших достижений человечества – книгоиздание. До печати здесь применяются CtP серии «Ausetter», машина цифропечати «Херох». При умелом подходе китайцев «на отлично» зарекомендовали себя двусторонняя печатная машина 620 x 920 мм (плотность бумаги 45-200 г/м²) и четырёхкрасочная немецкая «КВА» (710 x 1040 мм, при плотности бумаги 40-450 г/м²).

Вместе с допечатным и печатным оборудованием, по принципу «ни дня простоя», работает и послепечатное. Многотысячные тиражи неповторимой продукции прошли через пресс для тиснения и вырубки, шанхайские фальцаппарат, термопереплётную машину и листоподборочный аппарат. По законам конвейера, представляя китайского производителя полиграфического оборудования, «Новое Время» широко масштабно использует в ходе реализации заказов кашировальную, многоголовочную проволокошвейную и ниткошвейную машины, один из лучших в области ламинаторов. В ухоженных цехах всегда в наличии – офисная, мелованная, офсетная бумага, переплётные материалы, полиграфическое снаряжение добротная упаковка.

Конечно, передовой делают типографию из года в год не машины, а люди. Среди представителей Поднебесной отличились профессионализмом и честностью Цзян Сяо Кунь, Сюй Чэнцой, Инь Ху, Джанг Хиакун, Чжень Гао, Ханг Хай, Вэй Вэй. Благодаря продуманной ротации кадров укрепили делом российско-китайскую дружбу, зародившуюся до Второй Мировой войны – Чжан Юй, Сы Вэй, Цзы Чанхай и многие другие, проработавшие в «Новом Времени» не один год...

В единстве труда и в преданности интеллектуальному делу плечом к плечу с ними обрели почёт наши уважаемые земляки: авторитетный главный бухгалтер Светлана Анатольевна Потапова, опытный менеджер Александр Евгеньевич Шубин, водитель-снабженец, помощник ру-

ководства типографии Сергей Васильевич Федин, замечательный полиграфист-дизайнер, специалист пре-пресс Юрий Юрьевич Евстифеев. Добропорядочное взаимодействие китайцев и орловчан легло фундаментом не только в гармонизацию производства, но и в знаковые издания от властных структур ЦФО РФ, многих краёв и областей России, отобразилось в тиражах Союзов писателей страны, краеведов, историков, журналистов, художников, учёных, в изданиях РПЦ, в мемуарах фронтовиков и ветеранов Вооружённых Сил Отечества. Издатели гордятся Благодарностью от Национального парка «Орловское полесье».

Целенаправленное движение вперёд в жёстких условиях современности, диктата рынка и в ходе различных кризисов – несомненный успех совместного предприятия. Гибкая ценовая политика, индивидуальный подход к каждому клиенту и его запросам, взаимовыручка и сплочённость стали путеводной звездой коллектива при достижении положительных результатов, канвой логистическо-экономического планирования, торговой маркой с деловым и просвещённым именем.

Культурные, исторические, литературные и краеведческие ориентиры российско-китайской типографии завоевали доверие и уважение заказчиков, получающих продукцию высокого качества в оперативные сроки. Будучи авторами 40 книг, 15 из которых выпустили герои строк с 2004-го по 2016 год, верим, что «Новое Время» ещё не раз порадует соотечественников к 450-летию города Орла, в Год кинематографии, ибо наследие типографий было и остаётся зеркалом эпохи, зафиксированным посланием будущим поколениям.

Члены Союза российских писателей
ВИКТОР и СЕРГЕЙ РАССОХИНЫ

Генеральный директор типографии Цзян Сяо Кунь

Планёрка перед Годом литературы

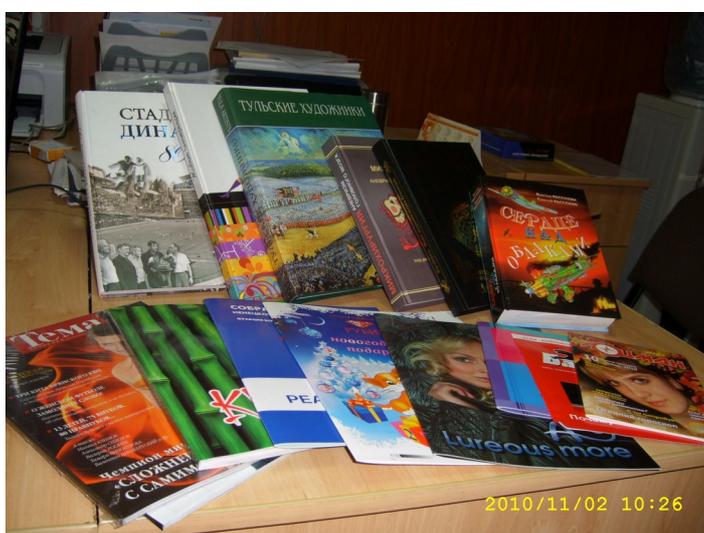
Юбилейный плакат

Фрагмент наработки коллектива

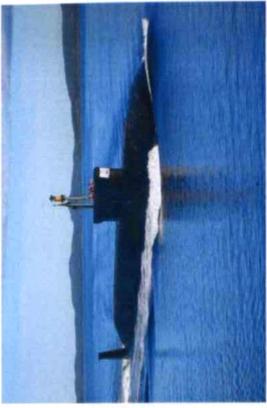
Делегация Аньхоя в «Новом Времени»

Вклад китайцев в дружбу с Россией

Памятный плакат к 10-летию типографии

Рассохину Виктору Васильевичу
Рассохину Сергею Викторовичу

Уважаемые Виктор Васильевич и Сергей Викторович!

Ветераны Краснознаменного Черноморского флота выражают Вам свою благодарность за большой литературный труд по освещению множества исторических, гражданских, социальных, политических, международных и межконфессиональных проблем и вопросов!

Выражаем уверенность, что используя свой большой потенциал, Вы ещё долго будете радовать читателей своей деятельностью!

Желаем Вам мирного неба, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

С искренним уважением,

Председатель Региональной общественной организации ветеранов войны и военной службы Краснознаменного Черноморского флота в г. Москве

Кэпитан 1 ранга в отставке

В. Васильев

19 марта 2016 года

ОТЗЫВЫ О ТРУДЕ АВТОРА В РЯДЕ СМИ

ПОД ФЛАГОМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ОРЛОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВИКТОРА И СЕРГЕЯ РАССОХИНЫХ «ТОК»).

Прочитав книгу Виктора Васильевича и Сергея Викторовича Рассохиных, вышедшую в типографии «Труд», создаётся впечатление глубинного погружения в скрижали времени. Однотомник «ТОК» не принадлежит какой-либо одной теме или жанру - книга калейдоскопна и энциклопедична, широко охватывает политические, аграрные, межрелигиозные, научно-технические, межполовые, духовно-нравственные проблемы и вопросы. Много нового для себя узнает читатель из работ «Абвер на Орловщине», «Небопроходец» о Н.Н. Поликарпове, «Луч Восходящего Солнца в застенках» об академике Н.И. Конраде, «Рамзай» о Р. Зорге, «Неизвестный Чкалов», из отрывка повести «Зелёное Знамя Ислама» - «Басмачи». В полной мере это относится к исследованиям «Распятия всероссийского не прощаю!», «Дело №», к редкостным очеркам «Далёкий Мидуэй», «Кровь и слёзы Лейте» о сражениях ВМС и ВВС Японии и США на Тихом океане...

Образны, выразительны и фольклорны поэмы «Бригадирские будни» и «Золотая кувшинка», сатирическая миниатюра в стихах «Сказка об Иване-свидетеле», уже известные массовому читателю.

«ТОК» - в многосмысленном значении русского языка и в авторском подтексте - есть вольтова дуга образов, душ, судеб, характеров, победа разумного над порочным, независимо от нации и вероисповедания. Яркая работа Рассохиных, несомненно, оставит мощный след и положительный заряд в истории и литературе Орловского края, осуществит «шевеление» памяти, чего так не хватает всем нам в третьем тысячелетии.

Будем ждать новых книг плодотворно сотрудничающих авторов и пожелаем им ещё больших творческих успехов, чем уже достигнуты в Отечестве и за рубежом!

В. КУЗНЕЦОВ,
председатель Орловского отделения
ВОО «Трудовая доблесть России»,
Герой Социалистического Труда
(газета «Заря», №53, 3.10.2007 г.)

НОВЫЕ КНИГИ

Я вышел в мир, тревожный и унылый,
Ухабистой дорогой нищеты.
Но мне, юнцу, всегда давали силы
Последний снег и первые цветы.
У молодости - крепкие устои,
Но молодость наивности полна.
Ей хочется в один приём освоить
Все краски мира и полутона.

Эти строки Виктора Рассохина - своего рода ключ к пониманию его книги «Ток», недавно написанной в соавторстве с сыном Сергеем и прекрасно изданной в Орловской областной типографии «Труд».

Писатели ярко рисуют картины природы родного края, рассказывают о великих исторических событиях, искусстве, и конечно, о людях - их героизме, благородстве и талантливости. У Виктора и Сергея Рассохиных воистину крепкие устои и желание сразу освоить все краски мира и изменить его к лучшему. Их напористость, задиристость, дерзость - ради справедливости! Поражает разнообразие. Тут стихи и поэмы, очерки и рецензии, письма и новеллы, статьи. Широк диапазон тем: от политических до гражданско-социальных и нравственных. В каждой строке - неуспокоенность, неравнодушие, тревога, поскольку в мире «всё не так, всё не так, как надо». Авторы волнует многое: и тайны Второй Мировой войны, и судьба учителя, и парадоксы власти, и вдохновенный труд художников, музыкантов, и состояние отечественной литературы.

Очень показательна статья «Чтоб именем стала фамилия», где даётся честный анализ проблем орловской словесности накануне областного слёта молодых литераторов, называется множество тех прозаиков и поэтов, кто давно не подавал голос в печати, настойчиво предлагается помочь им не только словом, но и делом, опубликовать как можно скорее рассказы и стихи юных в сборнике. Такая поддержка, естественно, необходима начинающим литераторам, как воздух.

А как трепетны строки об Отечестве:
*«Русь встаёт перед ясным взором,
Слышен выдох и слышен вздох.
С бесконечным её простором
Как художник сродниться смог?»*
Этому родству кто-то постоянно мешает.
*«Мы столько насмотрелись «ратоборцев»,
Что тяжело за мёртвых и живых...
Уж коль кричать и ратовать за солнце –
НЕ ОТНИМАЙТЕ СОЛНЦА У ДРУГИХ!»*

Книга Рассохиных «Ток» - о сложности отношений между людьми, о том, что важно не только наметить болевые точки в душе каждого, но и определить пути к победе добра над злом, о том, чтобы обязательно помогать нуждающимся, о том, что сила и красота людей именно в доброте.

***Материалы подготовил Александр Бельский,
дипломант Всероссийского краеведческого конкурса,
автор книг и статей об истории Орловщины
(газета Орловского отделения
Всероссийского общества инвалидов,
№9, сентябрь – октябрь 2007 г.)***

ПОСВЯЩАЕТСЯ Н.Н. ПОЛИКАРПОВУ

МОЗАИКА ИСТОРИИ

В наше время, когда совершаются попытки грубого передела истории и её фальсификации, очень важно, чтобы продолжалась исследовательская работа по изучению событий XX века.

Сейчас, когда нередко факты подменяются домыслами, истина приносится в жертву идеологии, важно, чтобы были люди, не жалеющие сил и времени на многомесячную работу в архивах, поиск свидетелей событий, сбор и анализ разрозненных фактов.

Наши земляки Виктор и Сергей Рассохины - писатели, ведущие работу по выявлению и сохранению исторической правды. Книги отца и сына - частицы мозаики, восстанавливающей картину нашего прошлого.

«Сердце над облаками» - книга, написанная к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Колоссальное по анализу и количеству ранее неизвестных фактов, фундаментальное историческое исследование авторов представляет читателю богатейший научно-технический потенциал отечественной и мировой авиации XX века.

На основе документальных свидетельств о жизни и творческом пути сотрудников конструкторского бюро, возглавляемого нашим земляком Н.Н. Поликарповым, в книге освещаются проблемы и специфика военно-гражданской, истребительской авиации, моторостроения, стратегии, теории и практики ВВС. Однако это не сухое техническое описание, а живое повествование о событиях и людях на фоне столкновения идеологий держав, репрессивных методов диктатур, хитросплетений международной дипломатии, трагедий внутрипартийного самоуничтожения. Перед читателем проходят картины судеб интеллигенции, приспособленчества человека, стойкости патриотов, тяжёлой обстановки на фронтах мировых войн. Герои книги - реальные люди: рабочие, крестьяне, служащие, труженики тыла.

В книге отображается истинное положение дел и в стане противников СССР - вооружённых силах Италии, Германии, Японии.

Земляки Н.Н. Поликарпова осуществили ответственный гуманитарный проект антивоенной направленности. Они проехали сотни тысяч километров, провели беседы с тысячами соотечественниками, прошедшими ад и славу войн ушедшего столетия. Во имя сохранения мира на Земле, во имя исторической правды, во имя любви к Родине.

*Кандидат в Орловский областной Совет
от партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»*

*Татьяна Жильцова
(газета «За справедливость» (информбюллетень),
октябрь 2011 г.)*

УЧИЛ САМОЛЁТЫ ЛЕТАТЬ

**«ИШАК». ОН ЖЕ «МУХА»,
ОН ЖЕ «ОВОД», ОН ЖЕ «КРЫСА»**

Поликарпов — конструктор 80 советских самолётов.

До войны на них успели полетать все наши лётчики без исключения. В авиаклубах и училищах его самолёты открывали им дорогу в небо. Его машины спасали легендарную экспедицию челюскинцев, его самолёты высоко ценил один из лучших лётчиков страны Чкалов, его самолёты сражались в небе над Испанией и воевали на Халхин-Голе. И-16 — один из лучших истребителей для своего времени. Наши лётчики ласково называли И-16 «Ишаком», авиаторы республиканской Испании — «Моска» («Муха»), японские пилоты — «Абу» («Овод»), а немцы — «Рата» («Крыса»).

«Сердце над облаками» - новая книга писателя Виктора Рассохина. Это вклад писателя в раскрытие ранее неизвестных страниц жизни нашего земляка Николая Поликарпова — величайшего авиаконструктора XX века. Очень своевременная книга. В этом году исполняется 120 лет со дня рождения «короля истребителей» (так еще при жизни называли Николая Поликарпова) и 100 лет со дня основания русской авиации.

ФАКТЫ И ТОЛЬКО ФАКТЫ

Признаем, авторы современных книг и телесериалов, когда пишут и снимают фильмы о жизни известных людей, весьма вольно обращаются с фактами, в том числе и с автобиографическими, слишком свободно трактуют многие исторические события. Вспомним, например, сериалы о

Фурцевой или Жукове. Книга «Сердце над облаками» достоверна, основана только на документах и воспоминаниях людей, которые знали Николая Поликарпова. Почему именно он привлёк внимание писателя?

— К сожалению, имя Поликарпова незаслуженно забыто. Жизнь Поликарпова я заинтересовался ещё в армии, — рассказывает Виктор Рассохин. — Служил на Дальнем Востоке, в воинской части была хорошая библиотека. Как-то довелось прочитать публикацию, где заслуги Николая Николаевича, его вклад в нашу Победу в завуалированной форме принижались. Что, мол, нельзя было выиграть войну на его фанерных «этажерках». Возникло желание опровергнуть эти домыслы. Так я начал собирать материал. Но предметно над книгой работал 11 лет. Перелопатил в прямом смысле тонны архивных документов, ездил по всей стране, встречался с людьми, которые знали Николая Николаевича, наладил переписку с дочерью Поликарпова — Марианной. Она предоставила много личных документов отца.

Книга написана в соавторстве с сыном Сергеем, который, по словам отца, взял на себя самую трудную часть работы. Рассказывать о Поликарпове и не показать технические характеристики его самолётов, в том числе и в сравнении с немецкими «мессершмиттами», а именно с этой фирмой всю жизнь конкурировало конструкторское бюро Поликарпова, значит, не показать и половины фактов. Сергей сначала собрал, а затем в литературной доступной для читателя форме адаптировал этот самый сложный технический материал. В то же время «Сердце над облаками» — не технический словарь и даже не документальная повесть. Сам автор жанр произведения определяет как исследование жизни авиаконструктора, показ его во времени и в отношениях с людьми. Это скорее историческая публицистика. Книга, безусловно, привлечёт внимание широкого читателя, тех, кто интересуется историей отечественной авиации и ракетостроения.

ПОЧЕМУ «У-2» НАЗВАЛИ «КУКУРУЗНИКОМ»

Николай Поликарпов должен был стать священником (он родился в селе Георгиевское Орловской губернии в семье священника), но посвятил свою жизнь авиации. О том, что сыну местного священника суждено было учить самолёты летать, много лет назад рассказал писателю друг детства Поликарпова — Семён Кузьмич Калинин: «Что касемо карьеры священнослужителя, то Николка даже и не помышлял об этом. Нам мальчишкам это было доподлинно известно. О крыльях он мечтал».

Так оно и вышло. После окончания духовной семинарии Поликарпов поступил на технологический факультет, затем его судьба свела с авторитетнейшим авиаконструктором Игорем Сикорским. Он много взял у своего учителя, но, когда тот решил покинуть Россию, Поликарпов отказался последовать за ним. В книге этому переломному моменту в жиз-

ни Поликарпова отведено несколько страниц. Для него это был трудный выбор и одновременно лёгкий. Тяжело было расставаться с любимым учителем и соратником и легко было выбрать между эмиграцией и служением Родине. Он выбрал Отчизну.

Начало войны наша армия встретила на самолётах Поликарпова. К 1941 году его истребитель И-16, созданный за восемь лет до начала войны, конечно, устарел. Тем не менее сражался очень неплохо, особенно после того, как Поликарпов вооружил его пушками вместо пулемётов. Уже ранним утром 22 июня 1941 года на И-16 был сбит немецкий самолёт над Брестом. Всего в тот день немцы потеряли около трёхсот машин, большинство из которых были уничтожены пилотами, воевавшими на истребителях Поликарпова.

Другой самолёт Николая Поликарпова — У-2, в просторечии «кукурузник», все мы знаем по фильмам «Небесный тихоход», «В бой идут одни «старики», «В небе «Ночные ведьмы». Машина, созданная в 1927 году как учебный самолёт, побила все рекорды долгожительства в авиации. Надёжная, экономичная и лёгкая в управлении, она была незаменима в годы войны. Ее использовали и как пассажирскую, и как санитарную, подвешивая кабинки для раненых. Самолёт переоборудовали в ночной бомбардировщик. Немцы называли его «кофемолка» или «швейная машинка», потому что несколько тысяч У-2 практически непрерывно и с большой точностью бомбили их позиции. За ночь самолёт делал пять-шесть вылетов, иногда больше. Очень часто пилотами были девушки, воевавшие в составе женских авиаполков. Двадцати трём из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Интересный факт: почему «биплан» называли «кукурузником»? На этот счёт есть своя легенда. Немецкий пилот, заметив медленно летевший у самой земли У-2, решил его сбить. Но самолетик вильнул и ещё ближе прижался к земле. Немец на огромной скорости, конечно же, пролетел мимо. Это его ещё больше разозлило, и он, снижаясь, пошёл на второй круг. Но аса поджидал сюрприз: У-2 куда-то исчез... Оказалось, что он благополучно приземлился в густом кукурузном поле и замаскировался среди высоких растений. Желая во что бы то ни стало обнаружить и уничтожить желанную цель, немец опустил ещё ниже и стал описывать круги у самой земли. Эти-то круги и оказались для него роковыми. Лётчик что-то не рассчитал и задел крылом землю. «Мессершмитт» лишился управления, последовали удар и взрыв. Наш же самолётик бодро разогнался, благо для этого ему требовалось каких-нибудь полтора десятка метров, взлетел и как ни в чем не бывало продолжил свой путь.

КАКОЙ МАТЁРЫЙ ЧЕЛОВЕЧИЩЕ!

— Поликарпов был не только гениальный авиаконструктор, но и необыкновенно мужественный человек, - рассказывает Виктор Рассохин.

— Его арестовали, затем отпустили, но смертельный приговор так и не отменили. И сложилась такая ситуация: он был депутатом Верховного Совета, Героем Социалистического Труда, но его могли в любое время схватить и без суда и следствия казнить.

Он никогда не предавал своих друзей. Когда посадили его заместителя Томашевича, Поликарпов помогал его семье деньгами и продуктами. Тогда это требовало большого мужества. И даже умирая, писал письма в наркомат, просил, чтобы его конструкторское бюро отдали Томашевичу.

А вот ещё один факт из воспоминаний конструктора Василия Тарасова. Май 1935 года. Чкалов с блеском продемонстрировал И-16 перед Сталиным. «Вот, Николай Николаевич, знаешь, что между нами общего?» — «Не знаю», — отвечает Поликарпов. — «Всё очень просто: вот и ты учился в семинарии, и я учился в семинарии — вот что у нас общего. А знаешь, чем мы отличаемся?»

— «Нет», — откликается Поликарпов.

— «Ты семинарию закончил, а я — нет». Поликарпов невозмутимо отвечает: «Оно и видно, Иосиф Виссарионович». Сталин насупился, погрозил трубкой: мол, знай своё место.

Место Поликарпову определил не Сталин, а история. 30 апреля 1958 г. в Орле в сквере рядом с кинотеатром «Родина» установлен памятник авиаконструктору. «Миряне и недруги! Будете в Орле и в Ливнах, снимите шапку пред Богатырём Мысли, на чьих машинах завоёвывалась свобода и независимость народов России, Азии и Европы!» — так заканчивают книгу о Поликарпове Виктор и Сергей Рассохины.

Светлана СУББОТИНА
(газета «Орловская среда», 16.05.2012 г.)

ОРЛОВСКИЕ ЛЁТЧИКИ ОТПРАЗДНОВАЛИ ЮБИЛЕЙ ВВС

Покорителям неба вручили юбилейные медали, подарили новую книгу и угостили праздничным обедом

12 августа в Орловском военно-историческом музее летчики отметили 100-летие ВВС России. Место для проведения торжественного праздника оказалось символичным: именно здесь после Второй Мировой войны располагался штаб 15-й авиадивизии.

— Орловщина имеет прямое отношение к становлению российской военной авиации, — с гордостью рассказал заведующий музеем Сергей Широков. — Наш земляк — знаменитый конструктор Николай Поликарпов создал самолёты, на которых орловские лётчики громили фашистов.

Это дважды Герой Советского Союза Георгий Паршин, Герой России Пётр Егоров. Наши земляки не раз показывали примеры мужества и героизма, достойные подражания и глубокого уважения. Орловец Евгений Пепеляев, к примеру, сбил более 20 американских самолётов в Корее, а Владимир Масленников за полгода участия в боевых действиях в Афганистане получил три боевых ордена.

Участников торжества наградили медалями, выпущенными специально к юбилею Военно-Воздушных Сил. Заслуженной и почётной наградой отметили участника Великой Отечественной войны Владимира Авдони́на, десантника Валерия Ведешина, военкома области Сергея Старкова и других.

Председатель городского совета ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов Анатолий Костарев сам в прошлом — лётчик-снайпер, посвятивший 34 года службе в авиации, со словами благодарности вручил юбилейную медаль и.о. управляющего Орловским отделением Сбербанка Михаилу Зайцеву.

— Мы обратились к руководству Сбербанка с просьбой о финансовой поддержке проведения торжественного мероприятия, — пояснил Анатолий Афанасьевич. — И помощь незамедлительно была оказана.

В завершение торжества покорителям неба писатель Виктор Рассохин подарил свою новую книгу «Штурмующий небо», а после гости вспомнили былое за праздничным столом.

Алика Милова
(газета «Орловская губерния», 15.08.2012 г.)

ОКРЫЛЁННЫЕ ПОДВИГАМИ

Эпиграфы фронтовиков над стихотворениями авторов 32 книг, членов Союза российских писателей Виктора и Сергея Рассохиных — документально-суровое напоминание о боях и буднях четырёхлетней Великой Отечественной войны. Встречаясь с тысячами ветеранов, репрессированными, узниками концлагерей, героями тыла и детьми войны в ходе послевоенных десятилетий, писатели стремятся отобразить изнанку грандиозных сражений и малых боёв, специфику и неповторимость воинских характеров и профессий. Отец и сын безоговорочно клеймят античеловечные преступления международного фашизма.

По-авторски - все города, пережившие кошмарный ужас злодеяний оккупации, заслужили Почётное наименование «Герой Отчизны» в День их освобождения от иноземных варваров. Набатом горя звучит ряд стихов, сквозь перезвон которого видится безграничное счастье народов,

разгромивших нацизм и милитаризм в Советском Союзе, Европе и в Азии...

**Герой Советского Союза и России,
Иван Антонович Леонов,**
*воевавший на самолётах Н.Н. Поликарпова
с одной рукой, автор мемуаров
«Назван человеком из легенды»,
Почётный гражданин г. Тула,
уроженец Шаблыкинского района
Орловской области,
занесён в Книгу рекордов Гиннеса
(отклик на труд писателей из книги
«Память крепче брони», апрель 2015 г.)*

В БОЯХ ЗА ИСТИНУ

Родившись в крестьянской семье, я, мои сёстры, брат вышли в мир из ига оккупации, в тяготах и лишениях пережили послевоенное лихолетье. Отчётливо помню великую израненную рать фронтовиков, вернувшихся с долгожданной Победой на родную Орловщину.

С первого букваря – одного для всех - для нас, кроме истинной дружбы между старшими, ровесниками и младшими, фундаментом образования и культуры, путеводителем в мире знаний была, пусть зачитанная до дыр, добротная, мудрая, занимательная книга.

Новый сборник стихов Рассохиных – честный, глобально-исторический разрез боевых и гражданско-социальных противоречий, своего рода восстановленное, ранее разбившееся зеркало времени. Любят авторов или ненавидят, но их эмоционально-жесткая общенародная позиция в отображении эпохи трагедий и героизма заслуживает сверхпристального внимания широкой читательской аудитории, не только в Год 70-летия Победы и литературы.

"Память крепче брони" – обнажённый реализм без ретуши, недосмысла, ссылок на архивы. В строках и мыслях - корень народа, кровь и пот, подвиги и предательство. В них - слёзы и сострадание, ненависть к врагу, кумиры эстрады и кино, знание людей, тайн и техники Второй Мировой войны, бичевание власти за ошибки и равнодушие.

Оценивая творчество авторов в советском и российском периодах, я рад и горд, что земляки оживляют незабвенное прошлое, следуя ключевым заповедям великодушного Всесоюзного Братства народов бывшего СССР, что они воскрешают каноны взаимодействия стран Антигитлеровской коалиции, не забывают о Победе наших солдат и офицеров, русского оружия над Германией, Японией, их сателлитами.

*С глубоким почтением,
Егор Строев
(отзыв из книги «Память крепче брони», май 2015 г.)*

ИСТОРИИ ИЗ ВЕЛИКОЙ ИСТОРИИ

Книгам Виктора и Сергея Рассохиных нельзя не верить, потому что за ними - правда факта, правда документа, правда жизни.

Виктор Рассохин, член Союза российских писателей, автор поэтических и прозаических произведений. Его публицистические статьи печатались в периодических изданиях, в том числе в журналах «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Урал».

По стопам отца пошёл и сын Виктора Васильевича — Сергей, дебютировавший в 2002 году книгой «Тихие Гавайи?». Кстати, издание иллюстрировано самим автором.

В творческом багаже отца и сына Рассохиных — несколько десятков книг.

Важной вехой в творчестве орловских писателей стали такие их книги, как «Небопроходцы» и «Штурмующий небо», художественные исследования, посвящённые славным сынам Отечества — нашему земляку, знаменитому авиаконструктору Н.Н. Поликарпову (1892-1944) и легендарному асу В. П. Чкалову (1904-1938), а также изданная к 70-летию Великой Победы книга «Память крепче брони».

— Мы годами собирали материалы для «Штурмующего небо», «Небопроходцев» и других своих документально-художественных книг, — признались журналистам Рассохины.

Если быть совсем точными, кропотливая работа с архивными документами и мемуарами длилась 12 лет. Например, по крупинкам собирались ценнейшие сведения о мировом самолётостроении начала XX века, досконально изучались биография короля истребителей Николая Поликарпова, деятельность его КБ, чтобы читатели могли по достоинству оценить титанический труд учёных, изобретателей, конструкторов, простых рабочих в цехах, вместе ковавших несокрушимое оружие нашей Великой Победы.

Кстати, за книгу «Штурмующий небо» Виктор и Сергей Рассохины получили благодарность от Московского союза ветеранов.

А что может быть ценнее, чем признание тех, кто сам прошёл огненными вёрстами Великой Отечественной?

Максим БЕРЕЗИН
(газета «Орловская правда», 12.07.2015 г.)
СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛЕНКОВ В.А. ОТ ЗАРИ – ДО ЗАРИ.....3

ФРОЛОВА Н.В. ВЛЮБЛЁННЫЙ В ИСТОРИЮ	4
«РОЗА ВЕТРОВ» БОРИСА ХЛЮСТИНА.....	6
ПОД АНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ.....	10
НИКОЛАЕВСКИЙ ДЕСАНТ.....	15
«ДЖИПОВАЯ» КОЛЕЯ ВИТАЛИЯ ГРАЧЁВА.....	18
НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ В КООРДИНАТАХ БЕССМЕРТИЯ.....	22
ПОЧЕМУ ЗАБЫТ АКАДЕМИК КОНРАД?.....	29
ТРИУМФ И ФИНАЛ «БИСМАРКА».....	36
КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ НИКОЛАЯ ДУБКОВСКОГО.....	42
ПОДВОДНЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ «К-17».....	46
ГОРДОСТЬ КАЗАХСТАНА ЖАРДЕМ СУПИГАЛИЕВ.....	53
ТРАГЕДИЯ И СЛАВА МИДУЭЯ.....	57
ЯПОНИЯ – США: БИТВА ЗА ОКЕАН.....	81
ЯД В «ЦВЕТКЕ ВИШНИ».....	100
ОДИССЕЯ МОРПЕХОВ ИЛЬИ ТЕСЛЕНКО.....	106
ДНЕВНИЧОК.....	110
ОКРЫЛЁННЫЙ ОРЁЛ.....	115
КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ.....	120
МИЛИ И ВЁРСТЫ ВАСИЛИЯ ЛАВРИЩЕВА.....	125
ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ «НОВОРОССИЙСКА».....	129
ПОЛЁТ В БЕССМЕРТИЕ.....	133
БОЕВАЯ ДИНАСТИЯ ЛАВРИНЕНКО.....	135
ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ.....	141
ВЕЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭКСПРЕСС.....	144
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ «НОВОГО ВРЕМЕНИ».....	148
ГРАМОТА РАССОХИНЫМ ОТ ВЕТЕРАНОМ КЧФ.....	152
ОТЗЫВЫ О ТРУДЕ АВТОРА В РЯДЕ СМИ.....	153
ПОД ФЛАГОМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ	153
<i>НОВЫЕ КНИГИ</i>	154
МОЗАИКА ИСТОРИИ.....	155
УЧИЛ САМОЛЁТЫ ЛЕТАТЬ.....	156
ОРЛОВСКИЕ ЛЁТЧИКИ ОТПРАЗДНОВАЛИ ЮБИЛЕЙ ВВС	159
ОКРЫЛЁННЫЕ ПОДВИГАМИ.....	160
В БОЯХ ЗА ИСТИНУ.....	161
ИСТОРИИ ИЗ ВЕЛИКОЙ ИСТОРИИ	162

СЕРГЕЙ РАССОХИН

ГОРЕ И СЛАВА ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Оформление – Рассохин С.В., Евстифеев Ю.Ю.
Транспортное обеспечение – Рассохин С.В.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Новое время»»,
г. Орёл, ул. Итальянская, 23

Формат 64x90 1/16. Заказ № .
Тираж 1000 экз.